

С «ЛЕЙКОЙ» И БЛОКНОТОМ...

Сотый номер «Северян» собирался отнюдь не в юбилейной атмосфере. Работу над редакторской колонкой я завершал 17 июня, аккуратно в десятилетие гибели наших коллег Игоря Корнелюка и Антона Волошина.

Когда где-то там, на Западе, заводят унылую песнь о «российской агрессии», я вспоминаю, как в далёком 2014-м украинские националисты ударили по нашим коллегам. Убили ребят, рассказывавших правду о событиях на Донбассе. Задолго до начала СВО.

Теперь счет погибших журналистов, ступивших «за ленточку» с «Лейкой» и блокнотом, идет на десятки. Фронт их мирной, но очень опасной работы ширится, потери растут. Но и это ещё не все риски. На Западе вдруг решили поговорить ещё и об уголовном преследовании россиян, освещающих тему специальной военной операции в невыгодном для стран НАТО ключе. А какое издание её у нас сейчас не освещает? К примеру, в этом номере четыре материала на эту тему: пара эксклюзивных интервью с фронтовыми священниками – православным и мусульманским, рассказ ветерана спецоперации и стихи...

Думаю, все уже в курсе той скандальной истории, что приключилась этим летом с осканосным парнем из Голливуда. Уже не важно, собирались Джордж Клуни и К⁰ добиваться от МУС закрытых ордеров на арест пишущей братии из РФ или же, как это у них там часто бывает, «их не так поняли». Важна тенденция: нашим коллегам, где бы они ни находились, вновь попытались заткнуть рот, ещё и пригрозили таким вот неочевидным способом...

Вообще эта ситуация здорово напоминает историю с появлением так называемого «списка 6000», составленного на очередном витке анти-российских рестрикций весной 2022 года. Напомню, в него включили российских политиков, общественных деятелей и журналистов, повинных, по мнению поборников западной демократии, в разжигании войны на Украине. Нашлось в ней место и для меня с коллегами. Тогда я написал редакторскую колонку («Северяне» № 3, 2022 год), предложив алгоритм ответных действий. Так вот, это тот самый случай, когда сто-

ит о нём напомнить. Полагаю, что высказанные тогда предложения актуальны и сейчас, приведу их здесь в небольшом сокращении:

«Считаю, что России пора составить свои списки западных пропагандистов – настоящих поджигателей войны. Не тех, кто в силу личных убеждений одобрял и одобряет действия США в Югославии, Ираке, Сирии и так далее, и даже не тех, кто публично выражает свою ненависть к нам, а тех, кто умышленно искажает картину событий, стряпает на коленке фейки а-ля Буча, разжигает ложью, исходящей от империи лжи, кровавую межнациональную рознь. Таких деятелей на Западе нынче пруд пруди, и их действия давно уже считаются важной частью информационной войны, которую коллективный Запад ведёт против России. Ну а раз это война, должны быть и механизмы привлечения к ответственности за преступления, совершённые на ней. Нужен трибунал, где такие действия будут караться гораздо жёстче, нежели это принято в обычной жизни. Нужен прецедент торжества справедливости¹, когда на одной скамье подсудимых (пусть и заочно) окажутся и те, кто убивал, и те, кто подстрекал к убийствам, придумывая и тиражируя лживые истории о зверствах российской армии на Украине».

А мы потом сравним миролюбивое творчество наших фронтовых коллег с писаниной тех, кого по итогам такого трибунала признают виновными. 🌐

**Главный редактор
«Народного журнала «Северяне»
Андрей Баландин**

¹ Примечательно, что в 1946 году по итогам Нюрнбергского трибунала за преступления в сфере печатной пропаганды был казнён один-единственный подсудимый – Юлиус Штрейхер, главный редактор антисемитской газеты «Штурмовик». Призывы к геноциду кончились для него виселицей.

СОДЕРЖАНИЕ

СТРОГАНИНА

- 6** **Елена КУЗНЕЦОВА**
Влюблённый в тундру

ПАМЯТЬ ОГНЕННЫХ ЛЕТ

- 20** **Наталья РУССКИХ**
Сказ о людской доброте
- 26** **Сергей БОЙКО**
Обжорка
- 30** **Владимир ПЛЕХОВ**
Акварели. Стихотворение

АРКТИЧЕСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

- 32** **Александр ТИТЧЕНКО**
Ноябрьск: от станции до города
- 38** **Елена КУЗНЕЦОВА**
Сделать Ямал чище

ИСТОРИЯ. ЛИЧНОСТИ. СУДЬБЫ

- 42** **Галина КАРЗАНОВА**
*Станислав Караченцев:
«Когда впервые увидел минералы,
я аж задрожал»*

- 50** **Владимир ЗАВODOВСКИЙ**
*Ходили самолёты по воде
аки посуху...*

- 60** **Сергей ВОЛКОВ**
Бронниковы: взгляд в прошлое

ШТРИХИ ВРЕМЕНИ

- 68** **Владимир ЗОЛЬНИКОВ**
*Так рождались
грандиозные проекты*
- 76** **Ольга КИПРИНА**
О любимой Аксарочке

ПУТЕШЕСТВИЕ

- 86** **Ольга САМСОНОВА**
Берег Беринга
- 94** **Леонид ЛАПЦУЙ**
*Летом в тундре.
Стихотворение*

ДЕЛА ДУХОВНЫЕ

- 96** **Иван БЫЧКОВ**
*Откровения фронтového
священника*

103 Владимир ЗАВОДОВСКИЙ
В бою атеистов не бывает

ЛИТЕРАТУРНАЯ СТРАНИЦА

108 Вячеслав СОФРОНОВ
Асхат из Ешаира

115 Анастасия ЛАПСУЙ
Чудо

118 Татьяна МУШТАЕВА
Запоздальный поклон Астафьеву

Обложка (стр. 1, 4) – иллюстрация Любви Бутузовой

Обложка (стр. 2, 3) – фото Александра Романова

АНО «Ямал-Медиа»
629003, ЯНАО, г. Салехард, мкр. Б. Кнунянца, д. 1, каб. 106
Тел.: (34922) 4-27-19
E-mail: yamal-media@yanao.ru
Генеральный директор **Марья Андреевна Зулинова**

Народный журнал **Северяне**

№3 (100), 2024

Издаётся с 19 февраля 1999 года

Главный редактор **Андрей Вячеславович Баландин**

Над номером работали:

Галина Севли художественный редактор
Ольга Юркевич корректор

Адрес редакции:

629003, ЯНАО, г. Салехард, мкр. Б. Кнунянца, д. 1, каб. 106
Тел.: (34922) 4-44-77. E-mail: severyane@yamal-media.ru

16+

ЯМАЛ
медиа

Соучредители: Законодательное Собрание Ямало-Ненецкого автономного округа (629008, Ямало-Ненецкий автономный округ, г. Салехард, ул. Республики, д. 72). Департамент внутренней политики Ямало-Ненецкого автономного округа (629008, Ямало-Ненецкий автономный округ, г. Салехард, пр-кт Молодёжи, д. 9, каб. 708)

Издатель: Департамент внутренней политики Ямало-Ненецкого автономного округа (629008, Ямало-Ненецкий автономный округ, г. Салехард, пр-кт Молодёжи, д. 9, каб. 708)

Отпечатано в типографиях:

АНО «Ямал-Медиа»,

Юридический адрес: 629003, Ямало-Ненецкий автономный округ, г. Салехард, мкр. Богдана Кнунянца, 1, каб. 106

Фактический адрес: 629007, Ямало-Ненецкий автономный округ, г. Салехард, ул. Чубынина, 39А

Тираж 300 экз. Заказ № 0983

ООО «Типография ФортДиалог»

620085, г. Екатеринбург,
ул. Монтёрская, д. 3/81А, оф.323
тел./факс (343) 228-02-32.

Тираж 7260 экз. Заказ № 2420572

Дата выхода в свет: 05.07.2024 г. Распространяется бесплатно.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ТУ72-00566 от 20 апреля 2012 г. выдано Управлением
Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций по Тюменской области,
Ханты-Мансийскому автономному округу – Югре
и Ямало-Ненецкому автономному округу.

Редакция оставляет за собой право отбирать поступающий
материал для публикаций, а также сокращать и редактировать.
Рукописи и фотоснимки не возвращаются и не рецензируются.
При перепечатке материалов ссылка на «Северян» обязательна
(Закон РФ «О средствах массовой информации», ст. 42).

Полные версии каждого номера «Северян» можно найти на интернет-сайте
www.libraries-yanao.ru (корпоративный информационно-библиотечный портал ЯНАО),
на сайте **красныйсевер.рф** (общественно-политическая газета «Красный Север»)

СТРОГАНИНА

ИЛЛЮСТРАЦИЯ: ЛЮБОВЬ БУТУЗОВА

ВЛЮБЛЁННЫЙ В ТУНДРУ

Елена КУЗНЕЦОВА

г. Курган

Пять выставок, пятьсот фотографий, посвящённых тундровикам. Снимки Александра Романова в этом году регулярно украшают коридоры представительства ЯНАО в Тюменской области. Больше двадцати лет работы на Ямале и крепкая дружба с оленеводами – ему есть что показать и о чём рассказать.

Восхищённые взгляды, шушуканье и куча вопросов – обычно так проходит открытие выставок тюменского фотохудожника. Нынешняя встреча не стала исключением. Пожалуй, её можно отнести к самой тёплой и нежной, ведь она посвящена семье – по-ненецки «мяд’ тер»). Тундровики – бабушки, дедушки, папы, мамы и дети – главные герои снимков. Где-то улыбчивые, где-то суровые, но самое главное – настоящие.

– Они не позируют. Всегда открытые и естественные, словно живут в кадре, – говорит мастер.

Секрет открытости – в тесном общении и крепкой дружбе, которая началась в 2004 году. Тогда Александр впервые оказался в чуме и познакомился с бытом коренных северян, хотя на Ямал попал ещё в далёком 1995-м. После той встречи инженер нефтегазовой компании начал фотографировать – и уже не мог остановиться.

В кадре – чумовая жизнь

Раз в неделю, в выходной, Александр старался выбраться в тундру. Часто до стойбища шёл пешком.

– Оленеводы говорили мне: «Да мы совсем рядом». Выйдешь из посёлка – чум видно. Кажется, правда, близко, – смеётся он. – Но

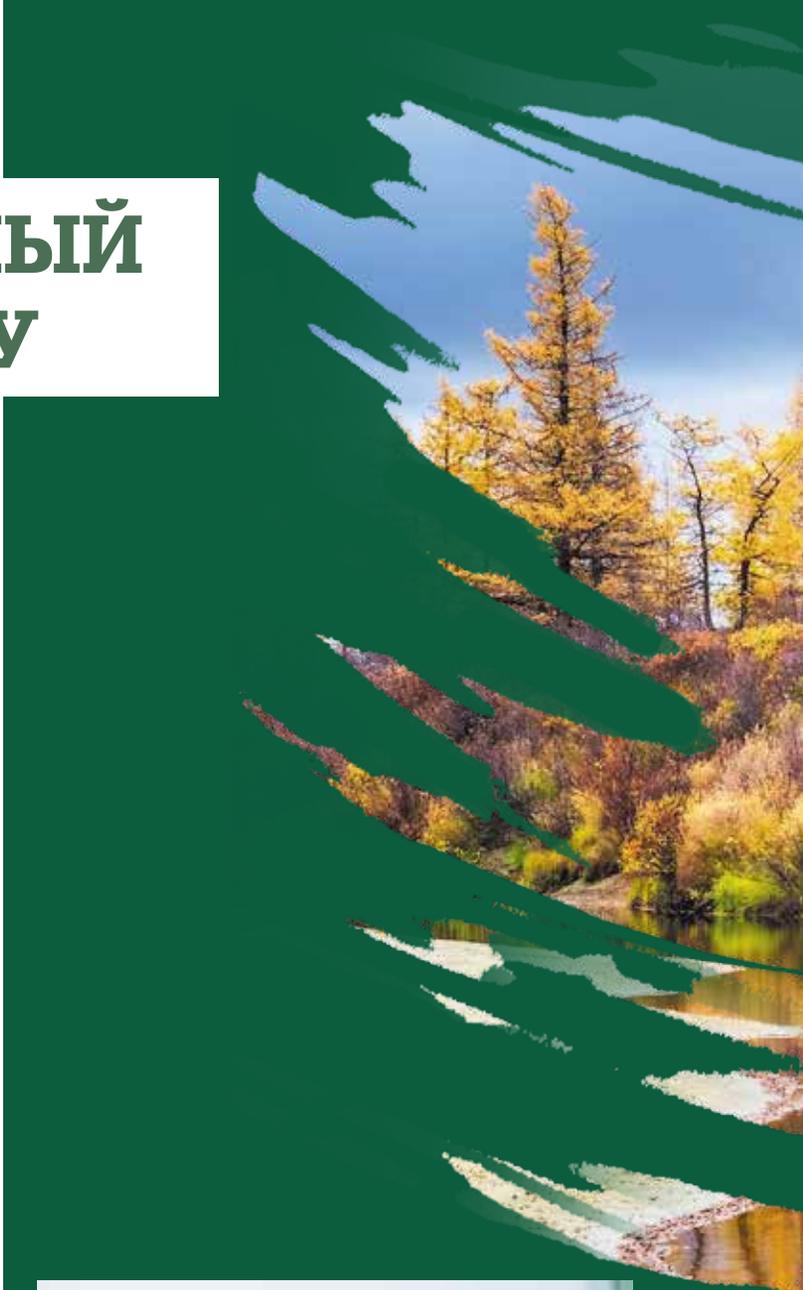

ФОТО ИЗ АРХИВА АЛЕКСАНДРА РОМАНОВА

Александр Романов – участник 90 международных фотоконкурсов, не раз становился их победителем

пока топаешь до стойбища, часа три-четыре, а то и все пять уходят. Для кочевников «недалеко» – понятие относительное.

Одним из первых тундровиков, с которыми подружился Александр, стал бригадир Владимир Ядне. Он и его семья открыли тюменцу мир оленеводов, окунули в свою философию.

– В чуме время тоже идёт по-другому. Кажется, только присел чай попить, а уже вечер. Мы говорили обо всём. Я расспрашивал про обряды, легенды, про мифологический народ сихиртя, который живёт под землёй, – вспоминает Александр. – Особенно меня поразило, насколько глубоко ненцы знают свой

род, как чтут своих предков. Отец Володи рассказал мне о родовых куклах җытарма, в которые селятся души умерших людей. В каждую такую куклу помещается предмет, связанный с умершим. Дедушка признался, что в его кукле будет лежать кусочек метеорита, который он нашёл у Обской губы. Потом его история будет переходить из поколения в поколение.

Семья Ядне запечатлена на многих снимках фотографа. Несколько лет они не виделись.

– В прошлом году приезжаю по работе на Харвугинский участок. Смотрю, на вахте в общежитии девушка сидит. Лицо знакомое.

Подошёл, стал спрашивать. Оказывается, дочь Володи. Поинтересовалась, какие у меня снимки есть – надеялась, что на них будет родственник, которого не стало. Нашёл фото, показал ей – узнала его. А у меня ещё и видео оказалось. Девушка потом это всё в семейном чате разместила – на память.

Память – главная миссия фотографии, считает Александр, ведь в кадре можно навсегда запечатлеть моменты жизни людей, историю улиц, городов и даже страны.

– Фото – то, что остаётся после нас, – говорит он.

«Мы любили делиться новостями»

Быт оленеводов не просто удивил фотохудожника, но и в чём-то восхитил.

– Всё, что нужно, они возят с собой, лишнего не берут.

Тем не менее в гости к своим друзьям Александр всегда ездил с гостинцами. Это была не только еда – хлеб, соль,

сахар, сладости и фрукты, но и детские вещи, ткани.

– Женщины в чуме постоянно что-нибудь шьют для детей и мужей. Специально ехать в посёлок накладно, а мне совсем несложно – магазин рядом. По пути на скважины всегда в стойбища заезжал, – рассказывает фотограф. – Я в тундру даже телевизоры возил – они часто ломались из-за перепада температур в чуме. Вот оленеводы и просили купить новые

на Большой земле. До Ямбурга доставлял их на самолёте, дальше – как получится. Но всё-таки особой популярностью пользовались газеты, журналы, книги. И, конечно, живое общение. Мы любили делиться друг с другом новостями, интернета ещё не было. Чтобы навестить родственников в соседнем чуме, оленеводы запрягали оленей и ехали за несколько километров.

Сейчас всё проще – нажал кнопку на телефоне и поговорил с кем нужно, узнал, как дела. По наблюдениям фотохудожника, тундровики, как и горожане, частенько залипают в гаджетах, почти у всех свои странички в соцсетях.

– За двадцать лет, что я их снимаю, многое изменилось. И не всё в лучшую сторону, – вздыхает Александр.

Что нужно есть в мороз?

Чтобы прочувствовать жизнь оленеводов, Александр как-то остановился в чуме на пять дней. Питался рыбой и мясом, носил малицу и кисы.

– Помню, что постоянно мёрз. Я знаю, что такое работать при минус 30 граду-

сах на ветру, но в чуме, в голой тундре, холод преследует постоянно. Дров не хватает. Да и какие дрова? Деревьев нет, только ветки от кустов. Даже в туалет сходить – проблема, – отмечает фотограф. – Но всё это перекрывает один большой плюс – семья вместе. Это такое счастье! Нам в детстве, чтобы погостить у бабушки

с дедушкой, приходилось ехать в соседнюю деревню. В тундре они рядом. У ненцев очень крепкая связь поколений.

Тут же, у чума, любимые животные – олени и собаки.

– Даже пяти дней там хватает, чтобы перезагрузиться. Начинаешь мыслить по-другому, ценить родных, видеть главное, избавляться от лишнего.

За годы дружбы с тундровиками Александр полюбил рыбу и оленину. В тундре это самая доступная еда.

– Особенно нравится малосол с солью и перцем. Сначала было боязно есть сырое, потом привык. Свежую оленью кровь тоже не раз пробовал, но она на любителя – по мне, сладковата, – признаётся собеседник.

– Помню, как в апреле-мае оленеводы привозили нам в Ямбург ряпушку и корюшку. Мы рыбу вялили, жарили – такой аромат в общежитии стоял, что слюнки текли. На Ямале даже щука жирная, не сравнить с той, что на Большой земле.

Выезжая на скважины, Александр часто брал с собой на обед отварную оленину с бульоном.

– Не поверите, но после такой еды на морозе есть не хотелось до самого позднего вечера. Если же ел в столовой, а это первое, второе и третье блюда, сытым был максимум часа два. На холоде быстро энергия сгорала. Ненцы – мудрый народ, не зря у них оленина – основная еда. Она ещё и диетической считается. Замечали, что среди них очень мало полных людей? К тому же они всегда в движении. Жить в тундре и заниматься оленеводством – тяжелейший труд. Например, чтобы стадо собрать, нужно не один километр пройти и проехать.

Выставка за выставкой

В январе Александр покинул Ямал – ушёл на пенсию. Признаётся, что хоть и прошло уже полгода, а тундра всё равно снится.

– Особенно скучаю по ямальской осени. Кругом красота, комаров нет и море ягод. Я очень любил их собирать. На вкус нравились все, особенно княженика. У неё даже зимой есть аромат. Слышал, что из-за этого когда-то тундровички добавляли её в воду для ополаскивания волос.

В тундру фотографа возвращают не только сны и воспоминания, но и фотографии. Посмотришь на них – будто на Ямале побывал. Поэтому он с удовольствием принял предложение о проведении нескольких выставок о жителях Тазовской тундры (ненцы и коми) в представительстве ЯНАО в Тюменской области. Первая была посвящена природе Тазовского полуострова, вторая – Дню защитников Отечества, третья – Международному женскому дню, четвёртая – Дню защиты детей, а пятая открылась накануне Дня семьи, любви и верности. К каждой выставке отобрано по сто фотографий, временной промежуток – двадцать лет.

СТРОГАНИНА | ФОТОВЗГЛЯД

Для оленеводов главное – семья, чум, олени. Жизнь крутится вокруг этого, они этим довольствуются.

– Семья, дети, мужчины и женщины – темы, которые интересны всем и во всём мире, – говорит Александр. – А для меня самое ценное – когда фото опубликовано, его видят люди.

Фотохудожник очень хорошо знает Тазовский район.

– Объехал здесь все разведочные скважины. И именно тут получаются лучшие снимки. Казалось бы, голая тундра, но есть такие уголки – бугорки, устья рек, которые впечатляют. Из плюсов – отсутствие деревьев. Стволы не загораживают красоту, и её можно передать на фотографии.

Разрывая отношения с Ямалом фотохудожник не собирается, говорит, что обязательно ещё приедет сюда: «Это счастье и любовь на всю жизнь». 📷

ПАМЯТЬ ОГНЕННЫХ ЛЕТ

ИЛЛУСТРАЦИЯ. ЛЮБОВЬ БУТУЗОВА

СКАЗ О ЛЮДСКОЙ ДОБРОТЕ¹

Наталья РУССКИХ

с. Горки, Шурышкарский район

Перед самой войной появилась у нас в Кушевате зырянская семья Семяшкиных – Анна и Иван. Молодые, красивые, влюблённые – только поженились. Анна сама-то из Казым-Мыса родом, Степана Канева дочка, его у нас хорошо знали. А Ваня – мужевский. Не захотел он к ней переезжать, а ей в его краях не поглянулось, вот и решили на полдороге между родными сёлами обосноваться, чтобы никому обидно не было. А на полдороге как раз Кушеват оказался.

Наши подивились такому раскладу, посу-дачили, вот, мол, молодёжь пошла – с затеями, но приняли их. Иван в колхоз пошёл, нравилась ему эта работа, Нюра тоже без дела не сидела – старалась рядом с мужем быть. Он на покос, она туда же – кашеварит на всю бригаду. Он на рыбалку, она на гребях² сидит. Как ниточка за иголкой, так и они друг за другом. Большая любовь у них была, красивая, да недолгая. Война началась.

Брусничный цвет алый

Иван почти сразу повестку на фронт получил, ушёл Родину защищать. Наши тогда ещё посмеялись, спрашивали у него, чего, мол, жену-то дома оставляешь, шли бы вместе. А после Нового года Нюра похоронку получила – погиб Иван, пал смертью храбрых, сложил свою голову в далёких краях...

Горе люди по-разному переживают. Для Анны же сама жизнь остановилась, свет померк и сердце на тысячи кусков разбилось – нет больше Вани. Не плакала, не кричала, не причитала – закаменела от горя. Нет сердца – нет жизни. Только несколько писем осталось солдатских: «Люблю тебя, твой Иван» – вот и всё.

Отец из Казым-Мыса приезжал, думал домой забрать – с родными-то легче горе пережить – не захотела. Из Мужей Ванины родители писали, к себе звали – тоже отказалась. Высохла вся, свет белый не мил стал, никого не видела, ничего не слышала, всё в себе

несла. К ней уж и бабушки поселковые приходили, святой водой опрыскивали, какие-то наговоры шептали – ничего не помогало. Только к лету оправляться начала и в любую свободную минутку в лес уходила. Ведь леса-то наши, деревья да кустики, кочки болотные лечебную силу имеют, душу успокаивают, снимают с человека отчаянье, примиряют с реальностью. Вот и Нюра лесом лечилась. Где берёзку обнимет, где к кедрушке прислонится или на кочке поплачет, вроде как полегчает. Может, был бы у них ребёночек – полегче бы горе перенесла, а так один на один со своей бедой. Тяжело это и не дай Бог никому.

Осенью как-то пошла Анна в лес по бруснику. За думами своими и не заметила, как набрала полнёхонький короб – литров пятнадцать тёмно-бордовой спелой ягоды. А на обратной дороге вновь воспоминания нахлынули. Любили они с Иваном сладкие пироги стряпать да морс варить. Бывало, зимой после баньки зачерпнут мороженую ягоду, сахарком её присыпают, да в прикуску с горячим чаем – вкуснотища!

«Зачем столько собрала, кто её теперь есть-то будет?» – вновь накатила на женщину печаль. Потом всё удивлялась и понять не могла, как ноги сами собой принесли её к деревенскому детдому, а в голове одна мысль – ягоды надо сиротам отдать.

А ведь до того дня за горем своим она и не вспоминала, что в посёлке ленинградские дети живут, от войны и голода спасаются.

¹ Материал основан на реальных событиях.

² Сидеть на гребях – грести вёслами.

ИЛЛЮСТРАЦИЯ: ОЛЬГА ПАМЛО

Слышала, конечно, как женщины это обстоятельство обсуждали, но за своим несчастьем чужой беды не разглядела. И вот пришла пора устыдиться...

Вот ведь как нехорошо получилось, – думалось Нюре, – с ней-то с самой соседки как с малым дитём возились. А она хоть кому-нибудь доброе сделала? Выходит, правильно её Господь надоумил деткам ягоды отдать. А если мало будет – она ещё наберёт. Брусника от всех хворей помогает – и от простуды, и от болезни почек, и кровь чистит...

Блокадные тени

С такими мыслями поднялась Нюра на крыльцо, заглянула в прихожую. Тихо, нет

никого, только в глубине дома голоса еле слышатся. Поставив короб, женщина двинулась дальше, заглянула в первое попавшееся помещение и остолбенела – из-под одеял на неё взирали ребятишки. Проморгнувшись от удивления, незваная гостья невольно покосилась, заозиралась. Уж такая боль и тоска была в тех ввалившихся от слабости и бессилия глазах, что даже ей, исплакавшейся солдатке, дурно стало.

Пока вертела головой, к ней малюсенькая девчушка приковыляла, не подбежала, как это обычно делают резвые детки, а на тонких кривеньких своих ножках, как старушка, приблизилась и в сарафан уткнулась. Нюра на колени опустилась, обняла, да руки сразу отдернула – испугалась. Испугалась худобы этой страшной, хрупкости детского тельца – косточки все у девчушки прощупываются, как бы не повредить, не сломать чего. Заговорила ласково, по-зырянски:

– Тэ менам жале, тэ менам бур, тэ менам дзоля нывка³? Да кто же такое сотворил с тобой, что ты как соломинка стала, как былиночка без ветру качаешься на своих ножках-прутиках?

Вдруг чья-то рука Нюру по плечу похлопала и чей-то голос строгий спросил, что она здесь делает. Это Марта Яковлевна, директор детдома подошла. Первое время после прибытия из-за карантина она никого к своим маленьким блокадникам не подпускала, а тут такое нарушение. Нюра про это тоже слышала, но не испугалась, не почувствовала зла от строгого человека. Только вдруг забыла, как по-русски говорить, начала на зырянском объясняться.

Лишь в прихожей спросила про девочку. Марта Яковлевна сказала, что это Инна, одна из самых младших, ей всего три года, восстанавливается плохо. Нюра тут только вспомнила, зачем пришла, сказала Марте Яковлевне, что ягоды принесла. Они лечебные и полезные, и, если надо, ещё принесёт. Короб свой показала. Марта Яковлевна попробовала бруснику, одобрительно кивнула: она знала ей цену, поблагодарила от души, приобняла, велела с другого крыльца зайти и отдать поварихе Ильиничне. Та знает, что с гостинцем делать.

³ «Тэ менам жале, тэ менам бур, тэ менам дзоля нывка» – «Ты моя дорогая, ты моя хорошая, ты моя маленькая девочка».

ИЛЛЮСТРАЦИЯ: ОЛЬГА ГАМЦО

Задуманная беседа

Сердобольная наша Ильинична тут же усадила Нюру ягоды перебирать да от лесного сора очищать. Она хоть и не близко знакома с ней была, а горе этой молодой женщины хорошо знала, соседки рассказывали. Понимала мудрая женщина и про разбитое сердце, и про боль душевную, и про одиночество страшное – совсем ведь молодая ещё, а ишь как пригнуло её, на излом перекрутило, но держится. Раньше-то в церковь бы ходила, помолилась, батюшку послушала, а там Господь бы и надоумил, сил дал и волю укрепил. Но то раньше, сейчас совсем другие времена.

– Ох, девонька, девонька, выплакаться бы тебе, выпустить горе вместе со слезами, – пожалела её Ильинична.

И принялась про ребятишек рассказывать. Что ни история, то слёзы ручьём. Потом попросила на Марту Яковлевну не сердиться. Сказала, что та только с виду строгая, а на самом деле всем добра желает. Без строгости ведь и порядка не будет, поди-ка справишься с такой оравой, подними всех, выходи, к жизни верни. И местных она очень уважает.

– Вон пол-Кушевата к ней за помощью обращаются после того, как нашего Егора-фельдшера на фронт забрали, уж вроде в годах человек, а, видать, там нужнее. Ещё Марта Яковлевна очень интересуется, как местные люди лечатся, какими средствами с болезнями справляются. Лекарств-то теперь днём с огнём не сыщешь, а помощь всем нужна – и детям, и взрослым, которые с утра до вечера без продыху в работе. Вот и дед Пахомов в который раз в лес ушёл чагу – целебный берёзовый гриб – искать. Уже мешков десять притащил – тяжеленные! Каждый вечер запариваем, чтобы за ночь настоялась, вместо чая даём. Чага и для желудка хороша, и силы укрепляет.

«И нечего сиропом растекаться»

Рассказала Ильинична и про то, что Марта Яковлевна наладилась болячки лечить рыбьим жиром.

– У остячек, у зырянок выпросила, какие травки туда подмешать можно, чтобы целебную силу увеличить. Так-то, конечно, гусяного бы жиру достать, он хорошо кожу живит, но некому теперь в Кушевате охотничать – мужики наши другого зверя бьют. Рыбий жир пить детям полезно, но пока рано, ещё животами сильно маются. От колик болотная трилистка – первое дело, тоже набрали да насушили впрок. Корней шиповника накопили. Они от поноса хорошо помогают. Смородиновых листьев да иванчая на зиму запасли. А от кашля молодые еловые веточки берём. Их в чугунах в печи парим, но только так, чтобы не кипели. Ты вот бруснику принесла, потом с тобой за клюквой ходим – и будет наша помощь ребятишкам. У нас здесь свой фронт, и своя победа должна быть.

Так под рассказы Ильиничны и перебрали Нюрины ягоды. И уже по домам идти наладились, почти ночь на дворе, да вдруг Анну прорвало – слёзы будто сами из глаз полились, заплакала навзрыд, запричитала по-зырянски, на родном языке боль свою высказывать принялась: про Ивана, про любовь загубленную да про сердце разбитое.

Проревели они с Ильиничной полночи. У Нюры слёзы эти будто душу омыли, как чернота какая-то вместе с ними вытекла, и она почувствовала, что сердце у неё снова есть. А девочка Инна, Иннуша, ей глаза открыла и солнце вернула. Может, даже жизнь спасла и новой любовью наполнила.

Ильинична добавила, что Ваня жизнь свою отдал на фронте не просто так, а для того, чтобы великое зло остановить, победить его силу, и вот таким детишкам тоже жизнь вернуть, солнце, радость, любовь. Потом строго добавила, что Иванова жена, Анна Степановна, должна быть сильной, чтобы солдатское правое дело продолжить.

– И нечего сиропом растекаться, себя жалеть, ведь чуть не померла от печали да от тоски. А когда помирать-то? Дел невпроворот, надо к зиме готовиться и Марте Яковлевне помогать детей поднимать.

На том и разошлись той ночью, которая для Нюры вторым рождением стала. Спасибо Ильиничне и девочке Инне.

Возвращение нежности

Сильно девчужка Анне в сердце запала, наполнила его полностью. По ночам она во сне видела, как обнимает хрупкое тельце, гладит спинку, волосики причёсывает, ласковые слова говорит:

– Тэ менам жале, тэ менам бур, тэ менам дзоля нывка, – аж дыхание от нежности перехватывало.

В любую свободную минуту в детдом бегала: то Ильиничне на кухне помочь, то женщинам стирать подсобить. А главное – на Иннушу поглядеть, приласкать, да и других детишек тоже приголубить.

Когда у ленинградских Новый год встречали, Нюра тоже ходила, Инну на коленях держала, вместе концерт смотрели, шептала на ушко:

– Тэ менам шондыз, ме тэнэ зэй радейта.⁴

Ленточку красную атласную Инночке подарила, повязала на головушку, как зыряне делают – ребёночку защита не помешает. А потом сокровенным с Ильиничной поделилась – задумала выпросить у Марты Яковлевны разрешение, чтобы девчужку удочерить. Она в газете прочитала, что так многие женщины поступают. Не враз такое решение пришло, много думано-передумано было. Ильинична тогда её обнадёживать не стала, просто сказала, что Марта Яковлевна всегда по справедливости решает. Уж как скажет, так и будет правильно, и перекрестила, вроде как благословила...

Подвиг второй матери

Марта Яковлевна очень внимательно Анну выслушала, с теплом смотрела, про себя удивляться не переставала, до чего же народ здесь добрый, душевный, бесхитростный. С виду совсем простые люди, не очень образованные, живут в своём тесном мирке, а сколько участия проявляют к детям, помогают, поддерживают, последним готовы поделиться.

Вспомнила Марта Яковлевна, как приехали в Кушеват. Он ей тогда медвежьим углом показался, глухоманью, от всего мира отрезанной. За что взяться, как детей поднимать

в таких условиях? Но оглянуться не успела, помощники появились, каждый на своём месте с полной ответственностью к делу подходит, ни разу не подвели. Вот и эта солдатка пришла, видно, что всё обдумала, прикипела к девчонке с первой встречи, навещает её, женщинам помогает порядок навести и постирать, на кухне что надо сделает. Да и Инна заботу и ласку чувствует, потихоньку в норму приходит, сил набирается.

Какое сердце надо иметь Марте Яковлевне, где такие слова взять, чтобы отказом не убить, в очередной раз душу не покалечить этой молодой женщине? Последней почтой письмо от родителей девочки пришло. Они в эвакуации на Урале вместе со своим заводом оказались, а дочку в Ленинграде с бабушкой оставили. Не думали, не гадали и в страшном сне не видели, что такая судьба их городу выпадет и их дочке такие испытания пройти придётся. Письма писали, запросы слали, но ответов не было. Сердце сжималось от страшных новостей из блокадного города, и бабушка молчала, видимо, не доходила почта. Но не отступились, продолжали писать и вот наконец-то ответ получили, рады безмерно, что дочка жива, за заботу благодарили.

Ох и расстроилась Нюра от такого известия, слёзы в глазах закипели, но потом одёрнула себя – радоваться надо: родители живые и Иннуша не сирота. Посидела молча, а потом сказала, что будет Инне второй матерью, пока родная на заводе военную продукцию выпускает. Разве это плохо, что у девочки две матери будет? Это как двойная защита, и любовь тоже двойная. Инночка её к жизни повернула, солнечный свет подарила, снова сердце в груди забилося. Благодаря ей поняла женщина, за что её муж Иван жизнь отдал, против какого великого зла грудью встал. И от понимания этого легче стало.

Марта Яковлевна только вздохнула. Что с этой упрямницей поделаешь? Не переубедишь. А вскоре позвала она Нюру нянечкой в детдом. Выхлопотала, договорилась, чтобы из колхоза отпустили. Так и зажили дальше. Всё своё время Нюра в детдоме проводила, старшие-то днём в школе, а малышня у неё под присмотром. Её любви на всех хватало, ласковые слова

⁴ «Тэ менам шондыз, ме тэнэ зэй радейта» – «Ты моё солнышко. Я тебя сильно люблю».

ИЛЛУСТРАЦИЯ: ОЛЬГА ЛАМДО

для всех находились, нравилось ей с детишками возиться. И они к ней как росточки к солнышку тянулись, чувствовали доброе сердце.

Не только Иннуше второй мамой стала – всей малышне детдомовской заботу да ласку дарила, для каждого в сердце местечко нашла, заботилась как о родных: обстирает, пуговички пришьёт, дырки заштопает, носочки навяжет. Приласкает каждого, обнимет и слов добрых наговорит. Отогревала любовью своей, радоваться учила, улыбаться, не вздрагивать от громких звуков, не плакать по ночам – старалась, чтобы дети ужасы войны поскорее забыли или хотя бы реже о них вспоминали. Она им детство вернула и радость жизни – в этом был её вклад в победу.

И ведь что интересно – она им сказки рассказывала, песенки пела на своём языке, по-зырянски, а детишки её понимали. Ну вот как так? Дед Пахомов даже экзамен им устраивал, спросит, бывало, про кого сказку-то слушали, они отвечают, что про зайку или про мышонка. Марта Яковлевна тоже не раз такую картину наблюдала, сильно удивлялась, а потом сказала, что это очень хорошо: «Пусть дети запомнят, как звучит доброе сердце». У нас про Ньюру так и стали говорить: «Этая морт зэй бур. Сылэн зэй ыджыд сёлём». Это значит: «Человек очень хороший, у него большое сердце». Наши зря хвалить не станут, видимо, так оно и есть. 🌍

ОБЖОРКА

Сергей БОЙКО,
позывной «Учитель»
г. Салехард

Фронтная «акклиматизация» и горечь первых потерь всегда переживаются остро. Невозможно простому «мобику» – вчерашнему водителю, рабочему или учителю – сохранить привычное расположение духа, когда по позициям проносится огненный смерч. Быть может, ещё вчера ты щурился на солнышке и слушал тишину, а сегодня тебя и душу твою перепаживают вместе с полем, на котором ты лежишь.

Как тут не расклеиться, не упасть духом? Особенно если ты командир и должен не только боевые задачи выполнять, но и быть для подчинённых примером!

Наши ребята, конечно, держались, нюни не распускали. Кто-то стирался в свободное время, кто-то штопал форму, а кто-то с головой уходил в строительство. Благодаря таким умельцам на каждой передислокации мы быстро обрастали «инфраструктурой» – кухня, банька и душевая скрашивали наш спартанский быт.

На позициях в лесополосах под Волновахой было много раскуроченных техникой и артобстрелами деревьев. «Чего добру пропадать?» – подумал я и взялся строгать из липовых, ясеневых, ольховых обрубков ложки. Не для себя – для нашей маленькой кухни, для бойцов. Голова от такого занятия отдыхает, да и сонливость на время проходит, ведь спать на фронте хочется всегда. Помните, как в старом советском фильме: «Эх, вздремнуть бы минут шестьсот»? Вот это и про нас тоже. А если не поспишь, а проспичь – подведёшь однополчан и соседние подразделения. Прозеваешь координаты целей – разжалование и позор на всю оставшуюся жизнь!

В те дни мы поддерживали наступление дальневосточных морпехов и сдерживали «немцев» на других участках фронта. В общем, приходилось держать себя в постоянной бодрости...

На развалинах какого-то хутора я нашёл малый ржавый топор без топорщицы. Очистил его, наточил, сварганил топорщицу. Получился томагавк – лёгкий, удобный, острый. С таким инструментом сподручно обрабатывать по-

ленца до очертаний ложки. Топор был всегда со мной – для дел хозяйственных, да и так, вдруг патроны закончатся...

***

Ещё в Лужской учебке, в военторге, купил я охотничий нож от знаменитых кизлярских мастеров. Штатный штык-нож тупится быстро, да и длинноват для ремесленничества, а этот ухватист, манёврен и превосходно держит заточку. В общем, инструментарий у меня подобрался что надо.

Первые ложки были опытные, грубые, неотёсанные. Часть выкинул, часть подарил. Как сделать лучше, удобнее, как выточить ровное овальное углубление?

В октябре 2022 года я наконец-таки вырвался в Волноваху в увольнительную. На местной барахолке, помимо скупки всего и вся по заказам сослуживцев, разжился напильниками, округлыми стамесками и наждачной бумагой. Дело пошло...

Как-то ночью во время дежурства на узле связи занялся новой моделью. Столовая ложка с изогнутой вверх и в сторону (к себе) ручкой, как у маленьких детей, получила название обжорки.

Мои бойцы, кроме тех, что в карауле, спали. Уморились за день. Каждый выкопал по два-три куба земли для новых землянок; потом они чинили связь, пилили лес, кололи дрова, выполняли боевые задачи.

Костёр быстро прогорал – клён да ольха. Приходилось часто подкладывать дрова, колоть или пилить длинные жерди. Костёр для

солдата – это не просто тепло, это символ домашнего очага. Бойцы соорудили над ним навес из плотного брезента. Квадрокоптеры, бес их за пропеллер, летают, заразы...

***

Бойцы нашего артдивизиона «Невский» – публика разношёрстная. Худые и с лишним весом, молчаливые и буйные, интеллигентные и не очень. Но что касается выполнения боевой задачи – красавцы. Руки в кровь, стиснув зубы, но свою работу делают. Нет крана, нет экскаватора, но есть российский солдат, который с помощью прибаутки или крепкого словца заменит стосильную технику. Такого солдата не победить. Жилы сорвёт, но своего добьётся. Сам пострадает, но товарища выручит.

Чуть за полночь, к костру подошёл замполит нашего дивизиона. Я доложил по форме. Предложил чай. Дежурный чайник был всегда у костра в тёплом состоянии.

Разговорились. Он удивился моему занятию:

– Почему ложки и для чего?

– Подарки бойцам. Одну вырезал Деду, так он так обрадовался, точно ребёнок шоколадке.

Дед – это один из наших старожил. Как и мне, ему 55 лет. Старый и мудрый. Лямку тянет как молодой. А шутяга! Как сморозит что-нибудь, хоть стой, хоть падай. Слезы текут, животы надрываются от смеха.

Проснулся и вышел к костру командир взвода. Закурил.

– Здравия желаю!

– Товарищ старший лейтенант, отчего так хозяйство запустили? Ваши бойцы сами себе деревянные ложки тачают!

– Да есть у них ложки...

– Разрешите, – сказал я, обратившись к замполиту, – ложки в хозяйстве действительно есть, а деревянные для души и от души. Хотите, и вам вырежу. Вам понравится.

– Ладно. От души, так от души. Вот привёз письма бойцам от детей Ленинградской области. Раздайте, товарищ младший сержант, – протянул он мне пачку корреспонденции. – Им будет приятно.

– Есть раздать письма.

ФОТО ИЗ АРХИВА СЕРГЕЯ БОЙКО

Сергей Бойко во время участия в специальной военной операции. После возвращения домой он часто общается со школьниками, рассказывает о службе

***

В ту ночь я выстрогал топором и кизяром контур ложки и начал делать штык-ножом углубление в той части, которое называется черпало. Это самый тонкий процесс. Одно неловкое движение и – трещина. Постепенно, точно сверлом, делал углубление и потом круговыми движениями расширял его в диаметре. Потом второе углубление,

и опять расширял. Далее из двух углублений сделал одно, овальное.

Моё время боевого дежурства закончилось. Никто не связывался с дивизионом. Я разбудил сменщика, передал пароли, журналы, рации, зарядки и телефоны, а сам пошёл отдыхать.

Следующая ночь была жаркой – не до ремесленничества. А руки просят. Запах дерева для меня что любимый одеколон. Вообще-то я всегда любил мастерить. У меня дома на лоджии маленькая мастерская.

Через пару ночей выдалось затишье, и я с удовольствием взялся за свою обжорку. Достругивал штык-ножом, кизляром и полукруглыми стамесками. Потом обрабатывал напильниками и шлифовал наждачкой. Ну всё, обжорка готова!

Днём выдалась свободная минутка, и я опробовал ложку в деле. Оказалось, не очень удобна для рта. Надо было сделать более плоское и тонкое черпало. Сделал. Заодно подшлифовал ручку. Стало приятно держать в руке и удобно есть. Работа завершена. Вот бы её покрасить. Но где на войне найдёшь краску и лак по дереву?

Эта ложка досталась Колесу – командиру взвода обеспечения. Он был назначен на эту должность, как и я, после пересечения ленты, когда наши предшественники стали трёхсотыми. Мы сдружились. Характеры у нас похожие, да и возраста одного. Помогали друг другу.

– Колесо, дружище, это тебе на память и чтобы вкусно елось.

Я подарил моему боевому товарищу обжорку. Тот разулыбался и обнял меня в знак благодарности.

***

При первой возможности я подыскивал материал для будущих поделок. Когда отправлялся чинить многострадальный кабель связи, то по дороге прихватывал пару-тройку поленец. Экспериментировал с разными породами дерева по цвету текстуры, по твёрдости и лёгкости в обработке. Светлые: берёза, ель, дуб, клён, липа. Красные и коричневые: вишня, орех. Легче всего обрабатывались клён и ель. Но самые красивые были из коричневого ореха и красно-розовой вишни.

Пару недель было жарко. Днём боевые и хозяйственные задачи. Их было много, ведь мы передислоцировались под Сватово. А ночью по пять-десять целей. Наши «Малки»¹ работали исправно, а после стрельб сворачивались и уходили в места маскировки. Часто ухали ответки, в том числе и по нашей располаге. Один раз прилетела кассета с «лепестками». На одной из таких мин подорвался наш начальник штаба, получил тяжёлое ранение. Но в целом приданный нашему подразделению расчёт ПВО справлялся на «отлично».

Переехал и радиотранслятор артдивизиона. Начальник связи бригады для его установки выбрал самую высокую точку в радиусе десяти километров – трубу заброшенной котельной.

В ноябре меня с Дедом назначили обеспечивать связь и охранять транслятор. Появилось немного свободного времени, чтобы заняться ремеслом. Сделал с десяток или больше заготовок для ложек, опробовал несколько новых моделей с интересными изгибами и вариантами черенков: булава, копьё, лопатка. Мне ведь надо выполнить все заказы – как с нашего взвода, так и с батареей дивизиона.

Увы, неделя относительной тишины пролетела быстро. Грозное «триста тридцать три» снова звучит на батареях. А значит, ложки в сторону!

Вообще, транслятор должен быть всё время заряжен. Чтобы не лазить на трубу каждые три-четыре часа со свежим аккумулятором, мы с Дедом закрепили на самой верхотуре ролик и подвесили на него оборудование. В спокойную погоду это работало – мы просто тянули кабель, спуская и поднимающая транслятор. Но стоило подняться ветру, кабель перекручивался, запутывался, и наша «коробочка» застревала наверху.

– Учитель, я – Первый, плохая связь, заменить батарею!

В такие дни приходилось по несколько раз подниматься по ржавой лестнице на высоту семи-восьмиэтажного дома. При этом часть ступеней отсутствовала, а некоторые обрушились уже подо мной.

– Первый, я – Учитель, как меня слышно?

– Учитель, я – Первый, слышу тебя хорошо.

¹«Малка» – самоходная артиллерийская установка большой мощности.

Это мои бойцы назвали меня Учителем. Я ведь на гражданке был простым педагогом, работал в одном из колледжей Ленинградской области, но внешностью похож на восточного сэнсэя. Вот и прицепился такой позывной.

***

31 декабря прибыли в деревню под Донецком. Посты выставлены. Техника замаскирована. Проверены улицы, дома, мастерские. Рядом пехота ДНР. Свои. Теперь можно и отметить наступающий 2023-й год. Взвод управления, в котором в строю осталось восемь из 27 бойцов, выстоял. Все боевые задачи выполнены.

Мы породнились за полгода службы. Такие разные как по возрасту, так и по характеру. А с какой теплотой мы дарили в Новый год друг другу подарки: шевроны, шоколадки... Аккурат под ёлочку подоспели посылки от родных и волонтеров из Ленобласти. Тёплое бельё, шерстяные носки, еда и сладости. Всё разделили поровну. А ещё я подарил парням полированные, пахнущие лесом, деревянные ложки. Пару «обжорок», пару «свинтусов», пару «нехочух», другие произведения столярного искусства. Каждому досталось по ложке, ещё и экипажам орудий хватило.

Пусть моим дорогим сослуживцам будет вкусно и сытно! Пусть матери и жёны с детьми дождутся своих воинов живыми и здоровыми! 🇷🇺

ФОТО: ЮЛИЯ ЧУДИНОВА / «ЯМАЛ-МЕДИА»

Когда Сергей Бойко был в Волновахе, город был сильно разрушен. Сейчас его не узнать: здания и дома восстановлены, некоторые построены с нуля. Во многом это произошло благодаря Ямалу, взявшему шефство над Волновахой в сентябре 2022-го

АКВАРЕЛИ

Владимир ПЛЕХОВ

г. Киров

Под ногами захлопают красным
Как-то в миг луговые ложбины.
То ли пот, то ли дождь, не напрасно
Наступающим вымочит спины.

Так удобнее в пекле пожарищ.
Слабый шанс не изжариться вовсе.
Да ещё твой надёжный товарищ
Твоё тело в ложбине не бросит.

На двоих и обстрелы, и схроны,
Вы же рядом почти две недели.
Иногда как в колодке патроны,
Иногда как мазки в акварели.

На холсте всё сошлось, всё смешалось.
Акварель размочить нужен дождик.
Знает небо, что это не шалость,
И рисует, рисует художник.

Тот художник, что раньше горстями
Её образ вылепливал тонко.
А теперь он не только кистями,
Он рисует углём на картонке.

Снова с ней, осознав твои муки,
Рисовать начинает картину.
Но внезапно дрожащие руки
Акварель разольют по ложбинам.

Кто-то вновь со словами: «О, Боже!»
Ступит в красное, станет не целым.
Но любовь, как и прежде, поможет,
Ты проснёшься не в красном, а в белом.

АРКТИЧЕСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

ИЛЛЮСТРАЦИЯ: ЛЮБОВЬ БУТУЗОВА

НОЯБРЬСК: ОТ СТАНЦИИ ДО ГОРОДА

Александр ТИТЧЕНКО
г. Тюмень

Это не история, а всего лишь эпизод в увлекательной хронике становления Ноябрьска, который может в чём-то расходиться с канонической версией рождения города. Это воспоминания непосредственного участника тех событий: как они виделись и воспринимались им почти полвека назад.

Молодые города тюменского Севера зарождались совсем не так, как обычные поселения, медленно растущие на веками облюбованных местах, рядом с водой и торговыми путями. Они возникали «там, где недавно геологи прошли», по указанию высокого руководства: «Здесь будем строить!». Без ре-

когносцировки на местности, без учёта климатических особенностей и обсуждения с местными властями. Тогдашним секретарям райкомов и председателям райисполкомов приходилось претворять в жизнь высокие решения, исправляя на ходу ошибки и недочёты.

Перед принятием «серебряного костыля»

Мало кто помнит, но красавец Ноябрьск, раскинувшийся на берегах озера Ханто, по плану должен был стоять не там и выглядеть не так. Существование такого крупного города вообще не предусматривалось.

К середине 70-х годов прошлого века для освоения открытых нефтегазовых месторождений было решено построить железную дорогу Сургут – Новый Уренгой с промежуточной станцией Ноябрьская. В январе 1976-го посёлок Ноябрьский был обозначен на картах проектировщиков, а уже в начале ноября первый десант из шести первопроходцев механизированной колонны № 15 треста «Уралстроймеханизация» высадился на 203-м км будущей ветки для подготовки места под перебазировку организации.

Жители молодого посёлка 20 мая 1978 года встречали бригаду путейцев СМП-329, которая уложила последнее звено железной дороги, и первый поезд из Когалыма. Тогда в глухой тайге играл оркестр,

танцевали счастливые рабочие, а у железнодорожного полотна был установлен столб с надписью «станция Ноябрьская». Но до этого...

– Анатолий Максимович Анисимов, первый секретарь Пуровского райкома КПСС, говорит: «Звонили из области, сказали что железная дорога Сургут – Уренгой подходит к границе нашего района. Нужно будет на месте провести митинг по передаче трудовой эстафеты и «серебряного костыля», – вспоминает Григорий Кулинич, в ту пору председатель райисполкома Пуровского района, на территории которого развернулись главные события зарождения нефтегазового комплекса Ямала.

На передачу этого самого «костыля» ждали начальника управления транспортного строительства «Тюменьстройпуть» Дмитрия Коротчаева, имя которого сегодня носит один из посёлков округа, – тот внимательно следил за строительством стратегически важной магистрали. Переоценить её значение для экономики трудно – все грузы до этого перебрасывались на Крайний Север либо через станцию Обскую у города Лабьтнаги, либо воздушным транспортом, делая каждый привезённый килограмм «золотым».

Найти станцию в тайге

Григорий Гаврилович к середине 1970-х годов уже успел поучаствовать в обустройстве Шаимского, Пунгинского и Медвежьего месторождений, отстраивал Урай и Надым. Вбивать первый колышек на месте будущих городов ему было не впервой. Вот только место это нужно было ещё найти!

– Министерство путей сообщения на карте железную дорогу уже проложило и даже названия станциям на бумаге присвоило. В том числе – станцию Ноябрьская, – продолжает он. – А где эта Ноябрьская? Где-то в двух километрах от границы. Связи нет, дорог нет. Взяли у начальника экспедиции вертолёт и полетели с первым секретарём райкома партии на поиски.

Искали так: на карте прочертили прямую линию от Сургута до Уренгоя и полетели вдоль неё. Полетали над точкой, где планировалось строительство железнодорожной

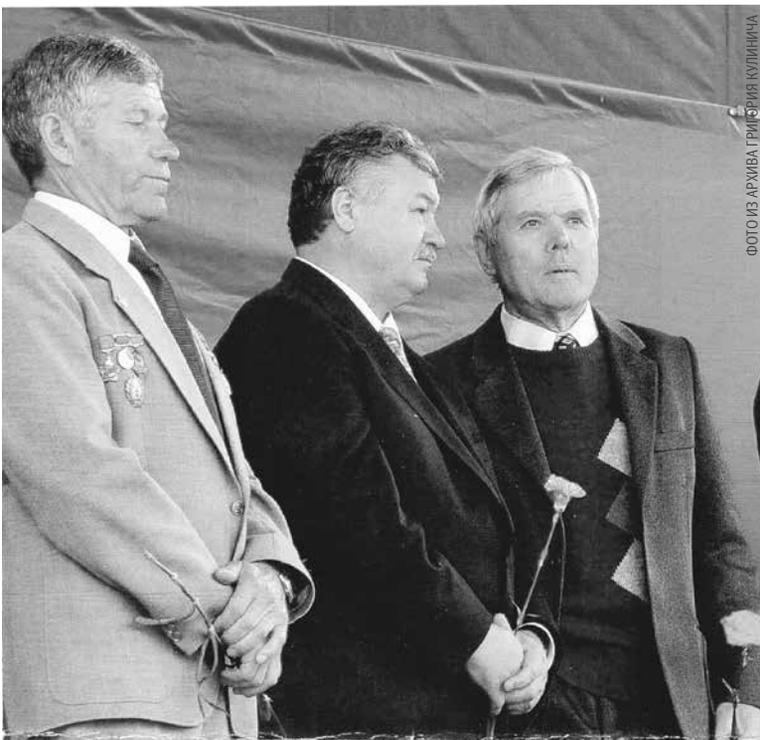

ФОТО ИЗ АРХИВА ГРИГОРИЯ КУЛИНИЧА

Григорий Кулинич (первый справа)
с 1976-го по 1980 год руководил пуровским исполкомом

Временные посёлки, 1979 год

станции, – ничего: сплошная голубая тайга, зацепиться взгляду не за что. Железной дороги, эстафету по которой вскоре передавать, тоже не видно.

– Тогда мы поднялись чуть повыше и взяли круг облёта пошире, – рассказывает Кулинич. – Смотрим: в тайге площадка вырублена, вагончик стоит и пиорама возле него. Тут же из жердей вертолётная площадка сложена. Ну, мы сели.

Бежит к вертолёту мужик, руками машет: «Кто такие?» Оказалось, здесь базируются проектировщики второй линии ЛЭП-500 (линии электропередач).

– Где железная дорога? – спросили у него.

– Поднимайтесь ещё выше и прямо с нашего места увидите.

Действительно, с высоты птичьего-вертолётного полёта удалось разглядеть в тайге узкую полоску песчаного цвета сквозь тайгу. Полетели в ту сторону и вскоре внизу увидели поляну, на ней сколоченный из наструганных досок сарай и вертолётная площадка. На холмике – жилой вагончик. Только сели, оттуда сразу же человек подбежал:

– Я главный инженер мехколонны-15. Нам поставлена задача отсыпать дорогу.

– А где здесь будет станция Ноябрьская? – спросили.

– Идите за мной, покажу.

Встречающий раздал прилетевшим гостям сапоги и повёл за собой по грязи. Потом остановился, топнул ногой:

– Вот здесь будет вокзал!

Высокие гости объяснили ему, что сюда придёт строительный поезд, будет митинг по передаче эстафеты от сургутских строителей дороги уренгойским, соберётся много народу, в том числе начальство из Тюмени.

– Надо бы какую-нибудь трибуну сколотить, – сказал я.

– Сколотим, – ответил он, а потом добавил: поставлю вам два «Урала» бортами друг к другу – вот и трибуна будет!

Когда пришло время, прилетели люди из Тарко-Сале, подошли рабочие из мехколонны и со строительного поезда.

– Народу много собралось, – вспоминает Григорий Кулинич. – Митинг провели, «серебряный костыль» приняли.

Эта встреча запечатлена на чёрно-белой фотоплёнке. Она стала важной вехой в истории Ноябрьска. Никто тогда даже не догадывался, что первый секретарь райкома с председателем парткома целый день кружили на вертолёте над девственной северной тайгой и искали станцию.

Здесь строить нельзя!

Рабочее движение поездов через станцию Ноябрьская было открыто 29 мая 1978 года. Сам город ещё не начинали строить, он был лишь в смутных проектах, хотя в железнодорожном посёлке насчитывалось уже более полутора тысяч человек. Люди прибывали ежедневно.

Железная дорога подошла к точке на карте и ушла дальше к газовой столице Ямала, оставив позади станционный посёлок.

А 1 августа было принято решение Исполнительного комитета Тюменского областного Совета депутатов трудящихся № 319 «О проектировании и строительстве города в районе станции Ноябрьская на линии строящейся железной дороги Сургут – Уренгой». Утвердили список участвующих в строительстве главков и количество привлекаемых ими людей. Кстати, Ноябрьск сразу планировался на 90–100 тысяч жителей.

И началось людское «нашествие». Руководство Пуровского района в стороне от строительства такого «мегаполиса» остаться не могло.

– Проектировщики начали разрабатывать селитебную¹ зону и «посадили» её прямо к станции, где посёлок железнодорожников. А там болотина! – рассказывает собеседник. – Прежде чем строить, столько земли нужно было завезти! И потом всю жизнь мучиться.

Первым председателем ноябрьского сельского совета в 1977 году был назначен Анатолий Крылосов, работавший до этого в райкоме комсомола Пуровского района. Он не просто исходил, а шагами измерил площадь будущего города.

Кулинич такое уже видел и в Югре, и на Ямале. Проектировщики далеко, грязь на стройплощадках не месят и тротуары в болатине не прокладывают.

– Была бы в этом хоть какая-то необходимость, а то всего в двух километрах отсюда озеро Ханто – прекрасное место для будущего города, – объясняет Григорий Гаврилович.

Ответственные за строительство были в Сургуте – далеко, связь плохая. Сначала ямальцы ездили на сессии и партактивы – пробовали доказать необходимость переноса строительства города в другое место, на встрече в Сургуте представили доводы и раскладки. Но проектный институт заявил: кто платит, тот и решает, где строить.

– Мы же продолжали звонить во все концы и доказывать свою правоту, – вспоминает Григорий Гаврилович. – Но жаловаться некому. Решение утверждено областным исполкомом, и любое наше обращение возвращается на рассмотрение ему же.

Дошло до того, что первый секретарь Ямало-Ненецкого окружкома партии прямо заявил Кулиничу: «Ещё раз услышу, что ты поднимаешь вопрос по Ноябрьску, сниму с работы!»

– Но мы всё равно продолжали потихоньку пробивать. И добились своего, – улыбается бывший председатель Пуровского райисполкома.

Проблемой заинтересовалось областное управление по делам архитектуры и строительства, удивленное настойчивостью далёких пуровских властей. Архитекторы решили собрать проектировщиков с «жалобщиками», вместе проехать на спорное место и разобраться окончательно.

– Тут все и убедились, что мы были правы, – подытоживает собеседник.

Решение о переносе строительства будущего города Тюменский облисполком принял 30 августа 1978 года. В документе говорилось, что по просьбе пуровских властей строительство переносится в район разъезда Ханто на 213-м км железной дороги Сургут – Уренгой.

– Я всё время убеждал: мы должны построить город с учётом недостатков, допущенных

¹ Селитебная зона – часть территории населённого пункта, предназначенная для размещения жилой, общественной и рекреационной зон.

ФОТО ИЗ ФОНДОВ МАУК «МУЗЕЙНЫЙ ЦЕНТР»

Жители посёлка Ноябрьский на фоне панелей первого дома по улице Строителей, 1978 год

ФОТО ИЗ ФОНДОВ МАУК «МУЗЕЙНЫЙ ЦЕНТР»

Строительство первого капитального дома в Ноябрьске, декабрь 1980 года

ФОТО ИЗ ФОНДОВ МАУК «МУЗЕЙНЫЙ ЦЕНТР»

Вид на город. Пересечение улицы Ленина и проспекта Мира, середина 1980-х годов

при строительстве всех ранее построенных городов: Сургута, Надыма, Нижневартовска, – перечисляет Кулинич. – Они все с промышленными зонами в жилом секторе. Грузовые машины по улицам ездят, дороги ломают...

За красную черту не заступили

По воспоминаниям первопроходцев, иногда в день на территорию будущего города заходило по несколько организаций с вагончиками, техникой и скарбом. Где утром был пустырь, к вечеру уже дымил трубами вагон-городок.

– Народ прёт! Нужны магазины, садики, школы и так далее. Всех нужно срочно размещать, но мы не давали строить как попало, – говорит Григорий Гаврилович.

Дошло до того, что на строптивного пуровчанина сам Салманов пожаловался на заседании Тюменского облисполкома, мол, председатель мешает работать. Впрочем, в кулуарах старшие товарищи Кулиничу успокоили: «Не обращай внимания. Всё правильно делаешь».

– В конце концов, вытребовал я у проектировщиков «синьку» (копию плана), чтобы понять, где должны размещаться первостепенные организации, и уже на основе этого начали распределять земельные участки.

Жители молодых северных городов знают, как быстро построенная на далёком пустыре промбаза оказывалась в центре быстрорастущего населённого пункта. Чтобы этого избежать, Кулинич прочертил по плану застройки города красную линию: здесь вагончики, временное жильё, балки. Ближе к центру деревянная застройка.

– Пока шло строительство, весь Ноябрьск исходил. Каким трудом мы его строили! – вспоминает он. – В центре города только многоэтажное каменное жильё. Ни одна организация за красную линию не заступила!

В 1980 году родились грандиозные планы освоения недр Красноселькупского района, и Григорий Гаврилович, имевший уже огромный опыт строительства городов, был направлен туда первым секретарем райкома КПСС. В 1989 году его перевели в Тюменский обком партии...

А Ноябрьск «вырос» красавцем! 🌍

СДЕЛАТЬ ЯМАЛ ЧИЩЕ

В регионе стартовал сезон экологических экспедиций

Елена КУЗНЕЦОВА

г. Курган

Этим летом волонтеры трудятся в селе Мыс Каменный и в природном парке «Ингилор»: на туристических маршрутах «Большая ямальская тропа» и Харбейский.

На Харбейском туристическом маршруте работы в самом разгаре. До 14 июля ребята будут изготавливать и монтировать лежнёвки (деревянные трапы) на заболоченных участках.

Вторая экспедиция в «Ингилор» запланирована на конец июля. Помимо 13 волонтеров в её состав войдут два водителя, два технических специалиста, повар и руководитель. За две недели отряд приведёт в порядок пять захламлённых участков, перемещаться будут на двух трэколах.

– В планах – собрать и подготовить к вывозу 500 кубометров разного мусора и металла, провести демонтаж 10 деревянных ветхих строений, – говорит Евгений Рожковский, председатель общественной организации «Зе-

лёная Арктика». – Экспедиция в парк интересна тем, что здесь мы впервые трудимся в «кочевом» формате: приехали на объект, разбили лагерь, отработали, поехали к следующему. Нам предстоит расширить свой опыт в проведении автономных технически и логистически сложных экологических экспедиций.

В Мыс Каменный волонтеры приедут во второй раз. Сюда отправится отряд из 18 человек: мужчины и женщины. Это второй населённый пункт в Ямальском районе, где они работают. С 2020 по 2022 год ребята занимались уборкой в Сеяхе.

– От станции тропосферной связи «Кама» к берегу Обской губы тянется нитка заброшенного топливопровода из сотен двухсот-

ФОТО ИЗ АРХИВА МОЭО «ЗЕЛЕНАЯ АРКТИКА»

Волонтеры не только собирают железный мусор, но и готовят его для вывоза – складывают, распиливают. Позже металлолом вывозит техника

За два года волонтеры навести порядок в Сеяхе и близлежащей тундре. Собирали металлолом, древесину, стекла, пластик и другие отходы, оставшиеся с советских времён. Итогом работы стало открытие культурологического сайта «Азбука Сеяхи»

ФОТО ИЗ АРХИВА МОЗО «ЗЕЛЕНАЯ АРКТИКА»

В прошлом году на Мысе Каменном было собрано 19 тонн металлолома и 35 тонн твёрдых бытовых отходов, демонтировано 4,5 км топливопровода. Из тундры вывезли 465 железных бочек и 200 метров труб

литровых бочек и толстостенных труб, на окраинах посёлка скопились свалки металлолома и строительного мусора. Наша задача –

помочь жителям и сельской администрации навести порядок не только в Мысе Каменном, но и в близлежащей тундре.

В этом году более 200 человек заявилось на участие в экологических экспедициях «Зелёной Арктики». Отбор прошли сорок, в их числе двое жителей Казахстана. Каждого претендента ждало тестирование и собеседование с психологом и руководителем проекта отбора и подготовки волонтеров Арктики.

– После этого началась образовательная часть. Ребята дистанционно общались с реабилитологами, спасателями и многими другими. Шла тщательная подготовка, – подчёркивает Евгений. – Новичкам мы рассказывали о народах, проживающих на Ямале, и их обычаях, особенностях климата. «Старички» делились знаниями – что нужно взять, к чему быть морально и физически готовым.

Обязательной была работа с психологом, ведь волонтеры проведут вместе две недели. Кажется, срок небольшой, но со своими особенностями. Как показывает практика, первые три-пять дней ребята переносят хорошо, потом наступает усталость. Главное – не сорваться и продолжить работу в команде.

Условия проживания у экспедиций разные. Самые экстремальные – в парке «Ингилор»: палатки, мобильная баня. На Мысе Каменном волонтеры будут жить в школе-интернате, их будут кормить в столовой. 🇷🇺

ФОТО ИЗ АРХИВА МОЗО «ЗЕЛЕНАЯ АРКТИКА»

Несмотря на тяжёлый труд, волонтеры всегда в приподнятом настроении

ИСТОРИЯ. ЛИЧНОСТИ. СУДЬБЫ

ИЛЛЮСТРАЦИЯ: ЛЮБОВЬ БУТУЗОВА

СТАНИСЛАВ КАРАЧЕНЦЕВ: «КОГДА ВПЕРВЫЕ УВИДЕЛ МИНЕРАЛЫ, Я АЖ ЗАДРОЖАЛ»¹

Галина КАРЗАНОВА,

старший научный сотрудник МВК имени И. С. Шемановского
г. Салехард

Мы продолжаем рассказывать о геологе Станиславе Караченцеве, который внёс большой вклад в изучение Полярного Урала. Он дважды возглавлял Полярно-Уральскую экспедицию, причём в трёх разных десятилетиях, и открыл два месторождения. Большая часть материала – от первого лица.

(Продолжение. Начало в № 4 2023 г.,
№ 1, № 2 2024 г.)

Плащ с люминоскопом в помощь

В Западно-Сибирском научно-исследовательском геологоразведочном нефтяном институте я проработал с 1970-го по 1976 год. Изучал тему, которую подсказал мой старый знакомый по Тайкеу Файвель Апельцин, сотрудник Всесоюзного института минерального сырья (ВИМС). Файвель Рахмильевич возглавил группу, занимающуюся вольфрамом. Он систематизировал типы вольфрамовых месторождений по стране, выявлял их признаки, в том числе поисковые, и давал рекомендации организациям.

Апельцин подбросил нам идею о Харбейском молибденовом месторождении – где и как можно было обнаружить вольфрам. Мы лазали по всей территории от Приполярного Урала до Байдарацкой губы. Особенность минерализации вольфрама в том, что её трудно увидеть и определить. Если нам встречался молибденит, мы начинали искать шеелит (носитель вольфрама) с люминоскопом – светили им в тёмное время, накрываясь плащами. Я обратился с этим

к нашему геофизику Барбину, он помог, и такими же люминоскопами вскоре обеспечили все поисковые партии.

Во время этой работы у меня появилось много новых знакомых. Я побывал во Владивостоке, где мы сделали стендовый доклад. Когда пришло время защищать отчёт, нашим рецензентом назначили сотрудника геологического института Академии наук Покровского из Свердловска. Он был специалистом по минералогии, гранитоидам. Работа состояла из двух разделов. Первый, большой, писал я; второй, небольшой – коллеги Ким Высоккий и Нина Скоробогатова. Покровский поставил нам «отлично».

– Станислав Георгиевич, так вы этот раздел один писали? – удивился он. – Вам без разговоров надо быстро оформлять его в качестве диссертационной работы.

Но у меня опять же руки не доходили...

О сырьевой базе страны

В 1974 году я побывал в Апатитах на конференции, которую организовал институт минералогии, геохимии и кристаллохимии редких элементов (ИМГРЭ). Это был хурал союзного масштаба, на который съехались редкометалльщики. Речь шла о запасах засекреченных элементов, в основном тантала.

¹ Материал подготовлен в рамках проекта Музейно-выставочного комплекса имени И. С. Шемановского «Предметный разговор» (portmvk.yanao.ru).

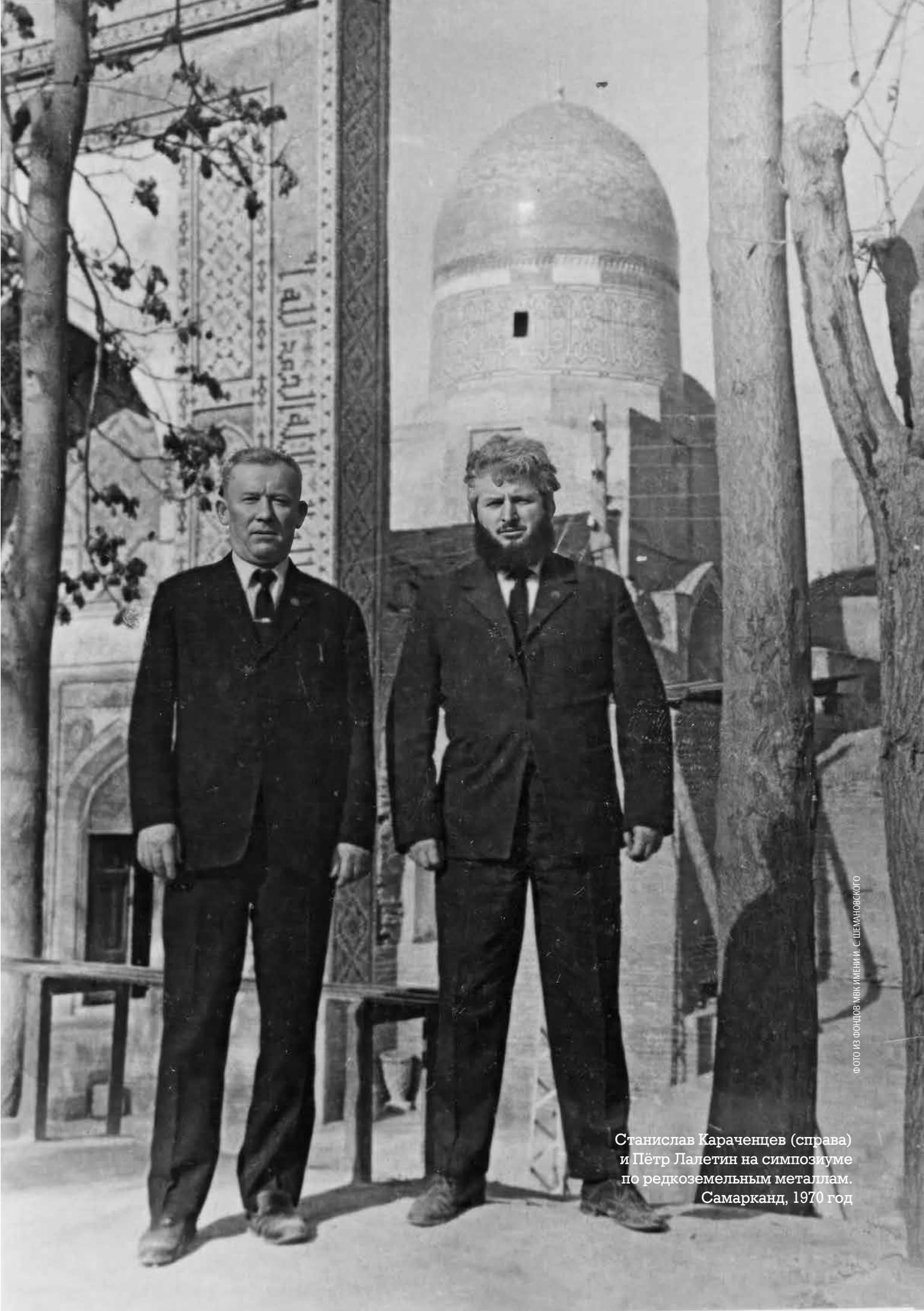

ФОТО ИЗ ФОНДОВ МВК ИМЕНИ С. ШЕМАНОВСКОГО

Станислав Караченцев (справа)
и Пётр Лалетин на симпозиуме
по редкоземельным металлам.
Самарканд, 1970 год

ФОТО ИЗ ФОНДОВ МВК ИМЕНИ И. С. ШЕМАНОВСКОГО

В советское время у каждого предприятия и института были подшефные колхозы. На фото – коллектив ЗапСибНИГНИ на уборке капусты, 1970-е годы

Я тогда числился аспирантом у Льва Овчинникова, директора ИМГРЭ, члена-корреспондента Академии наук. Прислал в институт свой доклад о танталоносных месторождениях Полярного Урала. Переделывать его так, чтобы он попал в сборник по итогу конференции, уже не было возможности – пригласили поздно. Зато меня привлекли для обобщающей работы в качестве исполнителя по Уральскому региону, по Приполярному и Полярному Уралу.

Поднял тогда вопрос о создании сырьевой базы редких элементов. Она могла быть использована в разных ситуациях. Помните, как было во время Великой Отечественной войны, когда большое количество месторождений оказалось на оккупированных территориях или территориях с большим риском? Страна лишилась многих полезных ископаемых. Но столкнулся с непониманием и первый раз получил щелчок по носу. От своего же руководителя.

– Ну что ты лезешь? Это не наше дело. Наше дело – сказать, где что есть. А развивать или не развивать, пусть думают другие, кто этим занимается, – сказал Лев Николаевич.

Поддержку я получил, как ни странно, от представителя Министерства геологии. Не помню его фамилию.

– Зря вы отмахиваетесь от того, что сказал Караченцев. Работа геолога должна заключаться не только в том, что найти, а попытаться всё увязывать в какие-то системы, которые можно будет использовать для пользы страны – сохранять и одновременно обеспечивать сырьевую безопасность. Мало ли что случится?..

Вот и случились пертурбации после 1991 года. Сколько запасов хромитов, цветных металлов ушло в Казахстан! Сколько золота утекло в Узбекистан! А замены-то сразу не было. И никто не пытался что-то делать...

Совещание закончилось экскурсионной поездкой на редкометальное месторождение

в Ловозеро. Добирались через Мончегорск. В дороге я познакомился с коллегой, которая интересовалась образцами с Полярного Урала. Мы стали обмениваться посылками.

Позже, когда вернулся на работу, мне прислали препринт моего доклада с грифом «для служебного пользования».

Прощай, институт! И снова здравствуй, экспедиция!

Передо мной поставили новую задачу – попробовать дать геолого-экономическую оценку рудных месторождений, найденных на Полярном и Приполярном Урале. Пришлось искать новые знакомства в Москве и Ленинграде.

Обстановка в нашем отделе по твёрдым полезным ископаемым становилась всё напряженнее. Тут ещё чёрт меня дёрнул попасть в редакцию стенной газеты – избрали. Это было модно в институтах. Ребята в редакции были способные. Лёня Шадрин, помню, к 8 Марта нарисовал карикатуру – пивной ларёк, а к нему очередь в виде восьмёрки. Я иногда стихи сочинял для поздравления сотрудников. Одна моя басня была про то, как ватага живности подошла к речке и долго соображала, как переправиться на другой берег – строить мост вдоль или поперёк. Многие восприняли это как мои разногласия с руководством. Мы тогда обсуждали, как искать рудные узлы – вдоль всей полосы или в поперечных структурах. Я настаивал на том, что не нужно тратить время на изучение всей протяжённости. Постоянные стычки надоели.

В своё время меня звали на работу в ВИМС, обещали квартиру в Москве. До того момента Файвель Апельцин предлагал пожить на его даче. Но если бы я пошёл работать в ВИМС, потерял бы регион, Полярный Урал, где хотел трудиться со студенческих лет. Всё-таки мечтал довести дело до конца, чтобы Полярный Урал «заговорил»!

Тем временем мы с Кимом Высоцким занялись экономической темой, перелопатили массу материалов. Я должен был дать оценку в стоимостном выражении для возможной разработки тех или иных месторождений, определить, какова суммарная

ценность тех, что находились на территории Полярного и Приполярного Урала. Руководство мой отчёт не приняло, передело, оставив меня в соавторах. Я не стал под ним подписываться. Позже Высоцкий показал мне этот «труд»:

– Смотри, какие хитрые нахаль! Из ваших старых отчётов прямо по пять-десять страниц перепечатано!

В общем, начал я вести переговоры с объединением «Полярноуралгеология». Апельцин помог, написав письмо генеральному директору Бредихину. Базой объединения была Воркутинская геологоразведочная экспедиция. Туда же передали Полярно-Уральскую экспедицию, которую я оставил, уезжая. Нахально предложил свою кандидатуру на должность начальника геологического объединения или главного геолога. Последнюю занял мой старый приятель Игорь Гранович. А мне предложили возглавить металлогеническую партию... Я уехал, семья осталась в Тюмени.

Неожиданное предложение

Начальником экспедиции был москвич по фамилии Разгонов. Он недавно защитился по норильским материалам, успел поработать в центральном аппарате министерства.

– Ай-ай-ай, как же вы до сих пор не защитились? Давайте я помогу, всё сделаем, – говорил он мне.

– Не нужно, – отвечал я.

Прошёл примерно год, подошло время каких-то выборов. Разгонов очень хотел попасть в депутаты. И вот возвращаюсь я из Воркуты (был в командировке), мне коллеги с хохотом заявляют:

– Поздравляем, тебя выдвинули кандидатом в депутаты!

– Какого лешего? – говорю. – Всю жизнь от этого отбрыкивался.

Оказывается, на общем собрании выдвинули меня, а не Разгонова...

Потом вызывают меня в окружном партии. Катер через Обь тогда ходил неудобно. Приезжаешь рано утром, негде посидеть, негде полежать. В общем, злой я был. Добрался до окружкома.

– Есть мнение поставить вас начальником экспедиции, – заявляют.

ФОТО ИЗ ФОНДОВ МВК ИМЕНИ И. С. ШЕМАНОВСКОГО

Станислав Георгиевич с коллегами в посёлке Полярный, 1978 год

ФОТО ИЗ ФОНДОВ МВК ИМЕНИ И. С. ШЕМАНОВСКОГО

Тракторный парк Полярного, 1980-е годы

– Что значит, мнение есть? И чем не устраивает нынешний начальник?

– Слишком много жалоб за короткое время и прочее... Да вы не волнуйтесь, мы с Бредихиным переговорили уже!

Возвращаюсь на Полярный Урал, а меня уже в Воркуту вызывают.

– Настаивают, чтобы вы возглавили экспедицию, – начал разговор Бредихин.

– Я же десять лет не занимался такой работой, ковырялся в разных тематических делах. И что будет с нынешним начальником?

– Он возвращается в Москву.

Помимо экспедиции, приходилось и самим посёлком Полярный заниматься. Общая численность в экспедиции в отдельные годы была разной: от 400 до 800 человек. Однажды чуть до тысячи не дошло. У нас были свои школа, садик, медпункт, баня – мы туда любили ходить, париться, пить чай, который приносили в термосах.

Благоустроить посёлок решили ещё до моего возвращения – хотели наладить водоснабжение, проложив трубы в земле. Это возможно сделать максимум на 60–70 сантиметров, а земля промерзает на полтора – два метра. Пока вода течёт, не замерзает. Но стоит

Коллектив центральной лаборатории Главтюменьгеологии. В первом ряду в центре – начальник управления Юрий Эрвье, во втором третья справа – Галина Караченцева, 1980-е годы

ФОТО ИЗ ФОНДОВ МВК ИМЕНИ И. С. ШЕМАНОВСКОГО

Так я снова стал начальником Полярно-Уральской экспедиции (ПУГРЭ). Проработал в этой должности с 1979-го до конца 1984 года. Назначение произошло накануне моего дня рождения. Когда вернулся, меня на базе поздравили. Пригласил всех к себе.

Дома, вода и бытовые споры

Не могу сказать, что всё время работал в поле, хотя часто выезжал смотреть объекты как руководитель и как специалист.

где-то возникнуть пробке, лопается труба, и вода вытекает. Где прорвало, попробуй найди. Решил, хватит так мучиться – пустили трубы поверху, поставили утеплённые короба.

В эти же годы построили два бамовских дома.

– Помню, инженер треста что-то выжидал из меня, а я ему сказал, что помогу, только пусть поспособствует со строительством. «Проще пареной репы!» – ответил инженер. И действительно помог. Нам прислали то ли семь, то ли восемь щитовых домов-коттеджей. По-моему, из Сыктывкара. Вместо них мы поставили два двухэтажных дома.

ФОТО ИЗ ФОНДОВ МВК ИМЕНИ И. С. ШЕМАНОВСКОГО

Лагерь геологов, ПУТРЭ, 1980-е годы

ФОТО ИЗ ФОНДОВ МВК ИМЕНИ И. С. ШЕМАНОВСКОГО

Такие сани геологи использовали для перевозки грузов. Их полозья были окованы рельсами. 1970–1980-е годы

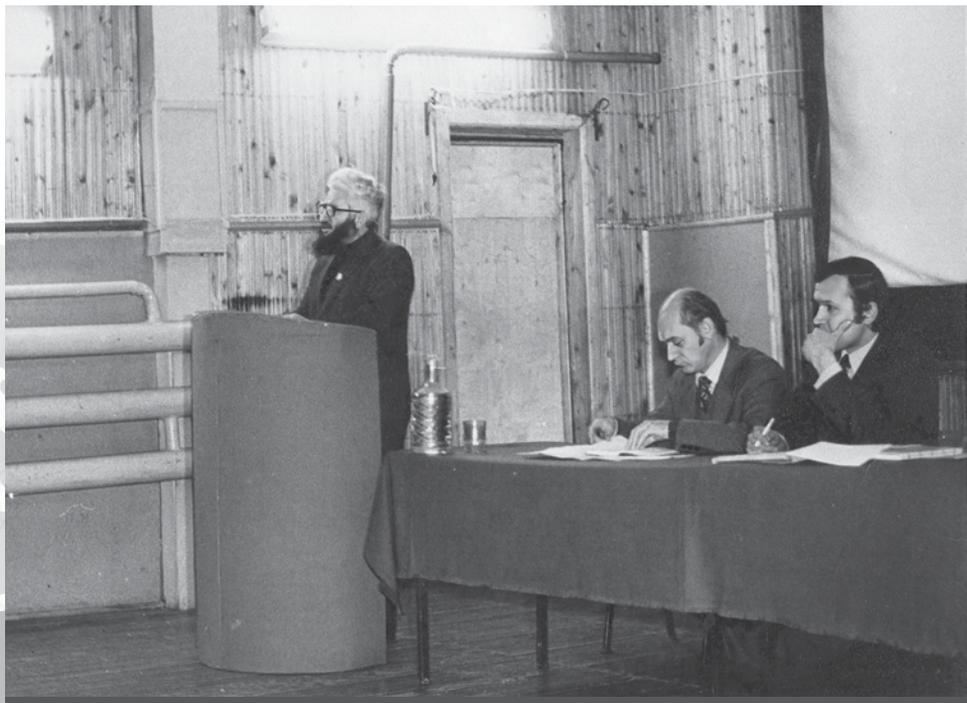

ФОТО ИЗ ФОНДОВ МВК ИМЕНИ И. С. ШЕМАНОВСКОГО

Станислав Караченцев выступает на хозпартактиве в ПУГРЭ, 1981 год

Наняли бригаду, ребята вкалывали с утра до вечера. Получились шикарные дома. В каждом, чтоб не соврать, шестнадцать квартир было! Результат очень понравился кому-то из воркутинских руководителей – кажется, начальник отдела кадров тогда к нам приезжал. Так он, вернувшись, сразу к Бредихину со словами: «Давайте Караченцева заберём начальником по строительству».

Приходилось и бытовые споры рассматривать. Так, при распределении квартир решили одну просторную отдать снабженцу, у которого трое детей. А он бросил свою семью в бараке и попытался заселиться в новую квартиру с любовницей. Я его вызываю:

– Шагом марш в своё старое жильё! – говорю. – В новую квартиру перевозим жену с детьми!

Бывали случаи похуже. В одном из отделов у нас работала очень неуравновешенная женщина, находило на неё. Однажды в сердцах сказал ей:

– Знаете, наверное, вам надо уже домой уезжать. Устали на этой работе, что-то не получается, и ваша начальница недовольна.

Та закатила истерику и ушла... в тундру. Прибегает ко мне её муж с топором. Я дома

один был. Поговорил с ним, позвонил механику:

– Забери своего кадра, не драться же мне с ним...

Женщину потом нашли, всё с ней было в порядке...

В 1984 году я ушёл. Больше не мог. Нашу экспедицию снова передали в Тюменское управление, тут и нашла коса на камень. Сначала вернулся в Воркуту, а в январе 1985-го уехал к семье. Да и 55 лет мне уже стукнуло – обещал сам себе, когда это произойдёт, сразу ухожу на пенсию.

P.S. После окончания трудовой деятельности Станислав Караченцев с семьёй переехал в родной Краснодарский край. Он умер в апреле 2023 года, не дожив до своего 95-летия. Его документы, награды, фотографии, брошюры с научными статьями и книги с автографами выдающихся геологов хранятся в фондах МВК имени И. С. Шемановского. 🌐

Автор выражает благодарность Игорю Геннадьевичу Перминову, ветерану полярно-уральской геологии, за помощь в подготовке материала.

ХОДИЛИ САМОЛЁТЫ ПО ВОДЕ АКИ ПОСУХУ...

Удивительные приключения ветерана
ямальской гидроавиации

Владимир ЗАВОДОВСКИЙ

г. Заводоуковск

Сегодня многие салехардцы и не вспомнят, откуда пошло название автобусной остановки «Гидропорт» на улице Чапаева. А ведь когда-то здесь располагался главный транспортный узел Ямала и ворота на Большую землю. Отсюда уходила в небо элита советской авиации – полярные лётчики, способные взлететь с любой льдины и сесть в любую лужу – в прямом смысле этого слова!

ФОТО ИЗ АРХИВА ВАЛЕРИЯ МАЛАХОВА

Валерий Малахов с детства мечтал о небе

Гидросамолёты Ан-2 удачно вписались в послевоенный авиапарк. Они возили и геологоразведчиков, и буровиков, и простых пассажиров. А сколько грузов они доставили в отдалённые пункты округа! Место под

полярным солнцем они уступили быстрходной «молодёжи» лишь тогда, когда Ямал уже вовсю давал стране и миру газ. Сейчас об их трудовых подвигах нам напоминают рассказы ветеранов и пожелтевшие фотографии из личных архивов. Есть на них и отличник Аэрофлота, лётчик 1 класса, проведший в небе Арктики более 14 тысяч часов, последний командир звена гидросамолётов Салехардского авиаотряда Валерий Павлович Малахов.

С футбольного поля – в авиацию

Он родился в суровом 1942 году в небольшом селе Мехонское Курганской области. Родители жили в бедности, держали подсобное хозяйство, большая часть ухода за которым ложилась на старшего Валеру. Отец погиб на войне, но повезло с отчимом, получившим на фронте инвалидность – надёжным, работающим человеком. В таких условиях предел мечтаний деревенского пацана – колхозный трактор. Но в 1949 году...

– На пролетавший мимо деревни По-2 напал орёл, – вспоминает Валерий Павлович, – сам погиб, но винт погнул основательно и самолёт совершил вынужденную посадку на наше футбольное поле. Естественно, вся

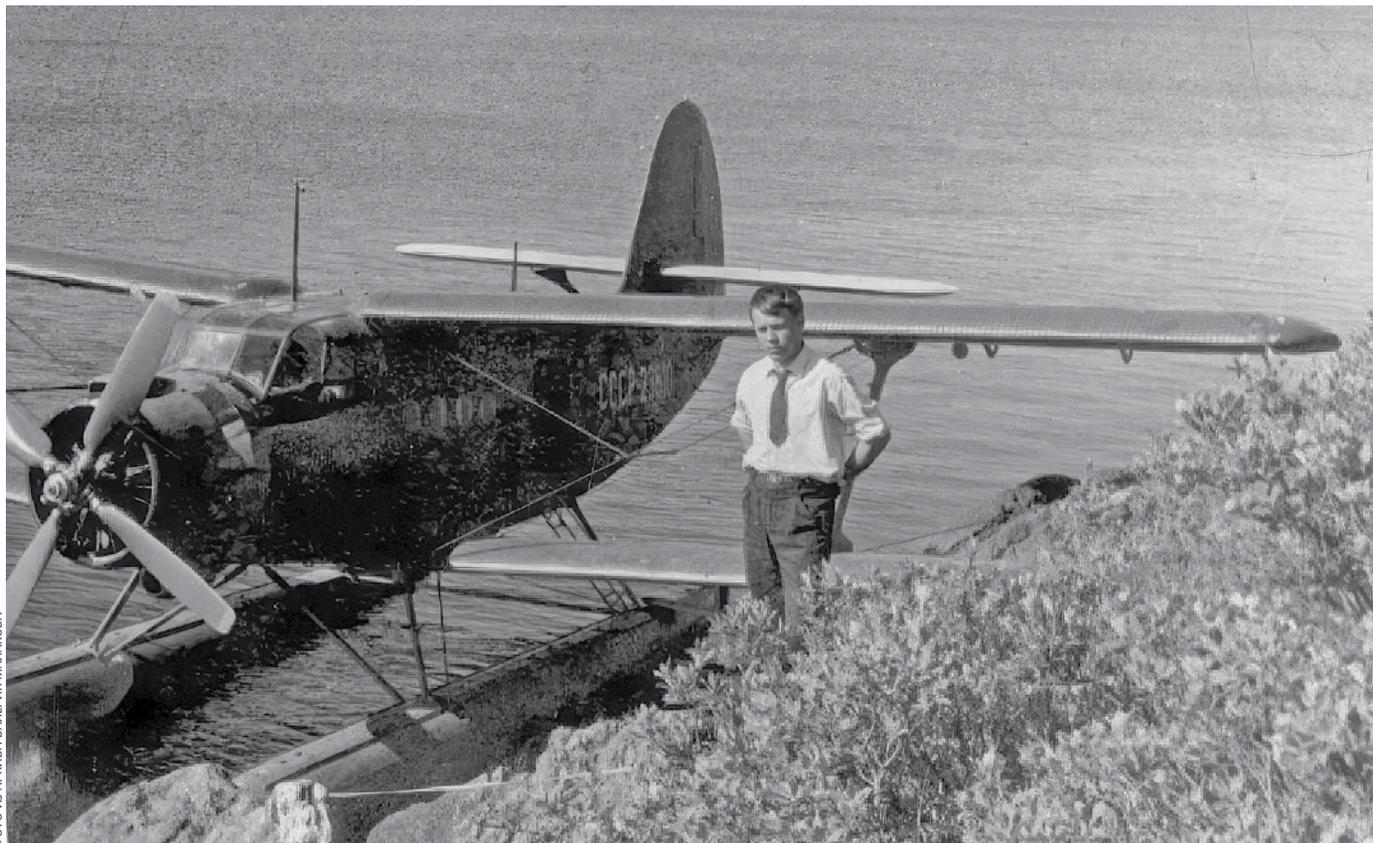

ФОТО ИЗ АРХИВА ВАЛЕРИЯ МАЛАХОВА

Первые годы на Ямале. У озера Осовеито, Полярный Урал, 1967 год

детвора сбежалась. Лётчик вылез из кабины и начал нас угощать яблоками – невиданное лакомство для нас!

И Валера решил – в небо! Ещё не окончив седьмой класс, поехал в Курганский ДОСААФ, но там объяснили, что для занятий авиацией нужно жить хотя бы поблизости – из деревни не поездишь каждый день на аэродром! Потому пришлось после школы поступать в Шадринское училище.

– А там вместе со мной на экзаменах сидели взрослые ребята, которые уже работали на заводе, – продолжает наш собеседник.

– Я одному подскажу, другому решить помогу. А после экзамена учитель мне сказала: «Валера, тебе дальше учиться надо». И я взялся за ум.

Бугурусланское лётное училище гражданской авиации. Конкурс – 13 человек на место. На первый курс зачислялось 130 курсантов, выпускалось около 60. Среди абитуриентов были и золотые медалисты. В приёмной комиссии сказали: «У кого хоть за один экзамен тройка, могут смело ехать домой».

– Но я всё равно остался, – говорит Малахов. – Пошёл сдавать математику устно. С первого раза – 4. Я попросил второй билет. Опять 4. Я прошу третий билет и начинаю отвечать без подготовки. Иди – 5!

По грязи – в комариный рай

В 1965 году после окончания училища молодой лётчик по распределению попал в Тюменскую авиагруппу. Хотел остаться в областном центре или хотя бы попасть в Тобольск, но поддался уговорам преподавателей, агитировавших за работу на Крайнем Севере.

– Нам там таких сказок нарасказывали: «Ребята, вы даже не представляете, как хорошо на Ямале... Там очень не хватает лётчиков, зато какие отличные условия работы, какие перспективы роста!» – смеётся ветеран. – А мы и развесили уши, поверили.

Местные условия соблазнившие карьерой лётчики на себе почувствовали ещё не добравшись до Ямала – уже в Берёзово, где сел Ли-2 (из Тюмени до Салехарда эти само-

лётыв тогда ещё не долетали), их щеголеватые лакированные туфли увязли в грязи.

– Допрыгали мы по грязи до берега, – продолжает Малахов, – там нас уже ждёт командир Слава Пронин. Начинаем пробираться к гидросамолёту вдоль зарослей и только тронули ветку куста, с неё комаров поднялось – ё-моё...

Поселили «новобранцев» сначала на УФАНе в актовом зале, где стояло пять кроватей, и снова все окна в комарах. Три дня промаялись от писклявого гнуса – ни сна, ни отдыха, пока не переселили в общежитие на улице Чапаева, 29.

– Из всех развлечений тогда был только клуб «Геолог», в котором показывали кино, – вспоминает старый лётчик. – В столовой мясные блюда в основном из оленины, а мы к ней ещё не привыкшие. Поэтому, если на ближайший день в плане не было полётов, уезжали обедать в ресторан «Север». И везде комары...

Вот так встретили молодых лётчиков местная кулинария и летающая северная братия.

Валерий Павлович с сыном Пашей на балконе здания гидропорта. Салехард, 1972 год

ФОТО ИЗ АРХИВА ВАЛЕРИЯ МАЛАХОВА

Салехардский «авиаречфлот»

Тогда в «сухопутном» аэропорту Салехарда, куда даже автобусы не ходили (пассажиры добирались пешком или в кузове попутного грузовика), базировались два-три Ан-2 на колёсах, выполнявших рейсы на Воркуту, Мыс Каменный и Тарко-Сале. Была ещё «любительская» песчаная взлётная площадка в Новом Порту для аварийной посадки. Весь остальной Ямал обслуживала гидроавиация.

– В Гидропорту стояли «на плотях» три гидросамолёта, – описывает свою эскадрилью Малахов, – и пять-шесть «на бочках» (на плаву), на якорях. Полёты на поплавах и на колёсах совсем разные. На гидро вообще лётчиков допускали только после 100 часов налёта на обычных шасси.

По словам собеседника, управление отличалось и при взлёте, и при посадке. Когда самолёт начинает разгоняться на водной глади, лётчик «вытягивает» самолёт, чтобы поплавки встали на редан (вышли из воды). По мере набора скорости поплавки всплывают и самолёт взлетает.

– А когда поплавки стареют, сквозь заклёпки и трещинки набирается вода, и они становятся тяжёлыми, – объясняет суть процесса Малахов. – «Пилишь» так с одного конца Полуя до другого, пока скорость не наберёшь. Пока летишь до Тазовского, вода ручьями из поплавков течёт. Только с середины маршрута самолёт начинает нормально лететь.

В то время здание «сухопутного» аэропорта только начинали строить, а Гидропорт был уже двухэтажным. На первом этаже располагался небольшой зал ожидания для пассажиров, перевозки и эскадрилья гидристов. На втором – метео, штурманская и диспетчерская.

«Плоты» – пять связанных между собой бочек с проложенными между ними досками, по ним и ходили лётчики и пассажиры. Посреди стоял на воде самолёт. Летали в любую погоду, хотя ограничения по скорости ветра всё же существовали. Главное, чтобы при рулении не подставить бок ветру и не зацепить консолью крыла воду, – тогда кувырок.

Ещё одна опасность – полный штиль, когда поверхность водной глади становится действительно гладью – как зеркало. Рябь или волна позволяют лётчику визуально опреде-

Лётчики Ан-2 у гидропорта, 1960-е годы

лить высоту и расстояние от поплавок до поверхности воды. «Зеркало» же сбивает с толку и отражает очертания самолёта.

– Чуть зазеваешься – и удар о воду.

Случилось же такое...

Но не только в особенностях пилотирования разница. Главное – ответственность! Колёсный самолёт примут и проводят в штатном аэропорту, заправят, пассажиров встретят и экипаж накормят. А в авиации спецприменения (гидроавиации) большинство организационных вопросов лежит на командире корабля. С высоты нужно выбрать озеро и на глазок (без приборов) определить его габариты – хватит ли для посадки и взлёта. И направление ветра – посадка только против! Чуть что не так, самолёт наклоняется, цепляет крылом воду и переворачивается. Если повезёт, к лётчику навсегда прилипнет кличка «моряк» или «водолаз». А если не повезёт...

– А ещё у нас были допуски на полёты «с подбором», – продолжает Валерий Павлович. – Работников Райпотребсоюза с товарами возили, с сотрудниками районо детей в школу собирали по рекам и озёрам. Санзадания, туристы...

Однажды пришлось срочно лететь на Мыс Каменный – забросить зоотехника в район озера Ярото. Экипаж поддался на уговоры и решил сесть поближе к нужному чуму на маленькое мутное озерко (значит, мелкое).

– По длине подошло, – рассказывает Малахов, – но в конце пробега у меня самолёт – хлоп! Встал. На мель сели.

Сначала слили большую часть бензина – не помогло. Потом начали выгружать на берег ящики с райпотребсоюзскими апельсинами и помидорами, высадили саму продавщицу-попутчицу. Наконец взлетели, добрались до большого озера, где сбросили на берег остальной груз и вернулись за Любой-продавщицей.

– В другой раз полетели в район Надьма, – продолжает Валерий Павлович. – Нашли там

ФОТО ИЗ АРХИВА ВАЛЕРИЯ МАЛАХОВА

Рабочий момент.
На заднем плане –
изба-мастерская
гидропорта,
1960-е годы

полукруглое озерцо в форме подковы. Сели, выгрузились, а на взлёт расстояния напрямую не хватает! Делать всё равно нечего – стали взлетать. Вытянул штурвал на себя, потом от себя и дал левую ногу. Самолёт уже у берега как на коньках на волне развернулся и взлетел с обратным курсом.

А однажды полетели зимой в район Лаборовой за роженицей. Сделали круг, увидели санную дорогу – вроде бы ровная, но оказалось, что колея с наклоном проложена. Самолёт еле стоит – только шевельни.

– Как, думаю, нам теперь отсюда лыжи уносить? – вспоминает ветеран. – Развернуться нельзя – самолёт завалится. Взлететь – расстояния не хватает. Но делать что-то надо. Я держу борт на тормозах и даю взлётный режим. Когда самолёт уже начал срываться, отпускаю тормоза и – вперёд. Уже с берега в речку «ныряю» и сразу вверх!

– Вот, Женя, – говорю второму пилоту, – так летать нельзя. Не бери с меня пример.

Однокурсник Маресьева и товарищ Васи Сталина

– В те времена ещё фронтовики летали, – вспоминает Валерий Павлович. – Например, Веселовский Борис Владимирович с очень не-

простой судьбой. Он женился накануне войны, служил в Каунасе. Утром в воскресенье проснулся от грохота разрывов – город бомбят. Кинулся на свой аэродром, а там все самолёты разбиты.

Биография этого лётчика, проработавшего в Салехардском авиаотряде более двадцати лет, достойна приключенческого романа. Сын расстрелянного офицера царской армии, однокурсник Маресьева, однополчанин Василия Сталина... Был сбит, попал в плен, откуда трижды бежал, и наконец попал в партизанский отряд. Перешёл линию фронта и вновь летал на истребителе.

В феврале 1945 года был приговорён к лишению свободы и отправлен в Коми АССР на лесоповал. Дважды бежал из советских лагерей, за что получил по десять лет за каждый побег.

Освобождён в декабре 1953 года как отбывший первоначально назначенное наказание. Долго добивался справедливости и отмены приговора. Сумел поступить в 1-й Московский городской аэроклуб лётчиком-спортсменом, откуда прорвался обратно в гражданскую авиацию.

В 1958 году его приговор наконец пересмотрели, и к Дню Победы Веселовский попал под амнистию. В 1961 году приехал в Салехард и лишь в 1964 году восстановился в

рядах компартии с возвращением всех государственных наград: орденов Красного Знамени, Красной Звезды, Отечественной войны I степени, медалей «За оборону Москвы», «За оборону Ленинграда» и «Партизану Отечественной войны» II степени.

– Вот какие негибкие люди летали на Ямале! – заканчивает рассказ о своих наставниках Малахов. – Веселовский мне свою книгу подарил – «Забытая биография».

Как не заблудиться в небе

Работавший в районе Красноселькупа Ан-2 при вылете в Салехард попал в сильную метель. И надо же – отказали все приборы, включая компасы.

– Я возвращаюсь из командировки, а мне: экипаж пропал! – вспоминает Валерий Павлович. – В десять часов вечера взлетаем на Ли-2 на поиски. Подлетаем ночью к Надыму, а там ясно и под лунным светом видно как днём. Пока кружили, искали, нам передают: экипаж нашёлся.

Оказалось, что в условиях нулевой видимости и без компаса взлетевший борт перепутал направления и пошёл на Диксон! В хорошую

погоду они увидели бы внизу заснеженную реку Таз и сориентировались, но в метель её проскочили, не заметив. Через 150 километров, поняв, что летят уже долго и непонятно куда, увидели внизу чум и присели. Там лётчикам объяснили, что Салехард в другой стороне.

Потом подсели на трассе, когда топливо заканчивалось. Поймали идущий мимо бензовоз:

– Мужик, плесни немного бензина, заблудились.

– Пожалуйста, отливайте! Жалко, что ли?

Уже когда выскочили к морю, сели и спросили у рыбаков: «Где мы?» – оказалось, в устье Енисея!

– На следующее утро мы их встретили в аэропорту Дудинки, – смеётся Малахов.

– Стоим у своего самолёта, ждём. Глядим: подлетают наши... туристы.

Перелётные гидроптицы

Два раза в год ямальская гидроавиация переобувалась, превращаясь в льбжную. Происходило это на озере Андреевском под Тюменью, где в те годы стояла большая авиабаза. Весной и осенью гидросамолёты сбивались в косяк и вслед за перелётными птицами отправлялись в путь. Здесь на тихой озёрной глади

За годы работы салехардские лётчики побывали во всех уголках Ямала. На фото – у аэропорта Красноселькупа, 1960-е годы

ФОТО ИЗ АРХИВА ВАЛЕРИЯ МАЛАХОВА

ФОТО ИЗ АРХИВА ВАЛЕРИЯ МАЛАХОВА

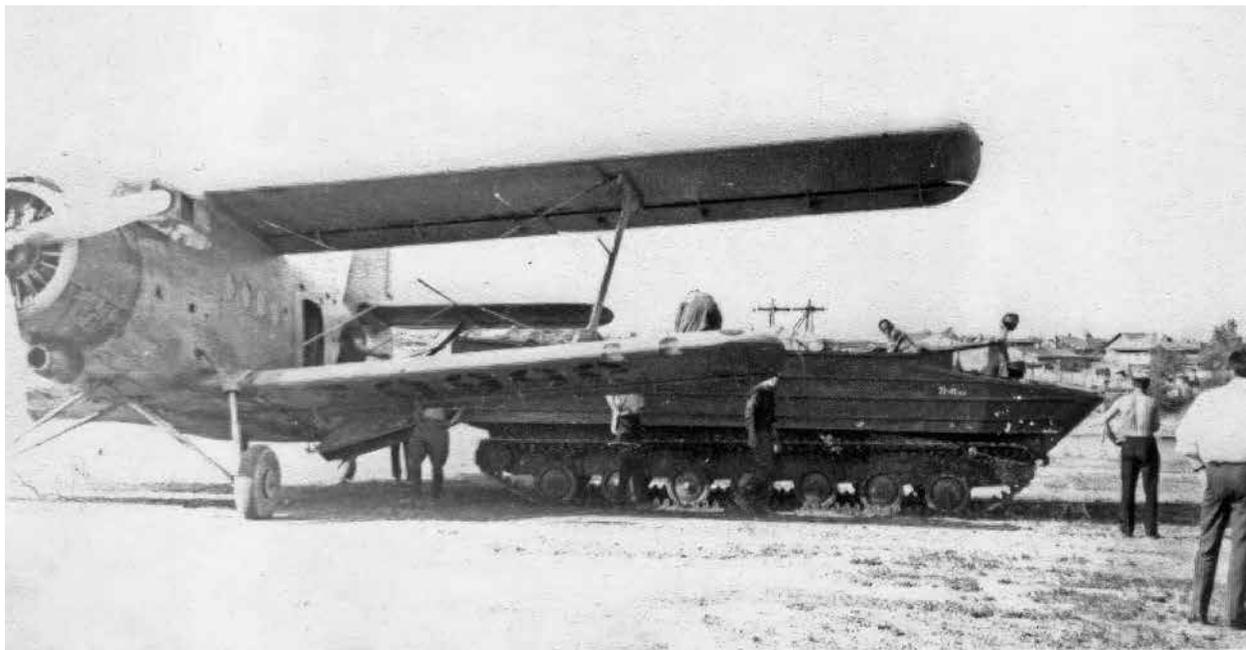
Авиация всегда приходила на помощь геологам. Солярка для буровой, начало 1970-х годов

ФОТО ИЗ АРХИВА ВАЛЕРИЯ МАЛАХОВА

Лётная работа предполагает постоянное обучение. На занятии с лётчиками звена, 1970-е годы

ФОТО ИЗ АРХИВА ВАЛЕРИЯ МАЛАХОВА

Погрузка колбасной продукции для Ямала, г. Ишим, 1972 год

сбрасывали летние поплавки и надевали зимние лыжи либо наоборот. Экипажи всё межсезонье, порою больше месяца, занимались тут же учёбой.

– Однажды все улетели «переобуваться», а нас в Старом Надыме застал мороз и снег, – вздыхает рассказчик. – Пришлось задержаться, обметать самолёт от снега и ждать хорошей погоды.

Летающие лодки бороздили полярное небо, пока авиационная инфраструктура региона понемногу, а где и ускоренными темпами принимала цивилизованный вид. В тундре прокладывались взлётные полосы, из болот поднимались города и аэровокзалы. Последний плавающий Ан-2 на озеро Андреевское перегнали лётчики Бикиняев и Алексеев осенью 1975 года.

На Ямале наступала эра больших самолётов.

Смена эпох

– Раньше связи не было, – говорит старый лётчик. – Отлетели полсотни километров, и уже непонятно, где ты. Когда в районе Надыма упал самолёт, летевший на буровую, первой тревогу забила невеста пилота. Заждавшись суженого, она не вытерпела и позвонила в диспетчерскую. А там – ни сном ни духом. Ну летает где-то «Аннушка», чего ж такого? Связались на всякий случай с буровиками – а там этот борт не принимали. Только тогда начались поиски.

А экипаж с единственным пассажиром всё это время сидел на 45-градусном морозе у самолёта и жёг чехлы от кресел. Двое суток так промаялись. Выжили все. Позже оказа-

У буровой в районе Уренгоя, начало 1970-х годов

ФОТО ИЗ АРХИВА ВАЛЕРИЯ МАЛАХОВА

ФОТО ИЗ АРХИВА ВАЛЕРИЯ МАЛАХОВА

Сбор детей в школу.
Лётчик Деев с детьми
из стойбища

лось, что перемерзла конденсатная трубка, из-за чего заглох двигатель.

Но бывали чудеса и на современных самолётах.

– Уже на Як-40 вылетаю из Салехарда в Тюмень, – вспоминает удивительную историю Малахов, – нижняя кромка облаков – 300 метров, верхняя – 600–700. Пробиваю – видимость пре-

красная! Потом всё темнее, темнее. Полная чернота. И как шарахнет молния в самолёт!

Приборы работают штатно. Самолёт летит нормально. В кабину заглядывает стюардесса Вера:

– Палыч, вот такой огненный шар по салону пролетел и вышел!

Уже в Тюмени при осмотре самолёта нашли три дырки в палец толщиной на коке, где локатор, и оплавленные стекла статистического электричества на законцовках плоскостей. Шаровая молния, однако!

– В 1999 году списался на пенсию по здоровью, – заканчивает своё повествование Валерий Павлович. – Четверть века отлетал, можно и на покой. Бывало, в год по тысяче часов проводили в небе, больше уже по нормативам нельзя. Работы много было...

Он видел с высоты, как внизу рождались города и через тайгу тянулись тоненькие ниточки трубопроводов. Пережил смену авиаэпох – от винтовых Ли-2 на реактивные Ту-154. А в память о легендарной молодости осталось название автобусной остановки «Гидропорт» и Ан-2 с поплавковым шасси на постаменте у аэропорта окружной столицы. 🌐

ФОТО: ИВАН БЫЧКОВ

Лётный стаж Валерия Малахова – 25 лет

ФОТО ИЗ АРХИВА ВАЛЕРИЯ МАЛАХОВА

Салехардская гидроэскадрилья в сборе на озере Андреевском, 1960-е годы

ФОТО ИЗ АРХИВА ВАЛЕРИЯ МАЛАХОВА

На первомайской демонстрации

БРОННИКОВЫ: ВЗГЛЯД В ПРОШЛОЕ

Сергей ВОЛКОВ

г. Лабытнанги

Памяти дочери Виолы

Августа и Мария Бронниковы.. Две женщины с одинаковой фамилией, на чью долю выпало немало тяжёлых испытаний. Они были разного возраста и никогда не встречались. Но город на полярном круге сыграл в жизни обеих трагическую роль.

И Августа, и Мария свою звучную фамилию получили после замужества. Муж первой сгорел в горниле революционных дней, муж второй – погиб в Великой Отечественной войне. Обе остались с детьми на руках...

От управляющей до театралки

«Обдорская купчиха» – так называл Августу в своих рукописях, хранящихся в МВК имени И. С. Шемановского, Иосиф Волков, начальник Обдорской радиостанции в 1921 году. А её дом – «штаб-квартирой местной буржуазной верхушки». В стране Гражданская война, классовая борьба становится инструментом захвата и удержания власти.

«Невидная из себя, полуграмотная Августа Бронникова тем не менее была умелым адвокатом, – неслестно отзывается Волков о женщине. – Когда какие-нибудь действия местной власти задевали карманы людей её круга, она являлась в ревком¹ или в милицию, настойчиво, но без скандала спорила за права своих подзащитных, оперируя пачкой декретов и распоряжений Советского правительства, которые она старательно собирала. И наши работники нередко пасовали перед её красноречием и адвокатским искусством...»²

А я смотрю на её портрет и не вижу купчихи. Только красивую женщину в модной каракулевой шубке, в кокетливой чёрной шапочке. С вопросительным взглядом: «Что ты мне готовишь, мир?» И не знает она, что скоро станет вдовой, да и самой жить осталось немного. Кто-то скажет «пли», махнёт рукой. Кто-то нажмёт курок. И душа Августы отле-

ФОТО ИЗ ФОНДОВ ГАУК ТО «ПОМЕНСКОЕ МУЗЕЙНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ»

Августа Бронникова с дочкой Ниной. В семье было ещё двое сыновей: Николай и Владимир. Детям пришлось несладко после смерти родителей

¹ Ревком (революционный комитет) – временный орган власти, созданный большевиками. Комитеты действовали во время Гражданской войны.

² Волков И. П. «Борьба за власть Советов». В двух томах. 1964. – С. 18. Рукопись хранится в фондах МВК имени И. С. Шемановского

ФОТО ИЗ ФОНДОВ МВК ИМЕНИ И. С. ШЕМАНОВСКОГО

Так выглядело село Обдорское, когда в нём поселилась Августа Бронникова. Вид на храм Святых апостолов Петра и Павла, 1909 год

тит к Богу... Разве похожа она на купчих из пьес Островского?

В поисках информации о ней я наткнулся на статью Владимира Шулинина «Парень из нашего двора», опубликованную в журнале «Северяне» № 1 2002 года. Она посвящена сыну Бронниковой – Николаю, но и о нашей героине есть несколько строк:

«Летом 1907 года на улице Миллионной, как тогда обдоряне называли улицу Республики, в доме, принадлежавшем тобольскому купцу Семёну Ивановичу Бронникову, поселилась молодая женщина. Звали её Августа Вячеславовна. Местное общество было удивлено, что эта двадцатитрёхлетняя женщина, мать двоих детей приехала сюда в качестве управляющей торгового дома Бронниковых. Но уже через год она стала любимицей местной интеллигенции.

Августа Вячеславовна Бронникова родилась в 1884 году в семье почётного гражда-

нина города Тюмени Лаврентьева, получила прекрасное домашнее образование, окончила гимназию и вскоре вышла замуж за кадрового офицера Бронникова... Образованность, способность вызывать доверие, доброжелательность, активная общественная деятельность, да и деловые качества быстро выдвинули эту хрупкую женщину в число самых уважаемых людей Обдорска. Уже зимой она построила пекарню, и в путину 1908 года на близлежащих «песках» рыбаки покупали доброкачественный хлеб, а не муку или зерно...»

Этот образ не вяжется с тем, что описан Волковым. Хотя в статье Шулинина тоже упоминается слово «купчиха», правда, в кавычках: «Но самой главной, на мой взгляд, заслугой «купчихи», как её называли в первые годы недоброжелатели, а впоследствии и волисполкомовские работники, было создание в далёком северном селе любительского

ИЛЛЮСТРАЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНА СЕРГЕЕМ ВОЛКОВЫМ

ФОТО ИЗ ФОНДОВ МВК ИМЕНИ И. С. ШЕМАНОВСКОГО

Иосиф Волков вспоминал, что обдорская радиостанция (на фото) сыграла большую роль в становлении советской власти. Через неё шли радиограммы из Петрограда и Москвы на восток страны и обратно, когда многие города Сибири были захвачены белогвардейцами

театра. Репертуар этого театра был небогат: одноактные пьесы, водевили, музыкальные вечера. Особенным успехом на этих вечерах пользовались романсы в исполнении Августы Вячеславовны и приказчика Бронниковых – Нижегородцева Николая Александровича, её прекрасные танцевальные выступления...

Без вины виноватые

Жизнь женщины оборвалась трагически, когда ей было 37 лет. 8 февраля 1921 года в Обдорск пришло известие о крестьянском восстании, охватившем юг Тюменской области. В марте волнения перекинулись на Сургутский и Берёзовский уезды. Тогда на заседании ревкома было принято решение взять заложников из зажиточных обдорян. Арестовали шестнадцать человек, среди которых оказалась и Августа Бронникова.

«В день, когда мы узнали о потере Перегребной³ и объявили о начале эвакуации, внезапно была прервана телеграфная связь с Берёзовым. В районе села Кушеват на большом протяжении, около десятков пролётов,

был срезан и увезён на оленях телеграфный провод, и спилены три или четыре телеграфных столба, – вспоминал Иосиф Волков. – Мы ответили на это актом террора: решено было расстрелять в Обдорске группу наиболее важных заложников. Вопрос шёл о четырёх или пяти крупных богатеях, причём окончательно их состав определён не был. Однако ранним утром 16 марта Протасов сообщил мне, что по согласованию с Глазковым, вошедшим в состав членов Тобсеввоенревкома, и Даниловым (связь с Берёзовым была восстановлена с вечера) приказал прошедшей ночью расстрелять девять человек заложников».

Иосиф Петрович признался, что его поразила список казнённых: «Неудивительно было, что в числе казнённых были такие фигуры, как поп Шахов, махровый реакционер, бывшие крупные купцы В. Чупров и Чечуров, купчиха, вдова белого офицера, бежавшего от Советской власти, Бронникова – это были «знатные люди» в буржуазных кругах Тобольского Севера. Но в числе их оказались такие, как Николай Нижегородцев, бывший приказ-

³ Перегребное – сейчас посёлок в Октябрьском районе Ханты-Мансийского автономного округа.

чик одного из обдорских тузов, и сын Чечурова, 18-летний юноша, ничем до того политически не скомпрометированный...»⁴

Вот так дети остались без матери. Страшная судьба, страшные времена.

О судьбе по документам

Говорят, можно бесконечно смотреть на бегущую воду и горящий огонь. А я думаю, что можно бесконечно смотреть на архивные документы. Могу очень долго их изучать. Думать о людях, которых они касаются.

Об однофамилице Августы Вячеславовны – Марии Бронниковой – я узнал, когда увидел папку «Пенсионное дело семьи, потерявшей кормильца» от 26 февраля 1943 года. Документы, попавшие ко мне случайно, сразу привлекли внимание. Они были завернуты в газету «Няръяна Нгэрм» («Красный Север») от 5 января 1941 года. Первым делом я, конечно, прочитал газетные заметки – интересно же, чем жил округ за полгода до войны. Так, на собрании первичной парторганизации Салехардского рыбозавода прозвучало, что за два месяца её секретарь Ревнивых собрал с коммунистов более 400 рублей и присвоил эти деньги себе. А вот информация о повышенном спросе на культтовары: «Культура с каждым днём всё глубже проникает в тундру. Кочевое население покупает теперь всё то, чего несколько лет назад нельзя было встретить в чуме. Фактория Ямальского райпо, например: в третьем квартале 1940 года продали культтоваров на 59 499 рублей. Туалетного мыла было продано на 9872 рубля... Музыкальных инструментов, спортивного инвентаря, патефонов, грампластинок, фото- и радиотоваров – на 37 534 рубля. Интересно, правда?

Однако судьба Марии Платоновны и её семьи меня «зацепила» больше, задела за живое. Вдова, воспитывающая пятерых детей. Ох, и натерпелась она...

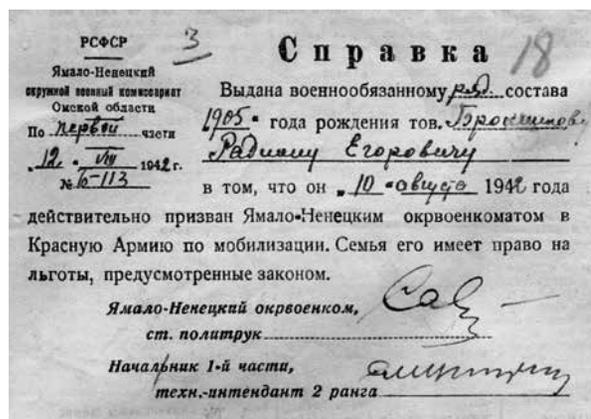
Судя по паспорту, выданному Байкаловским районным отделением НКВД, Мария родилась 27 января 1908 года в деревне Вознесенское Байкаловского района (тогда Омской области, – прим. авт.). Русская, социальное положение – единоличница, невоеннообязанная.

В то время не так-то просто было получить паспорт. А этот ещё необычен тем, что на оборотной его стороне другой документ – 1915 года (!) – заключение о прекращении уголовного преследования по делу о крестьянине Эрнсте Карловиче Лаас. Как попал в Омскую область этот товарищ, неизвестно, но суд принял решение в его пользу.

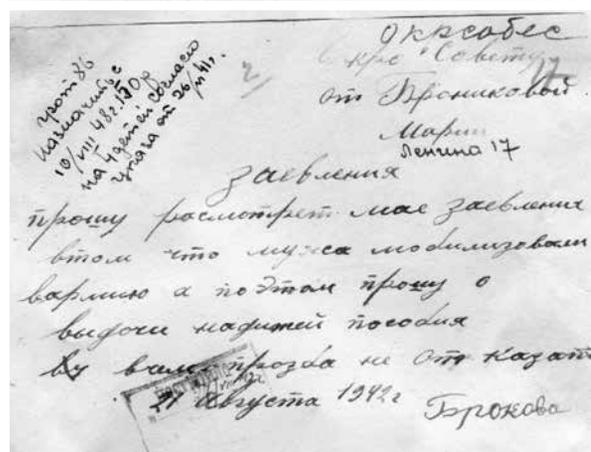
Справка, справка, похоронка

Незадолго до Великой Отечественной войны Мария Платоновна вместе с мужем Родионом и детьми переехала из Байкалово в Салехард. В детских метриках указано, что их первенец Александр появился на свет в 1931 году. После него родились Михаил, Николай и Александра. В 1941-м – малышка Галина.

Сейчас трудно ответить на вопрос, что сподвигло семью перебраться на Крайний Север из родного села. Возможно, хотели начать жизнь с чистого листа. Салехард тогда

КОПИЯ ДОКУМЕНТА ПРЕДОСТАВЛЕНА СЕРГЕЕМ ВОЛКОВЫМ

КОПИЯ ДОКУМЕНТА ПРЕДОСТАВЛЕНА СЕРГЕЕМ ВОЛКОВЫМ

Более семьдесят лет прошло с тех пор, как были подписаны эти документы

⁴ Волков И. П. «Борьба за власть Советов». В двух томах. 1964. – С. 115. Рукопись хранится в фондах МВК имени И. С. Шемановского

А.С.Ф.С.Р. **СВЕРХНАССА №** Приложение № 2
 Н.К.С.О. Республика, край, обл., р-н, гор., село К личному делу № 976
г. Салехард Олений вл. Дата заполнения 29/VIII-42.

Карточка на обеспечиваемую семью военнослужащего

1. Бронникова Мария Платоновна
Фамилия, имя и отчество получателя пособия

2. Бронников Родион Егорович
Фамилия, имя и отчество состоящего в рядах РККА

3. Призван в РККА 10 августа 1942 г. 4. На сколько человек назначено пособие _____

5. Адрес семьи призванного г. Салехард ул. Ленина 17

6. Состав обеспечиваемой семьи:

Фамилия, имя и отчество	Степень родства и иждивенч. вою	Год и месяц рождения	Титул, статус, место	Имеется с. у	Время выплаты пособия	Время выплаты с пособия	Примечания с пособия
1. Бронникова Т.	соль	1941г.			10/III	17ч	мать
2. Бронникова А.	дочь	1938г.					дочь
3. Бронников Н.	сын	1935г.			1942г.		сын
4. Бронникова М.	жена	1908г.					жена
5. Бронников Александр	сын	1931г.					сын
6. Бронников Михаил	сын	1932г.					сын

КОПИЯ ДОКУМЕНТА ПРЕДОСТАВЛЕНА СЕРГЕЕМ ВОЛКОВЫМ

Судя по данным в справке, семья проживала в доме на улице Ленина, 17. Сейчас на этом месте Духовно-просветительский центр

был небольшим городком. Можно прокорчиться рыбой или охотой. А что ещё человеку надо? Ешь, пей, живи. Никакой маткапитал не нужен, лишь материнская ласка да отцовская любовь. Только недолго Бронниковы были вместе...

Сверху в папке лежит справка, полученная в августе 1942-го. Она очень хорошо сохранилась. Видимо, Мария Платоновна берегла её – это был единственный документ, полученный из рук супруга. В нём говорится, что «товарищ Бронников Родион Егорович действительно призван 10 августа 1942 года Ямало-Ненецким окрвоенкоматом в Красную Армию по мобилизации. Его семья имеет право на льготы, предусмотренные законом». Далее следуют подписи окрвоенкома – старшего политука и начальника 1-й части техника-интенданта второго ранга. Обе неразборчивы.

Представляю тот августовский день, когда Родион вручил бумагу своей жене: «Вот, Маша, возьми справочку. Не потеряй! Это твой хлеб и наших детей. Схожу на войну, отгоним фашистов – и домой».

Интересно, сколько миллионов таких справок было отпечатано в типографиях? Ведь каждый солдат, уходя в армию, получал подобный документ и отдавал семье...

По аккуратно подшитым к делу бумагам можно детально увидеть следующие моменты жизни Марии Платоновны. И даже представить их.

С полученной справкой она пришла 27 августа в городской собес.

– Ну, раз положено обеспечение, то пиши заявление, – сказали Бронниковой.

Она присела за стол, взяла ручку и задумалась. Заметив, что с грамотой у неё плохо, секретарь решила помочь.

Справка. 5-6-305

Выдана на основании Бронниковой М. П. в том что её муж Бронников Р. работал на Мавдмеевской базе округе с 12/III 1941г. по 12/III 1942г. до ухода в РККА.

Заработок за 8 месяцев составил следующий ун. сумму:

Декабрь 1941г. и ноя.	31.97
Январь 1942г.	391.96
Февраль "	300 -
Март "	290 -
Апрель "	382.33
Май "	511.99
Июнь "	225.39
Июль "	774.17
Август и ноя.	353.99
Итого выд. 3321.80	

В среднем 30 месяцев 415р. 11к

Справка выдана для предоставления в округе.

Директор В.К.Крикунов 27/8/42

27/8/42

КОПИЯ ДОКУМЕНТА ПРЕДОСТАВЛЕНА СЕРГЕЕМ ВОЛКОВЫМ

В военные годы бумага была дефицитом, один листок могли использовать несколько раз. Так, на оборотной стороне этой справки – акт о списании кондитерских изделий: «...на основании органолептических данных комиссия признала пряники и печенье к реализации непригодными. Государственная инспекция предлагает вышеперечисленную продукцию залить керосином и вывезти на свалку»

– Диктуйте, Мария Платоновна. Я напишу.
Так появилась ещё одна справка, в которой женщина просила не отказывать ей в выдаче пособия на детей.

– Распишитесь – и к начальнику.

Мария Платоновна накарябала «Брокова». Она несколько лет живёт с Родионом, но так и не привыкла к его фамилии. А ведь пятерых ребятишек ему подарила.

Пособие на семью Бронниковых выправили быстро. Родион уехал на пароходе 12 августа, а уже 29-го ей в сберкассе вручили карточку и сберкнижку. В карточке перечислены шестеро человек: мать и дети. На обороте вписана цифра – 150 рублей. «Как будем жить?» – призадумалась Мария, ведь Родион приносил домой больше 400 рублей.

Недолго получали Бронниковы назначенные выплаты. На этом же бланке от руки сделана отметка: «гибель мужа и перевод на пенсию 4 января 1943 года». Именно тогда пришла похоронка на Родиона.

«Я убит подо Ржевом»

В книге «Дорогами памяти», изданной в Салехарде, отмечено, что Родион Егорович

Бронников погиб 4 декабря 1942 года. Несложно вычислить: на фронте он пробыл сто с небольшим деньков. Похоронен в деревне Жеребцово Смоленской области. Деревушка эта находилась недалеко от Ржева, где как раз в ноябре-декабре 1942-го шла военная операция «Марс». Пожалуй, это самая неудачная битва, которую провёл Георгий Жуков. Здесь полегла не одна тысяча солдат. Думаю, строчки из стихотворения Александра Твардовского могут стать эпитафией на могиле Родиона Бронникова:

Я убит подо Ржевом,
В безыменном болоте,
В пятой роте, на левом,
При жестоком налёте.

Я не слышал разрыва,
Я не видел той вспышки, –
Точно в пропасть с обрыва –
И ни дна ни покрывки...

Где вы, Бронниковы?

После горького известия женщина начала хлопотать пенсию по потере кормильца. В беседе ей объяснили, что для перевода с

С пожарно-сторожевой вышки был виден весь Салехард. Вид на улицу Республики в 1940–1950-е годы

ФОТО ИЗ ФОНДОВ МВК ИМЕНИ И. С. ШЕМАНОВСКОГО

обеспечения на пенсию нужны справки: где работал муж, сколько получал. А ещё бумаги на всех детей.

– На распиловке он работал, – вздохнула вдова. – А справки я принесу.

В горрыбкопе кассирша, она же бухгалтер, вырвала обложку из ученической тетрадки и скрупулёзно сделала выборку о зарплате.

– Видишь, сколько дров напилил твой Родион. До сих пор салехардцы топят ими печи. А его самого уже нет...

И снова в собес. Там посмотрели на бумагу и спросили, где ещё Бронников дрова пилил, а то справка только за восемь месяцев, а надо бы за год.

– Ещё на товарной базе работал.
– Вот и туда сходи.

На базе ей вручили такой же листок из ученической тетрадки со всеми расчётами...

Семья Бронниковых прожила в Салехарде все военные годы, разделяя с салехардцами тяготы тех лет. Здесь они потеряли младшую Галю. Она умерла 3 марта 1944-го от туберкулёза...

В 1945 году Мария Платоновна объявила детям, что они возвращаются на родину. Не понравилась ей жизнь на полярном круге.

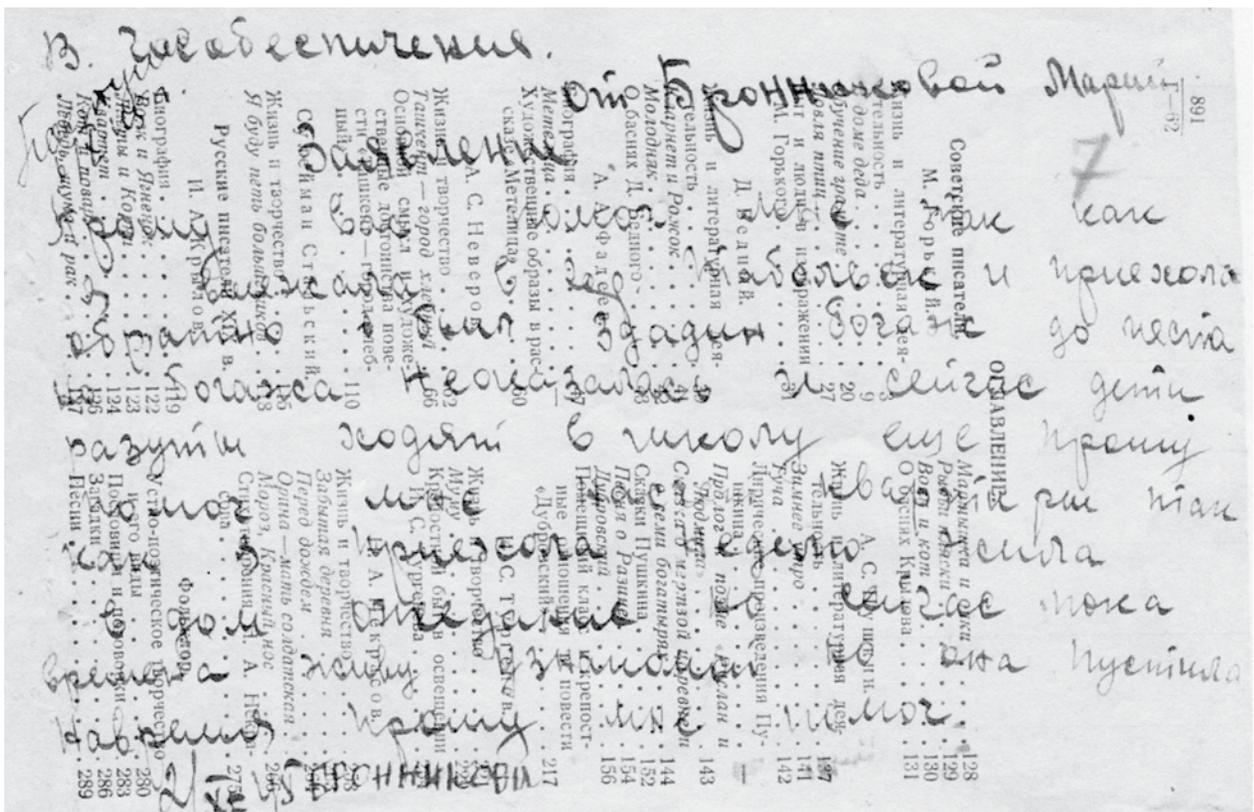
Последний документ, касающийся этой семьи, датирован 2 декабря 1945 года. Мария Платоновна написала на листочке, вырванном из учебника по литературе, о своих тобольских тяготах с надеждой, что, может быть, кто-нибудь с Севера ей поможет. Цитируем письмо, отправленное в Салехард, не меняя орфографии и пунктуации:

«Заявление

Прошу мне помоч так как выехала в город Тобольск и приехала обратно сдан багаж до места но багажа не оказалось и сейчас дети разуты ходят в школу ещё прошу помоч насчёт квартиры так как я приехала неделю жила в дом ожидания но сейчас живу о знакомых но она пустила на время прошу мне помоч».

Помогли ли северяне вдове, неизвестно. Как неизвестна и её дальнейшая судьба. Но я надеюсь, что всё у этой семьи сложилось благополучно. По крайней мере ребятишки были рядом с мамой.

Детей Августы Бронниковой яркие большевики лишили такой возможности. 📄

Последнее послание северянам от Марии Бронниковой. Интересно, как сложилась судьба её потомков

ШТРИХИ ВРЕМЕНИ

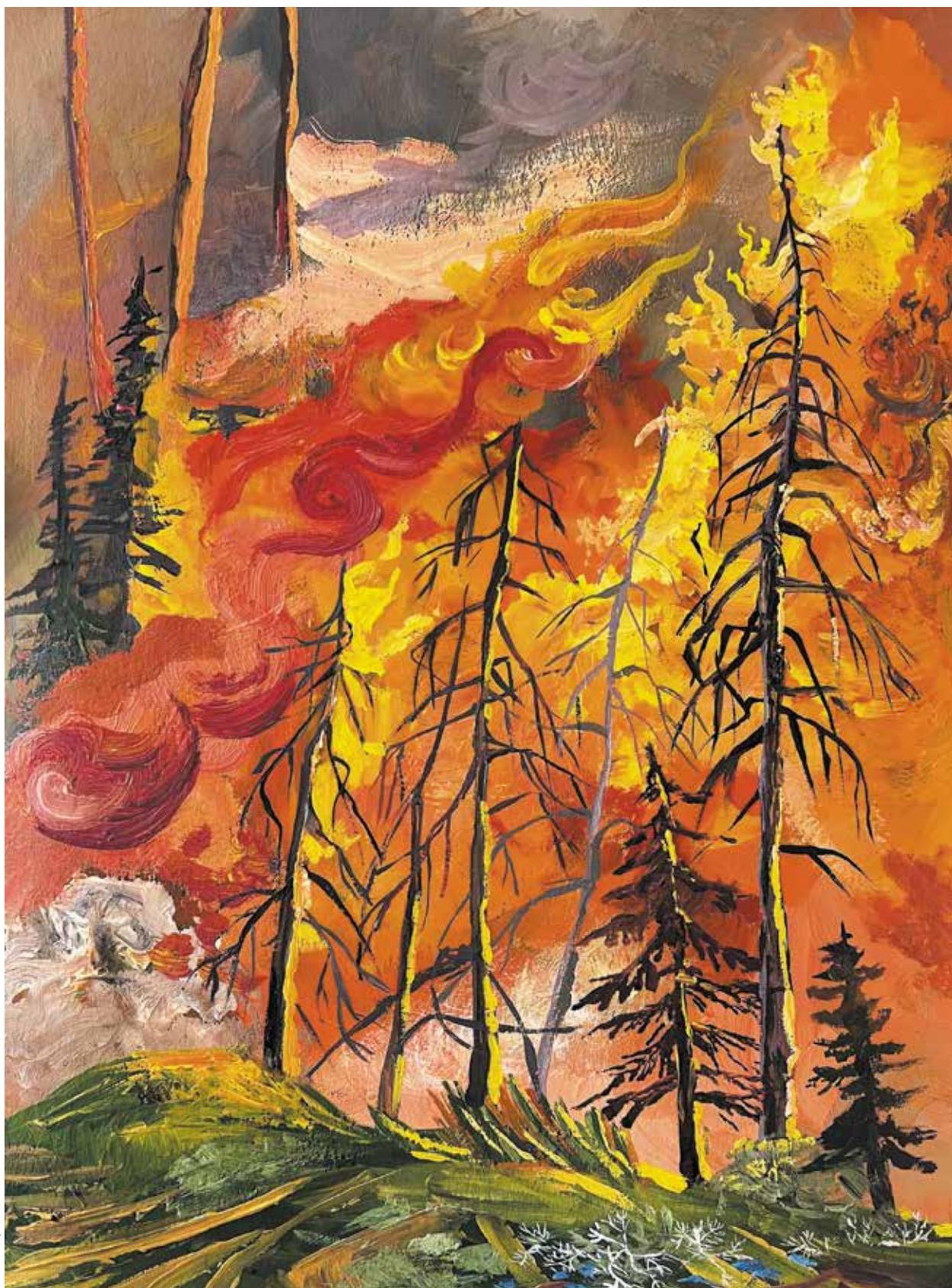

ИЛЛЮСТРАЦИЯ: ЛЮБОВЬ БУТУЗОВА

ТАК РОЖДАЛИСЬ ГРАНДИОЗНЫЕ ПРОЕКТЫ

Владимир ЗОЛЬНИКОВ,
Почётный разведчик недр России
г. Салехард

Помню, как в босоногом детстве мы крутились возле бородатых мужиков в замазученных робах. С гусеничных вездеходов они бурили мелкие скважины вдоль речек – стариц Иртыша – и в них взрывали заряды. Позже, когда студентом слушал лекции по геофизике, понял, что это были сейсморазведчики. Наблюдение за ними и школьные экскурсии к йодобромным источникам вызывали у нас, мальчишек, большой интерес. А профессия геолога привлекала своей романтикой.

ФОТО ИЗ АРХИВА ВЛАДИМИРА ЗОЛЬНИКОВА

Владимир Зольников принимал участие в открытии сорока четырёх уникальных и крупных нефтегазоконденсатных месторождений на Ямале

После легендарного полёта Юрия Гагарина нас всех распирало от гордости за свою страну, и мы мечтали стать космонавтами. Но при получении приписного свидетельства на медкомиссии выяснилось, что по зрению в покорители космоса я не гожусь.

После окончания средней школы мы с другом приехали в Тюмень. Ранним утром, про-

гуливаясь по гулким коридорам Тюменского индустриального института, увидели на стене проспект о том, что человечество хоть и проникло в тайны космоса, но мало что знает о недрах планеты. А профессия горного инженера-геолога позволит познать это. «И чем не космос?» – пришло мне в голову. Совсем недавно было подтверждено открытие Медвежьего газового месторождения. В проспекте говорилось и о планах строительства города газовиков – Надыма – под стеклянным колпаком. Вот так я и выбрал профессию, которая определила весь мой жизненный путь. Непосвящённые называют её романтичной.

Напутствие от «папы Юры»

На студенческой практике мы побывали на нефтяных месторождениях Татарстана, Баку и Нижневартовска. Уникальное Самолорское не впечатлило – скважины там штамповали кустовым способом, как на конвейере. Это было так неинтересно. А мне хотелось постигнуть что-то неизведанное, например, просторы Крайнего Севера, где уже открыли несколько крупных нефтяных и газовых месторождений. Но до края земли – Северного Ледовитого океана – было ещё много неисследованного пространства. Поэтому после окончания института я выбрал «Главтюменьгеологию».

Меня распределили в Мегионскую нефтегазоразведочную экспедицию (НГРЭ).

ФОТО ИЗ АРХИВА ВЛАДИМИРА ЗОЛЬНИКОВА

Самолёт Ан-2 готовят в путь. Из Салехарда он отправится в Нумги – посёлок, куда наш герой приехал сразу после окончания института. 1971 год

Напутствие молодым специалистам давал сам «папа Юра» – начальник главка Юрий Георгиевич Эрвье. Только вот ехать в сторону Нижневартовска не хотелось. Я пошёл к главному инженеру и заявил:

– Не желаю на юг! Хочу на север!

– Ну раз на север, то поедешь на полярный круг, – сказал он.

Так я попал в неизвестные Нумги¹, в Надымскую НГРЭ. Родственники и знакомые отговаривали: «Подумай, куда едешь! Это край темноты, холода и бездорожья». В те времена статус райцентра носило село Ныда, Надым был рабочим посёлком. Городом он стал только в 1972 году.

Что хорошего было в экспедиции? Это наша дружная холостяцкая компания. Шесть молодых специалистов. Многие держались на истинном энтузиазме. Да и в целом коллектив был сплочённый – всегда можно было рассчитывать на поддержку и помощь. Без этого в тундре не выжить.

В это время экспедиция заканчивала доразведку и оконтуривание сеноманской залежи Медвежьего газового месторождения и приступала к разведке глубоких юрских горизонтов. Сначала я работал бурильщиком, в декабре меня назначили помощником бурового мастера. Здесь, на скважине Р-31, я и получил первое боевое крещение.

Буровой мастер, решив, что я уже могу самостоятельно руководить работами, улетел на базу встречать Новый год. И вот при вскрытии юрского пласта с аномально высоким пластовым давлением (АВПД) началось интенсивное газопроявление. Моя задача состояла в том, чтобы не допустить неуправляемого аварийного фонтанирования скважины. Связи с базой практически нет. Я совсем неопытный, с бригадой тоже ничего подобного не случалось, ведь до этого ребята бурили мелкие сеноманские скважины, где геологический разрез был хорошо изучен, технология вскрытия продуктивного пласта отработана.

Буровики – сильные и смелые люди, это я уяснил ещё со студенческой практики, поэтому и мне не к лицу было пасовать перед трудностями. Хотя и с огромным напряжением, но с задачей я справился. Тогда понял, насколько это серьёзное и опасное явление.

За каждый фонтан – выговор

За время работы мне пришлось ликвидировать два десятка открытых аварийных газовых фонтанов. Отсутствие прогноза и несоответствие геологическим условиям конструкции скважины приводило к ослож-

¹ Нумги – упразднённый в 2001 году посёлок, находящийся на территории Надымского района.

нениям и аварийным ситуациям. По действующему регламенту в таких ситуациях начальником штаба по ликвидации должен быть заместитель министра геологии. Но это не соблюдалось.

В Мингео не хотели брать на себя ответственность за такую опасную и сложную работу. Столичные специалисты могли составлять мероприятия, только переписав наши планы. Поэтому справлялись своими силами. МЧС в то время не существовало.

Критические ситуации возникали часто. Однажды выброшенную из ствола скважины потоком газа бурильную колонну длиной три тысячи метров и весом более сотни тонн раскидывало как макароны по окрестностям с одновременным взрывом газа. Прежде чем отправить людей в опасную зону на устье скважины, мне нужно было первому залезть в бушующий огонь или газовую среду. Потом, исходя из обстановки, принимать решение и отвечать за действия своих подопечных. Главное – не допустить, чтобы кто-то пострадал.

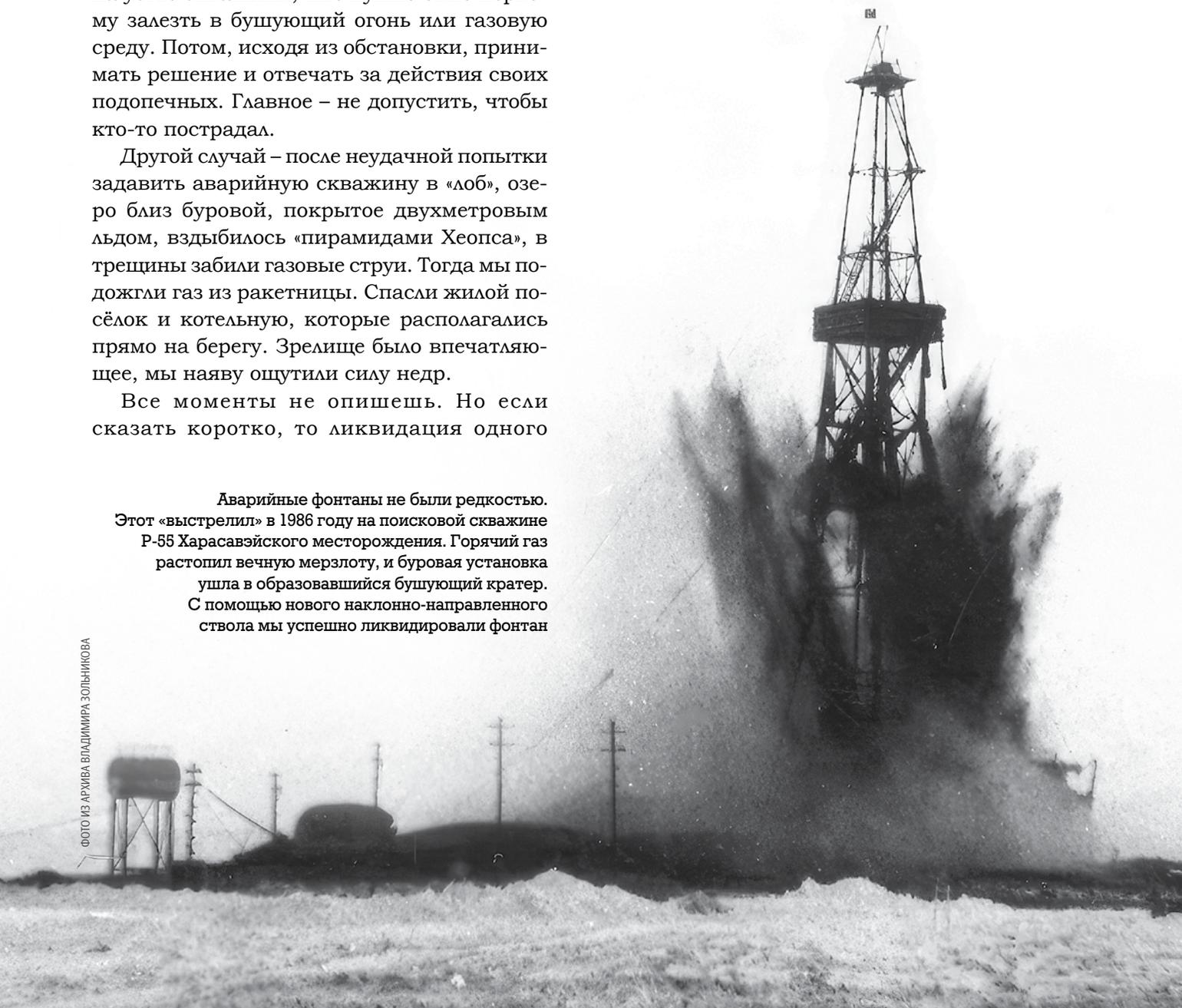
Другой случай – после неудачной попытки задавить аварийную скважину в «лоб», озеро близ буровой, покрытое двухметровым льдом, вздыбилось «пирамидами Хеопса», в трещины забились газовые струи. Тогда мы подожгли газ из ракетницы. Спасли жилой посёлок и котельную, которые располагались прямо на берегу. Зрелище было впечатляющее, мы наяву ощутили силу недр.

Все моменты не опишешь. Но если сказать коротко, то ликвидация одного

неуправляемого открытого фонтана – это всё равно что побывать в преисподней. Сбивающие с ног шум, свист, ультразвук, вибрация, загазованность, беснующееся пламя на устье скважины могли свалить любого здорового мужика. Необходимых условий и никакого супероборудования у нас для ликвидации не было. Выдержать это всё помогала одна мысль – нашим родителям в войну было труднее.

И вот фонтан заглушен, стихия укрощена, и тебе удалось побороть её малой кровью, анализируя и используя природные и горно-геологические условия. Многомесячное напряжение спадает, приходит особое удовлетворение от проделанной работы, с которой могут справиться лишь пытливые, опытные и сильные волей специалисты.

Аварийные фонтаны не были редкостью. Этот «выстрелил» в 1986 году на поисковой скважине Р-55 Харасавэйского месторождения. Горячий газ растопил вечную мерзлоту, и буровая установка ушла в образовавшийся бушующий кратер. С помощью нового наклонно-направленного ствола мы успешно ликвидировали фонтан

Во время моего пребывания на фонтанирующих скважинах никто из подопечных не пострадал.

Но вместо поощрения за каждое успешное глушение фонтана нам объявляли выговор в приказе, не разбираясь, авария это или геологическое осложнение при разведке новой площади.

Наше ямальское объединение было самым «фонтаноопасным» в «Главтюменьгеологии». В главке тогда не уделяли должного внимания прогнозам, касающимся аномально высокого пластового давления. Это явление было новым, ведь на месторождениях в Среднем Приобье с таким не сталкивались, да и месторождения там были в основном нефтяные. Для главка самое главное – наращивание объёмов проходки. Чем больше метров, тем больше запасов – вот и вся концепция.

По действующим правилам определение пластового давления было в компетенции геологической службы, но, по моему мнению, её руководители отмежёвывались от этой задачи, опасаясь ответственности за недостоверность прогнозов. За дело пришлось взяться технологической службе – без прогноза невозможно спроектировать оптимальную конструкцию скважины, без реальной величины пластового давления и глубины его залегания нереально вскрыть без осложнений новый горизонт. Позже была создана технологическая группа АВПД. Свой опыт нам передавал главный технолог главка Иван Яковлевич Гирия. Он лично приезжал на аварийные скважины. Отличный специалист и душевный человек.

Даже у эзков балки были теплее

Иногда в надымской тундре наши буровые оказывались рядом с лагерями 501-й стройки. В начале 1970-х «мёртвая» железная дорога находилась почти в своём первоначальном виде. Следов пребывания приезжего люда не было. По рельсам на дрезинах с ручным приводом ездили связисты, обслуживающие линии связи. Помню, как недалеко от железки мы обнаружили могилу с православным крестом из берёзовых стволов, связан-

Владимир Зольников стал одним из победителей конкурса историй «Первые», посвящённого первопроходцам нефтегазовой отрасли на Ямале и 50-летию Нового Уренгоя. Организаторами конкурса выступили правительство ЯНАО и Гильдия кинодраматургов Союза кинематографистов России.

ных проволокой. Подумали, что здесь похоронен беглый заключённый.

Жильё у эзков было намного лучше и теплее наших разбитых балков. Их бараки строили из бруса, стены были оштукатурены и побелены, печки из кирпича, техника выставлена в линейку. Балки у геологов совсем другие: снаружи жёсть, внутри картон, а между ними пусто – весь утеплитель вытрясен при постоянных перевозках по зимникам и вертолётам. Поэтому, если кто-то успевал занять место в бараке, считалось, что ему повезло.

Да и обогреться нам было нечем. Поэтому привозили из отпуска нихром. Намотать его на ломик, положить на кирпичи – такой «удавчик» красный получается, воздух сушит и кислород выжигает, а наутро язык во рту гремит как жёсть. Если же ночью на буровой «сдохнет» электростанция, то к утру на нарах в спальнике примерзаешь. Эти самодельные обогреватели были очень пожароопасными. Я сам однажды едва не погиб от такого.

Почти четверо суток на морозе ниже 40 градусов мы без сна и отдыха спускали тяжёлую обсадную техническую колонну. Устали как собаки. После цементирования колонны расположились с инженером производственно-технического отдела ночевать в балке вахты. Включили обогреватель и уснули, накрывшись шубами. Ночью я почувствовал, что кто-то меня душит. С трудом проснулся и упал на пол. В балке чёрными хлопьями висел чад. На ощупь подполз к двери и вывалился на улицу. Немного отхаркавшись чёрными ступками и глотнув свежего морозного воздуха, пополз назад спасать товарища. С трудом стащил его с кровати и выволок наружу.

Геологи Надымской
НГРЭ на привале.
Вездеходы для
передвижения
использовали так же
часто, как и самолёты

ФОТО ИЗ АРХИВА ВЛАДИМИРА ЗОЛЫНИКОВА

Потом снова вернулся в балак и забрал овчинную шубу, тлевшую на обогревателе. Расстормошил очумевшего инженера, поставил на колени. И нас обоих стало выворачивать наизнанку. После этого случая я несколько лет не мог переносить запаха гари, даже от случайно попавшего на обогреватель волоска...

На буровых было организовано котловое питание. Повар с помощницей готовили еду в отдельном балаке – котлопункте. Авиация доставляла продукты с запасом на три-четыре дня. Их стоимость шла в счёт зарплаты и делилась поровну между членами бригады.

Зимой к нам приезжали оленеводы, которые каслали рядом. Мы безвозмездно отдавали им брёвна на дрова, доски, дизтопливо, бензин, газовый конденсат и многое другое. Но между нами был налажен продуктовый бартер. Они привозили мясо, получая взамен продукты первой необходимости: хлеб, чай, масло, макароны, муку и так далее. В годы перестройки, когда наступил тотальный дефицит, это закончилось. Наш рацион стал скудным: макароны и сухая да гнилая картошка. Даже детей дома нечем было кормить.

План прежде всего

Надымская нефтегазоразведочная экспедиция работала на территории, протяжённость которой достигала 1000 километров. Материалы и оборудование на буровые доставляли исключительно по зимникам. Как ложился снег, наш топограф-фронтвик Николай Алексеевич Толоконцев на гусеничном вездеходе ГТ-Т прокладывал направления зимников. По его вешкам пускали несколько тракторов с загруженными санями, следом шла вереница автомашин с материалами для буровых. Вышкомонтажники сами тракторами накатывали трассы для перетаскивания буровых установок. Расстояние между площадями нередко доходило до 100 километров.

Каких только приключений не было на зимниках, но геологоразведчики – настоящие закалённые северяне – и в тундре могли выйти из любой сложной ситуации. Бывало, водители ремонтировали машины в пути, накрыв их палаткой; транспортники пережидали многодневную пургу на зимнике в своих тракторах и грузовиках...

Помню, однажды для выполнения плана гендиректор приказал при минус 61 градусе (!) забуривать скважину, выделив необученную бригаду из оргнабора демобилизованных солдат. При этом по паспорту буровая установка должна работать лишь до минус 40 градусов! Только специалист поймёт, что это значит, ведь скважина бурится на водном глинистом растворе, его циркуляция осуществляется по земле и всему комплексу мороженого бурового оборудования.

Были задания и похуже. Например, перетаскать буровую установку или отправить караван транспорта на буровую в самый пик весенней распутицы, когда вскрылись все речки, протоки и ручьи. Кругом море. Случалось, падали вышки, тонули люди и техника, недра разверзались открытыми газовыми фонтанами.

В голой заполярной тундре нет условий для выполнения плана. Да и планы давались нереальные. При этом специалисты трудились добросовестно и самоотверженно, без выходных. Так, только за 16 лет работы в аппарате «Ямалнефтегазгеологии» у меня накопилось и пропало, причём без оплаты, девять отпусков!

ФОТО ИЗ АРХИВА ВЛАДИМИРА ЗОЛЬНИКОВА

Геолог Нина Зольникова недалеко от скважины Р-41. Гыданский полуостров, 1975 год

Как накормить бригаду в тундре

В мае 1975 года мою бригаду забросили на новую перспективную площадь на Гыданском полуострове. Скважина Р-41 находилась в 600 километрах от базы экспедиции. Сюда направили и мою беременную жену – геолога буровой. Связь была допотопной и крайне неустойчивой. В эфире среди какофонии звуков можно было услышать кого угодно, но только не базу.

Густой, как вата, туман, висел над тундрой целый месяц. Предугадывая, что непогода надолго, я навёл ревизию в котлопункте. Запасов оказалось мало: полмешка муки, ящик консервированного фаршированного перца, полпакета сухой картошки. А бригада из сорока с лишним человек. Что делать? Собрался за провиантом на фабрику «Напалково» на ГТ-Т, жена со мной – на буровой скучно без работы. В кармане всего 25 рублей, у ребят тоже денег нет. Подумал, может, на фабрике в долг дадут.

По дороге уткнулись в протоку. От талых вод она превратилась в бурный поток, а где её истоки, неизвестно. По конструкции тягач мог держаться на плаву, и мы решили переправляться. Как только спустились в воду, машину закрутило так, что она не поддавалась управлению. Слышу, вода зажурчала в корпусе вездехода. Ну, думаю, всё – сейчас пойдём ко дну. Вслух говорить ничего не стал, чтоб не напугать жену. В общем, крутило нас, а потом каким-то чудом вынесло «носом» к берегу. Натужно гудя двигателем, тягач кое-как начал выползать. В голове мелькнула мысль – если двигатель не вытянет и сдадим назад, зачерпнём воду задним бортом, тогда уже точно – на дно. Но, слава Богу, выбрались. Стоим на берегу, а из корпуса вода течёт ручьём. Видимо, когда-то он был пробит. Только благодаря мастерству водителя и тому, что штатный двигатель заменили на более мощный дизель, мы спаслись.

На фабрике ждало разочарование. Новый факторщик отказался дать продукты в долг, даже под расписку. И это в бескрайней тундре, где кроме него нам некому было помочь! В итоге я купил хлеб, сушки да рыбные

ФОТО ИЗ АРХИВА ВЛАДИМИРА ЗОЛЬНИКОВА

Владимир Андреевич (слева) на Гыданском полуострове возле найденной лодки

консервы. Бригаде на голодный паёк этого хватило ненадолго. Тогда решили заняться рыбалкой. У нас даже лодка была – нашли на берегу и починили её. Но и здесь ничего не вышло – вдоль побережья прошёл косяк белухи, рыбы не было всё лето.

Работали, пока были силы и не закончилось дизтопливо. Помню такую картину: вышли мужики на смену, уселись на трубы, тихие, как воробушки – ни еды, ни работы. Почти месяц мы голодали.

У истоков «Арктик СПГ-2»

В августе из скважины начался выброс (взрывное газопроявление) – долото вскрыло пласт с АВПД. Давление в трубном пространстве стало быстро нарастать и приближаться к критическому. Манометр был установлен на 250 атмосфер. Стрелка пошла на второй круг, но остановилась на ограничителе. В те времена специалисты главка не могли спрогнозировать реальное пластовое давление, ведь это была первая поисковая скважина в этом регионе.

Я справился с критической ситуацией, закрыл в превентор², затем на экстренно смонтированный отвод сбросили высоконапорный газ из трубного пространства за пределы буровой. Так мы разрядили скважину, предупредили грифонообразование, спасли скважину и буровую установку. Мои действия одобрили главный инженер и главный технолог главка. Вероятно, поэтому уже в следующем году меня назначили главным инженером экспедиции. При этом я обратил внимание руководства на то, что в условиях Арктики невозможно обеспечить безаварийную и безопасную работу буровой на таком огромном расстоянии от базы...

В 1976-м, когда на Р-41 подтвердили открытие месторождения, была создана Гыданская нефтегазоразведочная экспедиция. Базовый посёлок назвали по судоходной речке – Тадибе-Яха. Нашим соседом на левом берегу была «Полярка» – полярная гидрометеостанция, основанная в 1950 году. Раз в год сюда привозили материалы и продукты по Севморпути. Рядом со станцией находился грунтовый аэропорт с короткой взлётно-посадочной полосой, обставленный 200-литровыми бочками.

² Превентор – рабочий элемент комплекта противовыбросового оборудования, устанавливаемый на устье скважины.

Так было открыто уникальное нефтегазоконденсатное месторождение, где сейчас реализуется грандиозный проект Новатэка «Арктик СПГ-2».

В пурге терялись трактора

Весной на Гыдане пурга бывала такая, что после неё приходилось перешагивать через линию электропередач или рыть тоннель. Был один курьёзный случай, когда новенький тракторист пришёл ко мне в балок на утреннюю сводку и доложил, что ночью угнали его трактор. Я говорю:

– Пурга же была. Поищи его под снегом в месте, где вечером оставил.

– Трактор не игрушечный, чтобы в снегу потеряться, – упёрся он.

– А куда его угонять-то? Вокруг за тысячу километров голая тундра.

Пришлось самому взяться за лопату. Когда нащупал в снегу под ногами железо, передал её трактористу.

– Копай тут, – говорю ему.

В этот момент подошли ещё двое водителей. Они вечером с подбазы «Тадибе-Яха» привезли трубы на ракетовозах МАЗ-543,

которые мы в обиходе называли «Ураганами». Эти машины сняли с вооружения и направили для дальнейшего прохождения службы в народном хозяйстве. Мы переоборудовали их и приспособили под трубопроводы и бензовозы.

– У нас ночью «Ураганы» угнали, – пожаловались они.

Я ещё пошутил, мол, «ваши-то «легковушки» точно угнали на «покатушки», придётся заявлять в ГАИ».

Пока водители завтракали в столовой, к котельной подошёл трактор, развернулся на месте и... поцарапал крышу одного «Урагана». Водители, хоть и не новички на зимниках, но не ожидали, что за одну ночь пурга может «похоронить» в снегу такую огромную технику.

Был ещё один интересный случай с заносом. По заявке в бригаду испытания прилетел тампонажник Кузьмич. Он громко храпел во сне, поэтому его поселили в отдельном балке – места было достаточно. Сразу цементировочный агрегат (ЦА) не потребовался, поэтому про него забыли. Ночью поднялась пурга.

О том, что Кузьмич на скважине, хватились только через три дня, когда понадобился ЦА. Тут же рванули откапывать дверь балка от снега. Кузьмич от злости чуть не побил мастера, хотя по натуре он был добрым дедом. Бедолага вычистил даже мусорное ведро, съел всё что можно было. И смех и грех.

Кстати, после пурги ребята с ночной вахты всегда по утрам ходили с лопатами по балкам – откапывали двери и будили сменщиков. 🌐

Продолжение в следующем номере.

Самая первая скважина на Гыдане. На календаре июль, но море до сих пор оковано льдом, 1975 год

О ЛЮБИМОЙ АКСАРОЧКЕ

Ольга КИПРИНА

г. Тюмень

Мне четыре года. 29 ноября 1983 года самолёт Як-40 приземляется в аэропорту Салехарда. Город на полярном круге встречает нас обильным снегопадом. Мою беременную маму выводят первую – ребёнок просится появиться на свет. У трапа уже стоит карета скорой помощи. Санитары берут её под руки и уводят. Я истошно кричу им вслед: «Люди, куда вы уводите мою маму?!» Тем же вечером у меня родилась младшая сестра по имени Маша, «коренная» жительница Севера. С тех пор прошло сорок с лишним лет, и я, перебравшись на Большую землю, то и дело мысленно возвращаюсь на Ямал, в место, которое гордо именую Родиной.

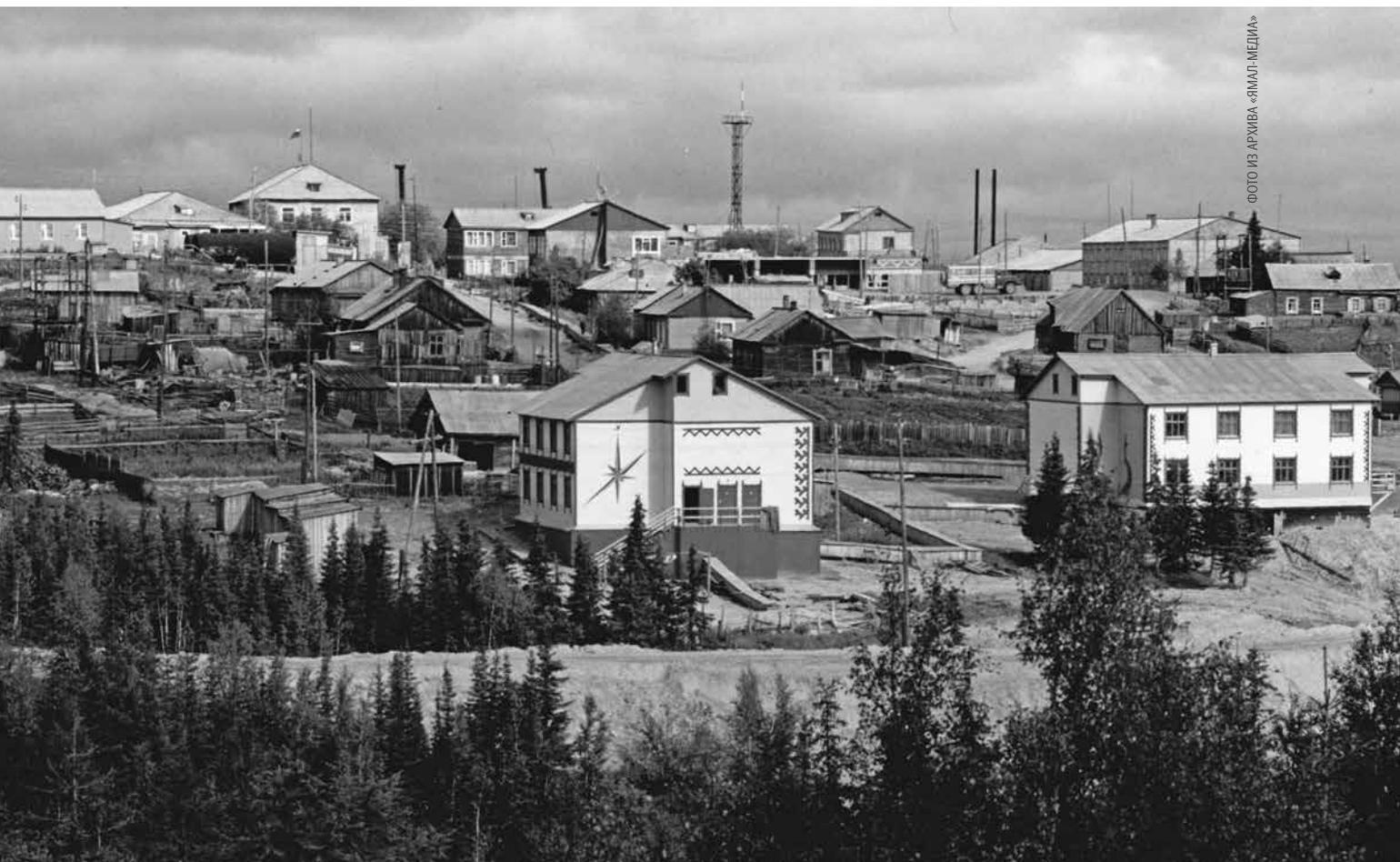

ФОТО ИЗ АРХИВА «ЯМАЛ-МЕДИА»

До переезда на севера родители жили на юге Тюменской области. Мама трудилась фельдшером в деревне Баландино, папа плотничал. Жили не тужили: поддома, огород. Однажды пришло письмо от старшей

сестры отца из Аксарки, тётя звала нас на ПМЖ. Недолго думая, родители собрали чемоданы и оправались в путь. В Аксарке мы сначала жили у родственников, затем нам дали комнату в общежитии. Оно стояло в Ов-

ражном переулке. Холодно там было – жуть, удобства общие и на первом этаже.

Одним не прекрасным днём в общежитии случился пожар. Иду я из школы и вдруг вижу, как из окна в сугроб летит наш новенький телевизор «Горизонт». Дым валит страшный, треск, запах гари. К счастью, обошлось без жертв, да и голубой экран не пострадал – служил нам потом еще не один десяток лет! Всех погорельцев распределили по квартирам, друзьям. В красной комнате РСПУ устроили стихийный склад спасённого добра. А спустя некоторое время нам дали балок. Какая это была радость! Он был как полноценная однокомнатная квартира с кухней, спальней и прихожей. На удивление в нём было очень тепло и уютно. Позже папа сделал пристройку, где зимой отлично хранились купленные туши оленя и рыба.

Детский сад

Первое время мама трудилась диетсестрой в детском саду «Чебурашка», а я по-

ФОТО ИЗ АРХИВА ОЛЬГИ КИПРИНОЙ

Дети 1980-х успели побывать и октябрятками, и пионерами

сецала соседний – «Малышок», куда ходила моя двоюродная сестра.

Самое яркое воспоминание о садике связано с субботними днями. Мои родители работали, и до обеда я была в саду. Занятий в этот день не было, и мы занимались полезным трудом – опрыскивали и протирали водой комнатные растения. В группе включали телевизор, где шла популярная тогда аэробика, и мы, воображая себя спортсменками, старательно выполняли упражнения на гимнастических ковриках.

Школа

Начальная школа располагалась в центре села, на высоком берегу Оби, с которого открывался чудесный вид. Идти до неё было не очень далеко.

После уроков я нередко любовалась пейзажем и по-детски удивлялась, почему Обь называют рекой, ведь она такая широкая и уходит за горизонт. Море – не иначе!

В здании начальной школы было три классных помещения и крохотная учительская. На большой перемене привозили чай и хлеб с маслом или пирожками. Это был самый вкусный чай, которой я когда-либо пробовала в жизни!

Средняя школа находилась совсем рядом с нашим балком. Это обстоятельство всегда радовало меня, особенно зимой. В отличие от начальной здание средней школы стоит до сих пор. Сейчас там управление образования. Символично, правда? Заходя в него, я безошибочно могу сказать, где именно располагался тот или иной класс. Рядом со школой стояла мастерская. Она тоже уцелела. Девочек там учили шить, а мальчишек – плотничать и столярничать. Помню, мы шили юбки и галстуки, а пацаны мастерили табуретки и строгали доски.

Я любила нашу школу, несмотря на то, что зимой там было очень холодно. Порой приходилось учиться в верхней одежде и писать в перчатках.

Нашего классного руководителя звали Зинаида Степановна Саргина, она преподавала алгебру и информатику. Между собой мы сокращённо величали её «ЗинСтепанна». Она знала это и не обижалась. Наш класс

КОллаж: ГАЛИНА СЕВІЙ / «ЯМАЛ-МЕДІА» / ФОТО: АРХІВ ОЛГЫ КИРІННОЙ, АРХІВ «ЯМАЛ-МЕДІА»

был шумным, непослушным, но она любила нас словно мама. Жила Зинаида Степановна рядом со школой, и когда у неё было «окно» между уроками, бежала домой и жарила нам пончики! Представляете? На одной из переменок мы собирались и вместе пили чай. А ещё в классе всегда были её старые кофты и свитеры, которые она надевала на девочек, чтобы согрелись. Ну как такое можно забыть?

Не могу не вспомнить учителя биологии Елену Алексеевну Ермолину. Как она интересно, я бы даже сказала – вкусно, вела свой предмет. Я буквально заслушивалась, понимала всё с первого раза. Учить дома даже не приходилось. А на вступительных экзаменах в вуз члены комиссии были в восторге от моей подготовки по биологии. Спрашивали, откуда такая приехала. Я гордо чеканила регион и ФИО учителя. Вот вам и сельская школа!

В школе нас приобщали к общественному труду. Класс делился на «звёздочки» – по пять человек. В определённый день мы чистили территорию у памятника Ленину. Зимой при

обильном снегопаде это было нелегко. Однажды, чтобы не подвести нашу «звёздочку», мне пришлось взять с собой свою младшую сестру, у которой была температура. Она сидела на ступеньках администрации и ждала меня. Снега в тот день было много, а другие ребята так и не пришли. Чистила дорожку одна. Благо меня заметил дворник и пришёл на помощь. Памятник Владимиру Ульянову до сих пор стоит на центральной площади Аксарки.

Наш класс, как водится, был многонациональным, но я не помню, чтобы мы ссорились на этой почве. Да, были единичные дразнилки, но они быстро пресекались взрослыми. Никогда не забуду, как нам твердили: «Дети, запомните, пятнадцать республик – пятнадцать сестёр! Вы все равны! Никто из вас не лучше и не хуже!» Поэтому мы росли дружно, узнавая культуру друг друга.

Улица Зверева

В те времена жильё работникам давали от организации. Была очередь, которая доходила до нуждающихся. Такое счастье выпало и нам. Трёхкомнатная квартира находилась в новеньком четырёхквартирном доме по улице имени героя Советского Союза и нашего земляка Анатолия Зверева. Радости не было предела. У нас появилась своя детская комната.

Дело было летом. Накануне родители купили нам велосипед «Кросс», на котором мы умудрялись кататься в пятиметровом зале! До сих пор помню этот восторг.

Так получилось, что в Аксарке мы всё время жили именно на улице Зверева. Когда-то ей заканчивался посёлок. За нашим домом был только аэропорт, а на другом конце улицы ещё одна местная достопримечательность – магазин смешанных товаров с негласным названием «Башмачок». На его длинных и широких ступеньках мы любили собираться с ребятами и играть.

Когда-то наш дом по улице Зверева гордо возвышался над остальными старенькими деревяшками. Потом его обшили сайдингом, и началась его вторая молодость. Я помню, как сносили другие дома, помню, как щемило сердце, как плакали их жильцы. Сейчас из

ФОТО ИЗ АРХИВА ОЛЬГИ КИРИЛИНОЙ

Время без гаджетов. Главной ценностью было живое общение

деревянных остался только наш. Среди кирпичных гигантов он кажется таким крохотным, но несломленным старичком. А ещё он продолжает греть моё сердце, ведь там живёт мама.

Соседи

Нам очень повезло с соседями, это были хорошие люди. Со всеми мы были в дружеских отношениях. Мама сразу договорилась с тётёй Машей Лонгоровой, что из-за детей они никогда не будут ругаться. Сказано – сделано. Сколько бы мы ни ссорились, они никогда не портили между собой отношения.

Тётя Маша всегда отдавала нам излишки рыбы, носила её целыми тазами. В те времена не было запрета на вылов и квот. В благодарность мама угощала своей стряпнёй: булочками, пирожками, блинами. Соседская девочка Наташа так и говорила: «Тётя Таня, мы выросли на ваших пирожках». Мы любили ходить друг к другу в гости, засиживались допоздна, играли в дочки-матери, школу, пили чай.

В нашем доме жил ветеран войны, орденосец Михаил Дмитриевич Добрынин. Тихий дедушка с небольшой седой бородой. Мы так этим гордились – рядом настоящий защитник! Его уважали настолько, что нарицывали красные звёздочки не только на двери его подъезда, но и на двери сарая и даже туалета! Одно слово, дети. Жена ветерана, баба Маша, статная, добродушная женщина, всегда носила крупные янтарные бусы. Она часто хвалила маму за то, что мы приучены к труду.

Другой сосед, деда Вася Мальков, был настоящим папой Карло. Под нашим домом он организовал себе целую мастерскую. Благодаря ему по периметру дома появился забор, а позже деревянный домик для игр.

У каждого из соседей во дворе было по теплице, в которой выращивали огурцы, помидоры, редис и цветы. Картошка росла на грядках у дома. Правда, наш огород был подальше. Первый урожай нас разочаровал, но научил садить картошку по-северному, почти как лук. Несколько лет мы усердно удобряли наш клочок земли. На пятый год огородничества уродилась прекрасная картошка.

Как сейчас помню её сорт – «Роза». Увы, сразу после этого огород забрали под строительство.

Досуг и культурная жизнь

Особых развлечений у нас не было. Разве что кино. Мы любили ходить в клуб и смотреть фильмы. Однажды младшая сестра ушла туда одна и заснула во время сеанса. Долго же мы её потом искали!

Летом любили играть в казаки-разбойники, зимой пропадали на деревянных горках и рыли в снегу окопы, даже в активированные дни. Учиться в мороз никто не хотел, а гулять – всегда пожалуйста!

Моя жизнь в маленьком северном посёлке заиграла новыми красками, когда меня отдали на... балет! Да, именно так. Супруги Серовы открыли балетную студию, а позже и театр хореографических миниатюр. Это было смело, ново, интересно. Никогда не забуду, как они ставили спектакль «Кошкин дом». Мне досталась роль пожарного. Премьера проходила при полном аншлаге. Прошло столько лет, а люди до сих пор помнят это грандиозное зрелище. Мы так гордились, что участвуем в спектакле, словами не передать.

Костюмы для персонажей Серовы шили сами. Работа не прекращалась до самой ночи. Даже перед выходом на сцену они что-то подправляли, подшивали прямо на нас.

Старый клуб в Аксарке был очень уютным и, как мне казалось, не маленьким. В нём располагалось несколько вокальных ансамблей. Помню, как гремел на весь район мужской коллектив «Полярис» и женский «Ретро». Мальчишки ходили в клуб на фотокружок, девчонки на хор и балет. В выходные мы танцевали на дискотеке. Хорошее было время.

Однажды в наш поселковый клуб в Аксарке приезжал Вячеслав Малежик – событие огромного масштаба. В зале было тесно настолько, что, когда артист пошёл в народ, зрители, стоявшие в проходах, еле дали ему пройти. Он так удивлялся, какой чистый у нас посёлок. А мы смеялись, ведь дело было зимой.

КОЛПАК: ГОЛМАН СЕВИЧ / ФОТО АРХИВЪ «ЯМАЛ-МЕДИА»

Транспортная схема

Метеоры, омики, катера – на всех этих видах водного транспорта мы добирались до Салехарда в период навигации. Путешествия по Оби всегда казались мне романтичными и увлекательными. Под рокот двигателя я любовалась местными красотами и вглядывалась в коричневую глубину главной артерии Ямала. Судно резало водную гладь или упорно шло по волнам, брызги долетали до пассажиров на палубе, ветер трепал им волосы и одежду, но те не спешили уходить. Минуты единения с природой завораживали всех. Время идёт, а это не меняется.

В зимний период добраться до окружной столицы можно было по берегу Оби на Уралевахтовке. То ещё приключение. Трясло там знатно, но мы как-то умудрялись принимать пищу и даже дремать.

В начале 2000-х годов в Аксарке появилась автомобильная дорога, соединившая нас с окружной столицей. Этому событию несказанно радовались все жители без исключения. Когда дорогу только-только отсыпали гравием, я собралась в отпуск. И пусть наша легковушка буквально тонула в мягком, неукатанном покрытии и один раз застряла,

мы были счастливы, всё-таки это была дорога, настоящая!

Сухая картошка и компот

Из-за сложной транспортной схемы продукты питания всегда покупали оптом, то есть ящиками и мешками. Если солили, то целыми эмалированными ваннами или кадушками – у кого что было.

На Севере я впервые попробовала сухое молоко и сухую картошку. Так себе удовольствие. Но если сдобрить последнюю молоком и сливочным маслом, получалось вполне себе пригодное кушанье. Что поделать, картошка часто мёрзла при транспортировке, поэтому ели сухую.

На каждый праздник на нашем праздничном столе в обязательном порядке был сливовый или персиковый компот. До начала пиршества мы с сестрой, как кошки вокруг сметаны, ходили у стола и не могли дожидаться начала праздника. При почти полном отсутствии овощей и фруктов это было настоящим лакомством. Как-то в магазин привезли солёные арбузы в банках, но отведать этот деликатес я так и не отважилась.

Никогда не забуду девяностые – время большого дефицита продовольственных товаров. Помню, как у гастронома выстраивались длинные очереди. До позднего вечера продавцы выдавали продукты питания по талонам. Это странно звучит в наши дни, странно было и тогда.

Больница

Здание старой поликлиники, где мама работала клиническим лаборантом, сохранилось до сих пор. Сейчас это жилой дом.

Мамина лаборатория находилась в самом конце здания. Из оборудования кабинета припоминаю пузатый автоклав для стерилизации инструментов и старенький микроскоп, который ломался время от времени. Сколько раз папа его чинил! Когда мама задерживалась на работе, мы шли её «выручать». В минуты отдыха она позволяла нам смотреть в микроскоп, попутно объясняя, что мы там видели. Сестрёнка так вообще научилась разбираться в анализах.

ФОТО ИЗ АРХИВА ОЛЬГИ КИПРИНОЙ

Дорогая для каждого жителя Аксарки улица – имени героя Советского Союза Анатолия Зверева

ФОТО ИЗ АРХИВА ОЛЬГИ КИПРИНОЙ

Выпускники 1996 года

Каждый день мама приносила на своей одежде запах больницы. Папа трудился на пилораме, и его запах древесной стружки мне нравился больше. А мама любила повторять, что деньги не пахнут.

Гастроном

Продовольственный гигант по имени «Гастроном» находился на главной улице посёлка – Первомайской. Поход в него был для меня настоящим событием и знаком доверия от мамы. Мне давали список, большую авоську и с богом отправляли в путь. Шучу. Купив всё строго по списку, на сдачу я всегда покупала сладости в отделе «Кулинария». Какие там пекли торты и пирожные! Пальчики оближешь. Немудрено, что продукцию кулинарии раскупали за считанные часы. А ещё в гастрономе продавали свежее молоко. Хорошо помню, как мы с бидонами стояли и наблюдали за магией наливания молока из фляги в банки, бидоны и прочие сосуды. Сейчас в бывшем гастрономе находится уютное кафе.

Рядом с гастрономом была столовая. По субботам и воскресеньям маленькие жители Аксарки любили ходить в кафе «Сладко-

ежка». Это было чем-то нереальным для нас. Чтобы попасть туда, мы приходили заранее и подолгу ждали на морозе. Уплетая пирожные, тортики и коржики местного производства, по «видику» смотрели диснеевские мультфильмы. Это было незабываемо.

Баня

Отдельное место в посёлке – баня. Раз в неделю с одного конца Аксарки мы шли на другой. Долго сидели в очереди, там узнавали последние новости и коротали время у буфета. Подогретые разными известиями, в парной начинались бурные обсуждения. Женщины, намазав себя мёдом, парились и трещали как вороны.

В поселковой бане была неписаная традиция – мыть друг другу спины. Знакомые – не знакомые, роли не играло. Попросили – значит мой! На этой почве я сблизилась в общении с одной очень строгой учительницей.

Правда, мыться вдоволь в бане нам получалось крайне редко. Частенько за мамой прямо в баню приезжала больничная машина и увозила её делать срочные анализы. Поэтому нас с сестрой мыли быстро в несколько рук чужие тётки. А ещё маму нередко подни-

мали среди ночи, приезжала скорая и увозила её в лабораторию. Не помню, чтобы она жаловалась. Мама любила свою работу, однако не хотела, чтобы мы пошли учиться в медицинский.

Аэропорт

Из окна нашего дома был виден аэропорт и взлётное поле – такой простор и красотища неопишущая! Зимой одноклассники оставляли у нас в снях лыжи, а пассажиры – сумки с вещами. Рейсы часто задерживались.

Сейчас в здании аэропорта информационное агентство «Приуралье». Съёмочный павильон и монтажная – бывший зал ожидания. Помню, как в ожидании Ан-2 мы лопали в нём котлеты и запивали их компотом из сухофруктов. «Аннушка», так ласково называли этот самолёт, был очень шумным, но незаменимым тогда видом транспорта.

КБО

Сестра моего папы, тётя Галя, работала швейей в Аксарке на комбинате бытового обслуживания – сокращённо КБО. Помню, там шили одежду. Штурмовки для всей семьи нам сшила именно тётя Галя. Они были очень прочные и качественные!

Сейчас в здании бывшего КБО находится краеведческий музей. О былых временах напоминает лишь крутая лестница на второй этаж внутри учреждения и запасный выход с торца.

Универмаг

Этот магазин в детстве мне казался волшебным. Я могла часами любоваться товарами в детском отделе. Иногда заветные игрушки нам всё же покупали.

В канун новогодних праздников на окнах магазина появлялись знакомые сюжеты из сказок. Это было каким-то волшебством для меня – окна как большие поздравительные открытки. Загляденье!

Послесловие

Вот уже пять лет я перековываюсь из северянки в южанку, но душа моя осталась там – в краю бескрайних снегов и морозов. Не было дня, чтобы я не вспоминала про свою Аксарочку. Посёлок тогда и сейчас – огромная разница. Деревянные тротуары и дороги сменил асфальт, вместо одноэтажных домов – капитальные новостройки, повсюду детские площадки, культурные и спортивные объекты. Визитной карточкой Аксарки стал сквер основателям села. Недавно появился Храм в честь иконы Божьей Матери Одигитрии, скоро сдадут новый современный спортивный комплекс. Последний раз я была в родном селе год назад. На прогулке по его улицам в голову сами собой пришли эти строки:

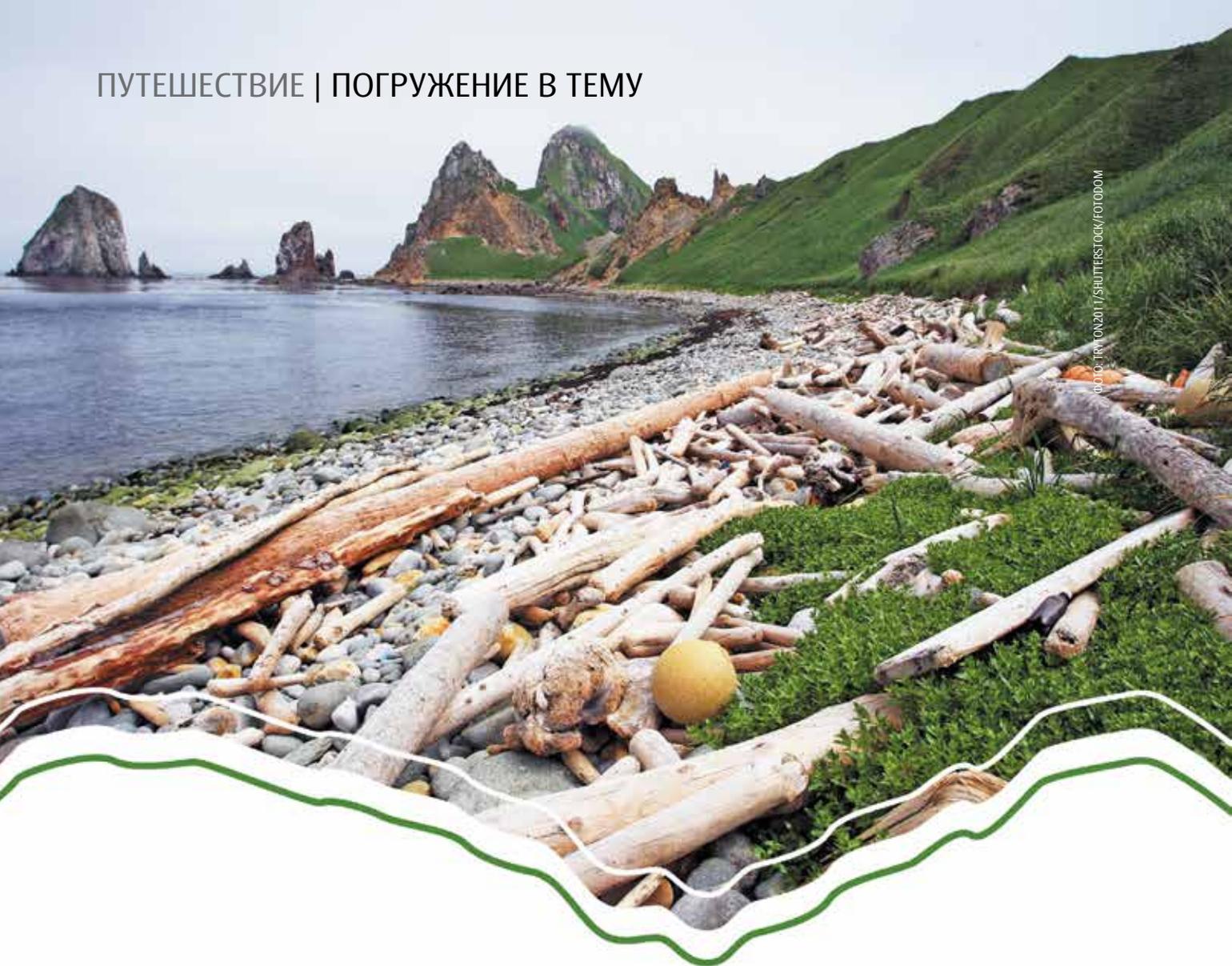
*«Здесь даже воздух «вкусный», и люди все родней,
И места нет красивей Аксарочки моей!
Пройдусь по её улочкам – новинки, красота,
Цветёт село любимое, цветёт как никогда!»* 🌍

ПУТЕШЕСТВИЕ

ИЛЛЮСТРАЦИЯ: ЛЮБОВЬ БУТУЗОВА

БЕРЕГ БЕРИНГА

Ольга САМСОНОВА

г. Тюмень

Край земли – это не единственная точка на карте. Скорее границы Большой земли с выходом к океаническим просторам, где не часто встретишь соседей. Это место, удалённое от столицы тысячами километров и рядом часовых поясов. Это крайние северные и восточные территории России. Мне довелось жить на Ямале, побывать на острове Сахалин, во Владивостоке, из первых уст знаю о Камчатском крае и Чукотском автономном округе. Жители всех названных мест уверены, что живут на краю земли. Такая самоидентичность объединяет людей окраинных территорий, влияет на их характер, понимание ценности мира и места.

Командоры входят в Алеутскую гряду островов. На карте она выглядит как полукольцо между двумя материками. Причём северная часть Америки до 1867 года также принадлежала России. Но однажды император Александр II обвёл карандашом Аляску и Алеутские острова, и очерченные территории отошли Соединённым штатам за скромную сумму в семь миллионов долларов. Командорские острова чудом остались в нашей стране. Этот архипелаг Тихого океана, вернее юго-западной части Берингова моря, состоит из четырёх островов: Беринга, Медный, Топорков, Арий Камень.

Моя коллега, автор фотографий, глубоко сухопутный человек с юга Тюменской области, уже четыре года работает учителем в единственной школе на острове Беринга. Её рассказы помогли в подготовке этого материала.

Как остров офицерский чин получил

В 1741 году к берегу подошёл двухмачтовый пакетбот «Святой Пётр». Его команда, измождённая цингой и голодом, уже с трудом управляла судном. Моряки перебрались в шлюпки и пристали к берегу, ожидали найти жилища, согреться, поесть и помыться, уверенные, что дошли до Камчатки. Они ещё не знали, что этот остров необитаем, что их капитан-командор вскоре покинет мир, а они соберут из разбитого пакетбота судно попроще и, пережив зиму на котиковом жиру и мясе морских коров, вернуться в Россию.

Эта большая Северная экспедиция стала последней в жизни датчанина Витуса Беринга, служившего на русском флоте. Он оставил своё имя морю и самому крупному острову. Архипелаг же в награду за спасение российских моряков «получил» в качестве имени офицерский чин начальника экспедиции.

ФОТО: СЕРГЕЙ ИВАНСКИЙ/РИА НОВОСТИ/ТАСС

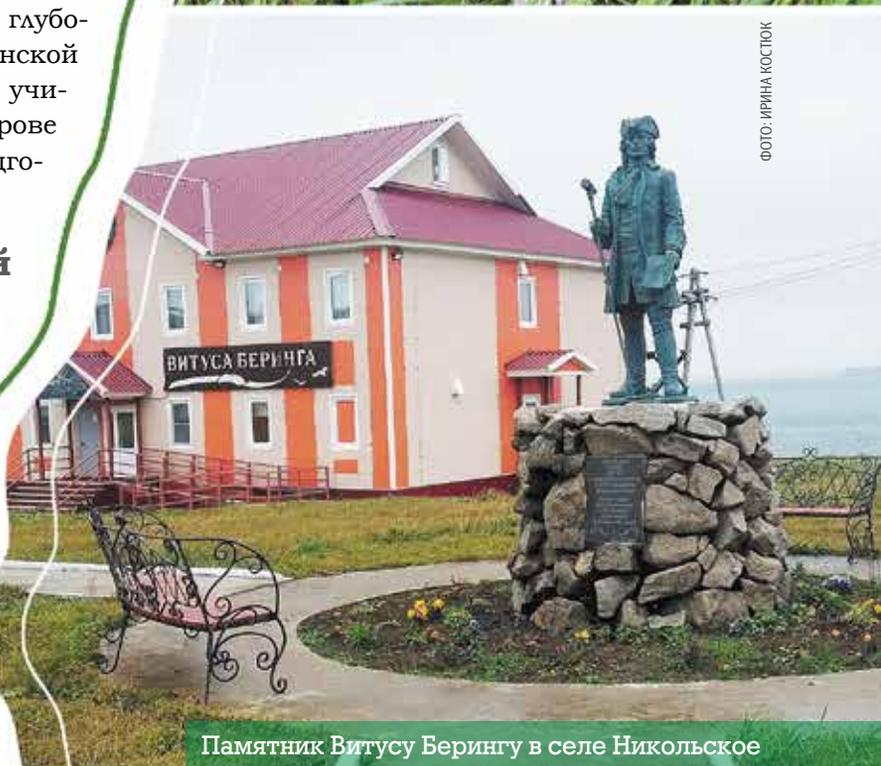

ФОТО: ИРИНА КОСТЮК

Памятник Витусу Берингу в селе Никольское

ФОТО: ИРИНА КОСТЮК

В 1980–1990-е годы на острове работали две научные экспедиции по поиску могилы командора и моряков, которые погибли в тот первый поход. Найденные останки исследовали. В 1993 году удалось восстановить облик Витуса Беринга. Однако не все историки согласны с результатами экспертизы, и в доступных источниках на равных правах встречаются теперь два его портрета.

ФОТО: ИРИНА КОСПОК

Тоже Крайний Север, но другой

Несмотря на то, что Командорские острова находятся на одной широте с Москвой, климат здесь океанический и остров приравнен к районам Крайнего Севера. Солнечные дни можно сосчитать на пальцах одной руки. Постоянный туман и сырость. При этом зимой температура не опускается ниже минус 9 градусов. Влажность 100 %, потому отопление не выключается круглый год.

Как только выдаются солнечные дни, островитяне спешат на лайду (так называют океанское побережье). В нескольких десятках метров от воды песчаные сопки. Дух захватывает от красоты – бирюзовые волны Тихого океана, оранжево-золотая россыпь песка, барханы.

Не меньше впечатляют и водопады: в одних потоки ледяной воды шумят и сплывают, устремляются вниз с самой вершины сопки; в другом месте робкий ручеёк воды, подпрыгивая по камням, спешит в океан. У каждого водопада свой характер.

Река, вытекающая из озера Сараного в океан, в период нереста переполнена лососёвыми. Они поднимаются в пресную воду против течения, отчего кажется, что озеро кипит.

Здесь нет высоких деревьев. Карликовый ивняк, карликовая рябина с ягодами гораздо крупнее и слаще материковых. Осенью тундра, как и на Ямале, щедра на грибы и ягоды. Встречаются те же голубика, брусника, шикша.

Одно село на весь архипелаг

Необитаемые острова стали заселяться с лёгкой руки российских

Выход к Северо-Западному лежбищу морских млекопитающих – одному из самых любимых туристических маршрутов на острове Беринга, находящемуся в 25 километрах от Никольского

предпринимателей. Меха, жир, шкуры морских обитателей на мировом рынке ценились очень высоко, а добыча этих животных была традиционным делом для алеутов. Потому Русско-Американская компания с 1826 года стала завозить на Командорские острова алеутов-промысловиков.

На острове Медный был основан посёлок Преображенский, а на острове Беринга – село Никольское. Промысел не прекращался и в советское время. В 1968 году посёлки объединили и всех жителей перевезли в Никольское. Сейчас на Медном обитают животные, птицы, бывают учёные и туристы, но постоянно проживающих нет. Осталось лишь несколько ветхих деревянных домиков.

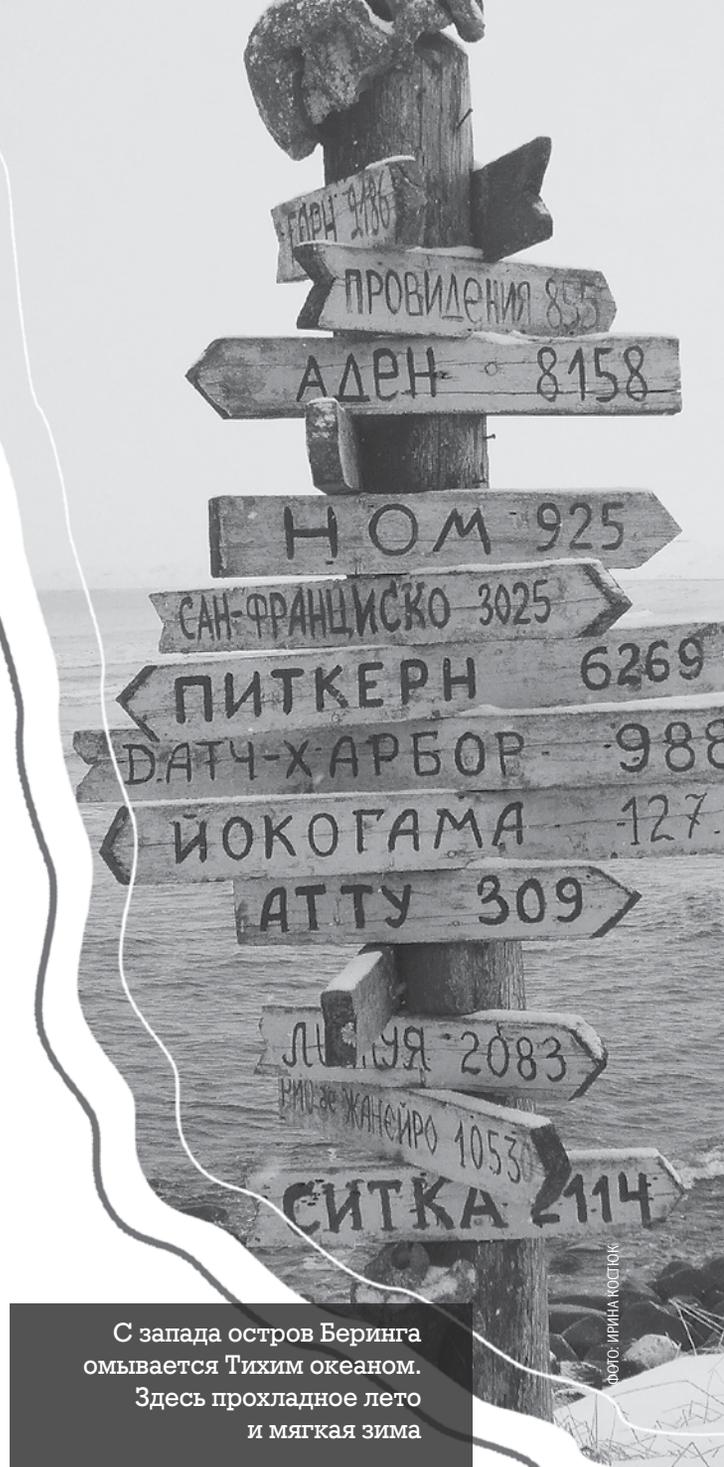
Ныне люди живут лишь на одном из островов – Беринга. Его площадь – 1667 кв. километров, она делится на заповедную, буферную и хозяйственную зоны.

К заповедной относится национальный парк «Командорские острова» имени С. В. Мараква. Это самый крупный морской заповедник России. Территория закрыта, для посещения требуется специальное разрешение.

Буферная зона доступна всем. Это та часть острова, где местные жители и туристы могут устраивать пикники, собирать дикоросы, рыбачить.

В хозяйственной части расположено село Никольское – единственный населённый пункт Командорских островов, он же – единственная муниципальная единица Алеутского района Камчатского края России. Здесь проживает около 700 человек, половина из них – алеуты.

Культурные традиции коренного народа Аляски и Алеутских островов сохраняются во многом: одежде, музыке, песнях. В танцах, например, отражается командорская природа и её обитатели – в движениях угадывается ленивая грациозность котиков, важность красноклювых топорков и свобода полёта чаек. Местный детский коллектив так и называется – «Унанган» («Чайка»).

С запада остров Беринга омывается Тихим океаном. Здесь прохладное лето и мягкая зима

Ни замков, ни ключей

Кроме коренного населения, в Никольском проживают те, кто приехал за романтикой места, красотами, карьерой, семьёй. На остров приезжают специалисты в области образования, медицины, естественных наук. Они устраиваются на работу в школу, больницу, национальный парк. Село при своей небольшой численности многонациональное: алеуты, русские, дагестанцы, латыши, украинцы. Остаётся не каждый, кого потянуло к океану. Слабые бегут в первый же год, а кто задержался – трудится до пенсии.

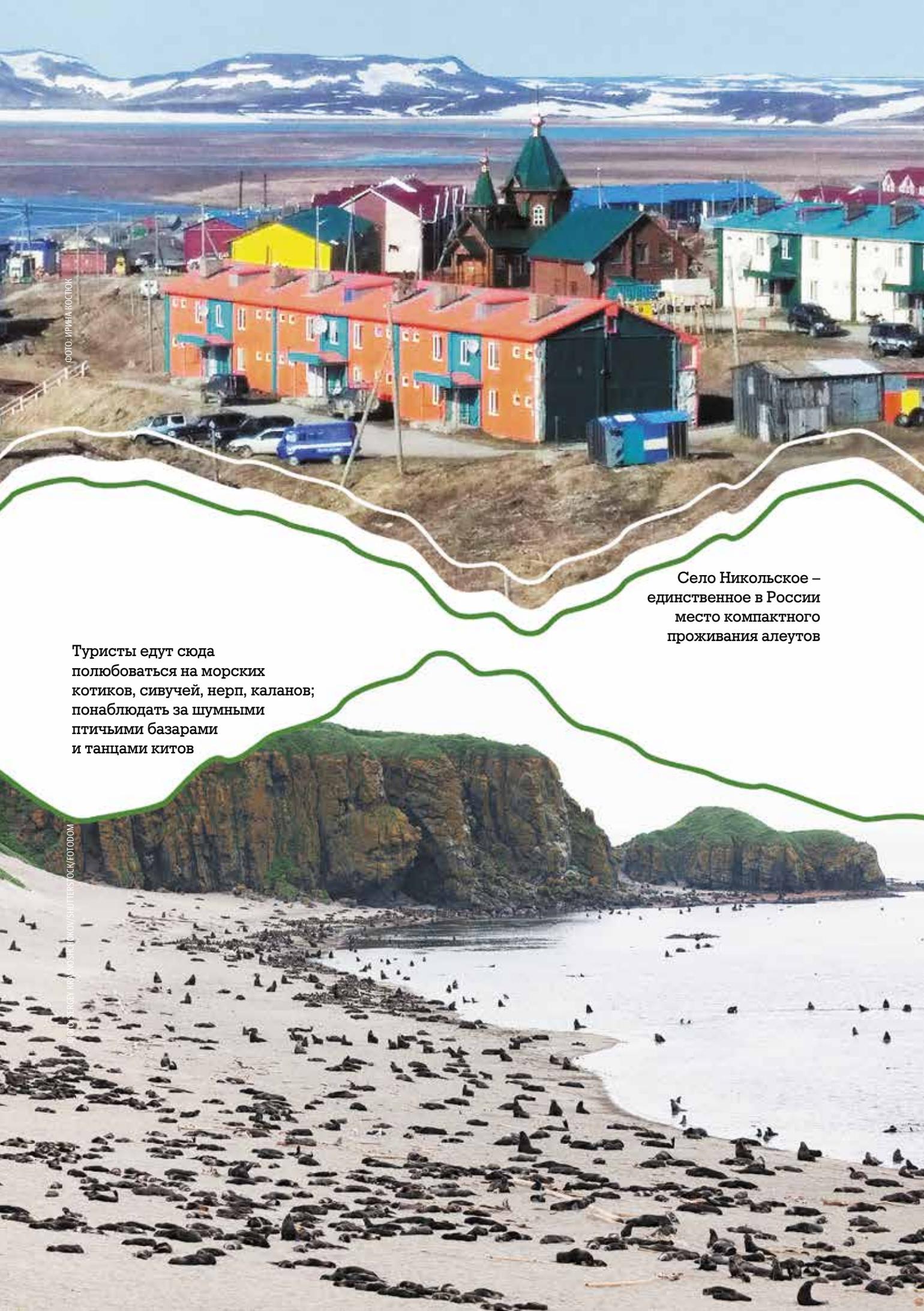

ФОТО: ИРИНА КОСЛОК

Туристы едут сюда полюбоваться на морских котиков, сивучей, нерп, каланов; понаблюдать за шумными птичьими базарами и танцами китов

Село Никольское – единственное в России место компактного проживания алеутов

ФОТО: СЕРГЕЙ КАЧАЛОВСКИЙ/ЭКОУ/ЭКОУ/ЭКОУ/ГОГОБОМ

У сельчан активен общий чат. Переписка в нём – прямое подтверждение человеческой взаимовыручки и поддержки. Если кто-то заболевает, а лекарств в доме не оказалось – пишет в чат. Принесут тут же и лекарства, и продукты.

Отдельная история – дома. Привозить стройматериалы дорого и практически невозможно, потому местные приспособились использовать для строительства морские контейнеры. Вырезают их по метражу квартиры, утепляют. Ставят внутренние стены из гипсокартона, окна, двери. Экстерьер из весёленького сайдинга. На острове частенько бывают ощутимые землетрясения, потому дома для устойчивости на сваях. Двери на ключ не запирают. Зачем? Здесь все друг друга знают. На новичков, пользующихся ключами, смотрят снисходительно, понимая комплексы Большой земли.

На острове нет автобусов, и порой очень скучают новички по толчее в маршрутке, концертам и спектаклям на больших сценах.

Туристы всё чаще стали заглядывать на остров Беринга, хотя непростая логистика многих отпугивает. Помимо красот и особенностей с заброшенными домами первой линии и ржавыми останками судов, обязательен к посещению Алеутский краеведческий музей, открытый в 1965 году. Он расположен в здании, построенном в период деятельности на острове одной американской компании, которая арендовала пушные промыслы, снабжала жителей товарами, строила дома для промысловиков. Долгие годы в помещении располагалась сельская администрация.

По небу или по воде

Добраться до острова можно двумя способами: самолётом или на морском судне. И то и другое не гарантировано по срокам, находясь в сильной зависимости от погоды.

Воздушная «маршрутка» берёт на борт около 19 человек по баснословной цене – до 50 000 рублей в одну сторону. Жителям Камчатки билет обходится в пять раз дешевле. Летит из Петропавловска-Камчатского три часа, с дозаправкой в Усть-Камчатском. И это в идеале, при хорошей погоде. Чаше всего рейсы многократно переносят, откла-

дывают. Океан диктует свои правила. И всё-таки самолётом можно добраться в любое время года. Он же доставляет почту.

Морские перевозки осуществляет грузопассажирское судно. От Авачинской бухты до берега острова Беринга оно идёт почти двое суток. При этом большая вероятность попасть в шторм. Цена билета – до 10 000 рублей. Если с погодой повезёт, то на китов, касаток и прочих обитателей можно насмотреться вдоволь. Судно привозит на остров всё: технику, товары, продукты. Островитяне всегда ждут пароход. Особенно актуально его прибытие перед праздниками. От этого зависит, будут ли на столе фрукты, свежие овощи и молочка.

На острове нет супермаркета с изобилием товаров, когда можно выбирать свежее и лучшее. Бывает, что зимой судно месяца по два не приходит. Тогда стол изобилует только рыбой и икрой без хлеба. Сразу вспоминаются страдания товарища Сухова из «Белого солнца пустыни».

Свои праздники

На Командорах отмечают день села Никольское, день рождения Витуса Беринга и юбилей со дня открытия островов. Так, в праздничных мероприятиях 2021 года участвовали потомки великих мореплавателей и чрезвычайный и полномочный посол Королевства Дания в России. В эти дни здесь был открыт памятник Георгу Вильгельму Стеллеру, немецкому натуралисту, адъютанту Петербургской Академии наук. Он был в команде Беринга в 1741 году, когда экспедиция вынуждена была зимовать на необитаемом острове и строить новое судно. Стеллер наблюдал за флорой и фауной, вёл дневниковые записи. Долгие девять месяцев зимовки Георг Вильгельм не прекращал исследовательскую работу, описав морскую корову, сивуча, морского котика, морскую выдру, очкового баклана, стеллерову гагу, голубого песка. «Оных рисунки учинил», – писал Стеллер. Таким ботаником с лупой в руках и воплощён образ учёного в скульптуре. К слову, в той экспедиции благодаря ему сорок моряков выжили и смогли вернуться в Петропавловск-Камчатский.

Ежегодно на острове отмечают День промысловика и День защиты морских млекопитающих. Казалось бы, противоречивые понятия, но в том и мудрость промысла – думать о будущем и сохранять.

История охраны животных на Командорах уходит своими корнями на полтора столетия назад – к моменту создания вокруг архипелага 30-мильной охраняемой акватории, лежащей ныне в основе национального парка и не раз показавшей свою эффективность в деле сохранения морских природных систем. Здесь замечено 22 вида китообразных! Это абсолютный российский рекорд.

Как исчезла Капустница

Предметом гордости всех естественно-научных музеев являются коллекции минералов и скелеты мамонтов. На Командорских островах кости мамонта тоже встречаются, но интереса не вызывают. Здесь главная палеонтологическая достопримечательность – останки стеллеровой коровы. Животное описано во всех учебниках и пособиях как пример хищнического отношения к природе.

Своё имя млекопитающее получило в честь Стеллера. Он был первым, кто описал невиданное ранее животное – эндемик Командорских островов. Питалось оно ламинарией (морской капустой), за что получила второе имя – Капустница.

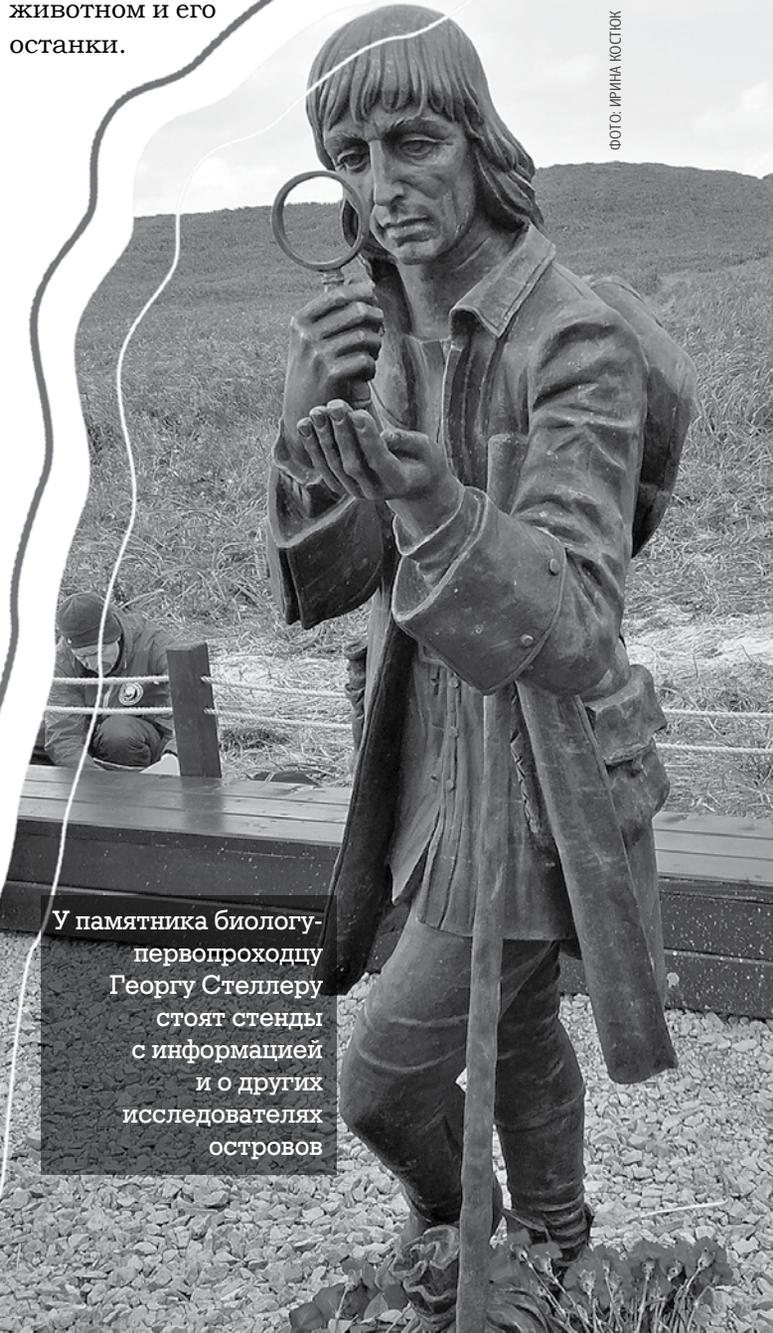
Георг Вильгельм писал: *«Каждый день на протяжении десяти месяцев, что мы провели на злосчастном острове, у меня была возможность прямо с порога моего жилища наблюдать за привычками этих существ»*. Наблюдения Стеллер опубликовал в трактате *De bestiis marinis*. Цитаты из него приведены в книге финской писательницы Ауры Койвисто «Человек и его корова», вышедшей в 2021 году.

«Наконец-то перебои с едой завершились. Размеры порции больше не нужно ограничивать, и люди могут вволю наестся жирного вкусного мяса», – вспоминал учёный. По его словам, мясо животного после долгой варки по вкусу не уступало говядине. Ещё больших похвал удостоился жир – побыв несколько дней на солнце, он из белого становился

жёлтым, *«словно лучшее голландское масло»*. А после варки приобретал вкус миндального масла. Его в буквальном смысле пили кружками – настолько сильно люди нуждались в энергии. Вдобавок маслом, вытопленным из этого жира, можно было заправлять лампы, и они горели ясно и без копоти...

Благодаря такому питанию моряки быстро восстановили силы. Но за лето они убили тринадцать стеллеровых коров – одной хватало всему экипажу на две недели. Кое-что ушло на провиант для обратного плавания.

Через 27 лет после открытия Командорских островов Капустница была полностью истреблена. Теперь большой ценностью для учёных являются любые упоминания об этом животном и его останки.

У памятника биологу-первопроходцу Георгу Стеллеру стоят стенды с информацией и о других исследователях островов

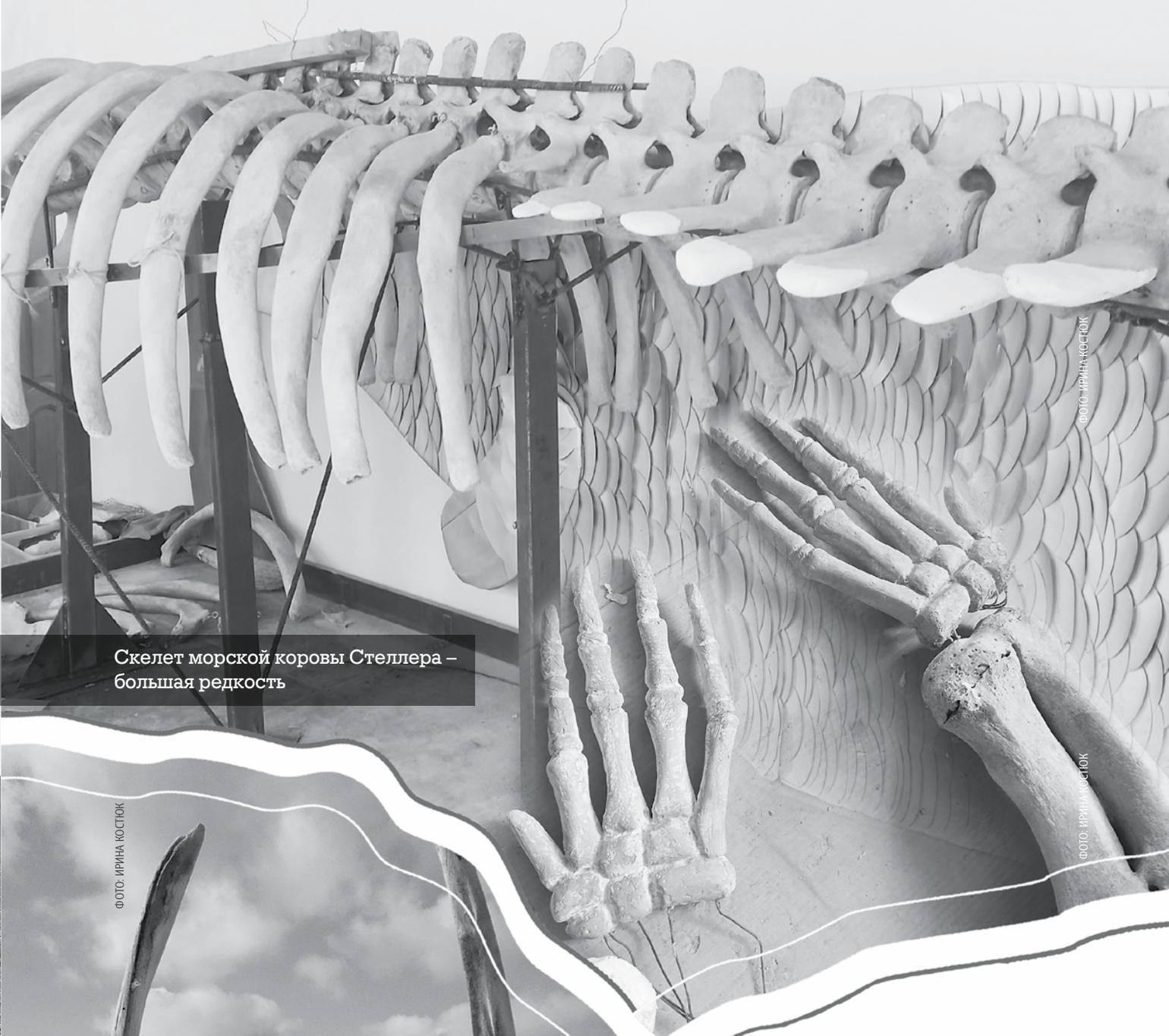

ФОТО: ИРИНА КОСТЮК

ФОТО: ИРИНА КОСТЮК

Скелет морской коровы Стеллера – большая редкость

ФОТО: ИРИНА КОСТЮК

В 2017 году был найден полный скелет морской коровы. Реставрацией занимался художник-таксидермист Юрий Стариков, сотрудник зоомузея при Зоологическом институте Академии наук г. Санкт-Петербург. Для экспозиции, напоминающей о необходимости бережно относиться к природе и животным, в визит-центре национального парка «Командорские острова» выделили целый зал. 🌐

Этот дом в Никольском привлекает внимание всех приезжих. Где ещё прямо на улице можно увидеть позвоночник и рёбра кита?

ЛЕТОМ В ТУНДРЕ

Леонид ЛАПЦУЙ

Летом тундра
Пестреет полярной совой,
Кратковременным солнцем палима,
И возносит цветы
Над мхом, над травой,
И краса её неотразима.

Воздух тундры
Настоян на этих цветах,
И багульник – отрада для взора.
И звенят сотни песен
У неба в устах,
И наполнены синью озёра.

Но беда,
Если ветер опустит крыла:
В дни такие,
Не зная пощады,
Над болотами вновь
Комаров мириады
Повисают, клубясь,
Как зловещая мгла.

Жаждут крови
Оленьей они и людской,
Эти злые летучие твари.
«Ветер, ветер, –
Молю я, –

Забудь свой покой,
Будь порывистым, друг,
Будь в ударе!»

Могут солнце порой
Заслонить комары,
Но пастух,
Не поддавшись испугу,
Дымовые вокруг
Разжигает костры,
Гонит стадо оленей по кругу.

Украшение тундры –
Отвага людей,
Что нужна и зимою,
И в летнюю пору,
Когда в ярких цветах
Предстаёт она взору,
Словно хочет сказать:
– Полюби и владей!

ДЕЛА ДУХОВНЫЕ

ИЛЛЮСТРАЦИЯ: ЛЮБОВЬ БУГУЗОВА

ОТКРОВЕНИЯ ФРОНТОВОГО СВЯЩЕННИКА

Иван БЫЧКОВ

г. Тюмень

Мы все вспоминаем о Боге, стоя у последней черты, и лишь в нём черпаем силы, когда свои уже иссякли. Оттого в окопах не бывает атеистов, оттого священнослужители на передовой так важны и ожидаемы. Отчаявшись в тяжёлых боях солдатам они заменяют наставников, психологов, старших братьев и отцов.

Военные священники – это удивительная в своей Вере и Правде часть Русской православной церкви, во все времена встававшая под одни знамёна с защитниками Отечества. Пути Господни неисповедимы, и дорога каждого православного священника в солдатские окопы своя.

Путь к окопам и солдатским сердцам

Священнослужитель надымского храма в честь Святителя Николая Чудотворца иерей Андрей Калугин, как и подобает православному священнику, к вооружённым конфликтам относится крайне негативно.

– Любое кровопролитие – это результат грехопадения человека. И вне зависимости от степени нашей исторической правоты мы, священники, обязаны избегать любых крайних мер, ведь речь идёт о человеческой жизни!

И всё же северные батальоны «Кедр», «Ямал» и «Росомаха» отец Андрей начал окормлять ещё на стадии их формирования:

– Им сегодня очень нужна моя помощь, – говорит батюшка. – И хотя раньше мне не приходилось бегать под пулями, жизнь и долг заставили.

Частые поездки на линию боевого соприкосновения, огромный опыт общения с бойцами, командирами, ранеными военнослужащими и мирным населением сформировали у отца Андрея своё мировоззрение,

особый взгляд на происходящие события и их участников.

– Я чувствую, что сам меняюсь с каждой поездкой туда, – признаётся наш собеседник. – И меняются люди, наши ребята, которых я там встречаю.

Андрей Калугин родился в далёком посёлке Темиртау Кемеровской области в семье глубоко верующих людей. Дед был старостой местного прихода, построил пять церквей. Маленький Андрей вырос при храме, поэтому решение стать священнослужителем назрело само собой. После школы поступил в Тобольскую духовную семинарию, а после её окончания отправился на Ямал. Служил в Салехарде и Лабытнанги, затем перебрался в Надым.

– В каждом городе есть свои нюансы, – делится впечатлениями отец Андрей. – Салехард и Лабытнанги патриархальные, спокойные города, и народ там преимущественно предпочитает размеренную жизнь. А Надым – это «Газпром», и люди здесь всегда занятые, спешащие. Среди прихожан много молодёжи.

Бывает, что и батюшке приходится подключаться к решению мирских проблем, тем более что опыт у него богатейший – более десяти лет окормлял места лишения свободы в Лабытнанги и Харпе, многие годы состоит в Общественном совете полиции, так что с жизненными коллизиями и проблемами хорошо знаком.

А ещё все двадцать лет службы отец Андрей занимается миссионерством; объехал

необъятный Ямал от стойбищ на побережье Карского моря до национальных посёлков на обском берегу у границ Югры. В XVIII и XIX веках здесь велась большая духовно-просветительская работа, многие кочевники охотно крестились, постигали основы христианской веры. С приходом к власти большевиков религия подверглась жестоким гонениям. Первый удар пришёлся по православию, затем власти взялись за искоренение шаманизма. Не удивительно, что сейчас духовное возрождение отдалённых северных территорий сопровождается причудливым синтезом христианских канонов и языческих традиций. По сути, общество вернулось к исходной точке духовного развития, когда арктическая цивилизация переживала первый, ещё до-революционный этап становления, сопровождавшийся взаимопроникновением культур.

– Это очень трудная и интересная работа – возвращать в православную веру потомков крещёных народов. По сути, мы возрожда-

ем ранее посеянное семя и радуемся добрым всходам. В национальных поселениях появилось много храмов. Священнослужители объезжают паству на лодках, снегоходах, оленьих упряжках, – рассказывает о миссионерских буднях батюшка. Сам он только за прошлый год совершил 26 миссионерских поездок. А ведь заботами церкви живут ещё трассовые посёлки, в которых тоже ведётся большая просветительская работа.

Ещё отец Андрей много лет занимается патриотическим воспитанием подрастающего поколения и, хотя сам в армии не служил, решение старшего сына поступать в военное училище поддержал. Более того:

– Я ему сказал: сначала нужно получить высшее образование, а уже потом, если Бог даст и будет желание, можешь стать священнослужителем. Защита Родины – благое дело.

А сам собрался и поехал на СВО...

Главное, чтобы душа не зачерствела

– Первая моя поездка состоялась ещё осенью 2022 года, – рассказывает батюшка. – Я поехал в Тюмень, где проходили военные слаживания северные батальоны. Мы решили, что наших ребят должны посещать именно ямальские священнослужители. Я провёл с ними две с половиной недели и убедился в стремлении бойцов к духовной жизни.

Как оказалось, не меньшую потребность мобилизованные испытывали в психологической поддержке. А кто лучше батюшки подойдёт на эту роль?

– На прощание я пообещал ребятам, что, если Господь даст, обязательно приеду к ним на поле брани. Впервые такая возможность представилась мне в мае 2023 года.

С тех пор отец Андрей уже четырежды выезжал «за ленточку», с каждым разом всё сильнее убеждаясь в своей востребованности. Отважных священников, готовых идти к своей пастве на передовую, «поделали» на госпитальных и батальонных. Деление это абсолютно условное, лишь определяющее первоочередные задачи. Например, священнослужитель Андрей Калугин за месяц успеет посетить все воинские части, до которых можно добраться, но...

Священник Андрей Калугин много внимания уделяет патриотическому воспитанию подрастающего поколения

– Главная моя задача – окормление двадцати госпиталей, некоторые из которых расположены на линии боевого соприкосновения, на передке, – поясняет собеседник. – По сути, маршрут моих поездок охватывает всю Луганскую Народную Республику. Бойцы приходят на службы охотно, пастырской работы там – непочатый край.

В прошлую поездку за месяц отца Андрея посетили две тысячи бойцов. Половина из них уже опытные верующие, а половина – ребята, которые ещё только учатся правильно креститься и участвовать в церковных таинствах. И вопросы у них – как покаяться, какие молитвы читать. Ведь священники не только крестят, исповедуют и причащают, они объясняют самое главное – что и у смертной черты важно остаться человеком, не озлобиться, не зачерстветь и сохранить в себе дух мира. Это сложно, ох как сложно!

– Чем дальше идёт спецоперация, тем больше вопросов ребята задают, – признаётся батюшка. – Если первое время мы говорили о льготах и выплатах, во второй раз ребят тяготила разлука с семьёй, то теперь вопросы чаще о духовном. Чем дальше длится СВО, тем больше бойцы задумываются о душе.

Когда снаряды рядом рвутся, не до речей. Здесь нужны самые простые слова: «Господи, помилуй!» Это нужно для того, чтобы успокоиться, собраться...

– Ведь очень страшно, – признаётся отец Андрей. – Я сам был под обстрелами, попал под перекрёстный огонь. Когда работал в госпитале, под окнами были прилёты – враг насыпал из минометов. Первые разы вздрагиваешь, а потом это становится обыденным. В пяти метрах танки работают – внимания не обращаешь.

Батюшку там уже знают и ждут, ведь военных священников на Донбассе не много. Например, на рождественские праздники он остался один на всю Луганщину! Сейчас количество приезжающих священнослужителей увеличилось, но ещё недостаточно.

– А мы там очень нужны, ведь и в Великую Отечественную священнослужители были на фронте. Меня с детства воспитывал священник, который всю войну прошёл. Я слушал его рассказы и был готов к такому служению.

На освобождённых землях в целях собственной безопасности фронтовые священники придерживаются определённых правил. К примеру, стараются поменьше контактировать с местным населением, среди которого встречаются и ждуны, и провокаторы, и даже диверсанты, для которых убийство русского попа – лишняя гривна в кармане. С местным клиром тоже стараются ограничить общение – но это уже в целях безопасности местных священнослужителей, которые могут пострадать за связь с россиянами. На Украине уже много лет продолжаются нападки на каноническую Церковь, порою перерастающие в избиения и убийства.

Скорая духовно-психологическая помощь

– Был такой случай: подошёл ко мне человек и признался, что «превращается в зверя», – рассказывает отец Андрей. – Когда первый раз убиваешь врага в бою, тяжело это переживаешь, плохо становится, руки трясутся. Но чем дальше, тем обыденнее всё становится. Человек превращается в машину. Ребят это очень пугает.

Те, кто понимает причины и последствия психологической трансформации, обращаются к батюшке, ведь спасение души – в Боге. Священнослужитель должен научить правильно разговаривать со Всевышним, ведь неверно заданный вопрос даёт неправильный ответ.

– Мы не можем быть всё время рядом с бойцами. Многим из них приходится укреплять свой дух в абсолютном одиночестве. В бою скорая духовно-психологическая помощь так же важна, как навыки тактической медицины. Воин должен уметь самостоятельно перетянуть рану и собрать волю в кулак. Поэтому при любой возможности я учу паству не только тому, как правильно молиться, но и как в полевых условиях, госпиталях, правильно покрестить своего товарища. Там ведь всякое бывает... Я и за собой чувствую изменения, – признаётся

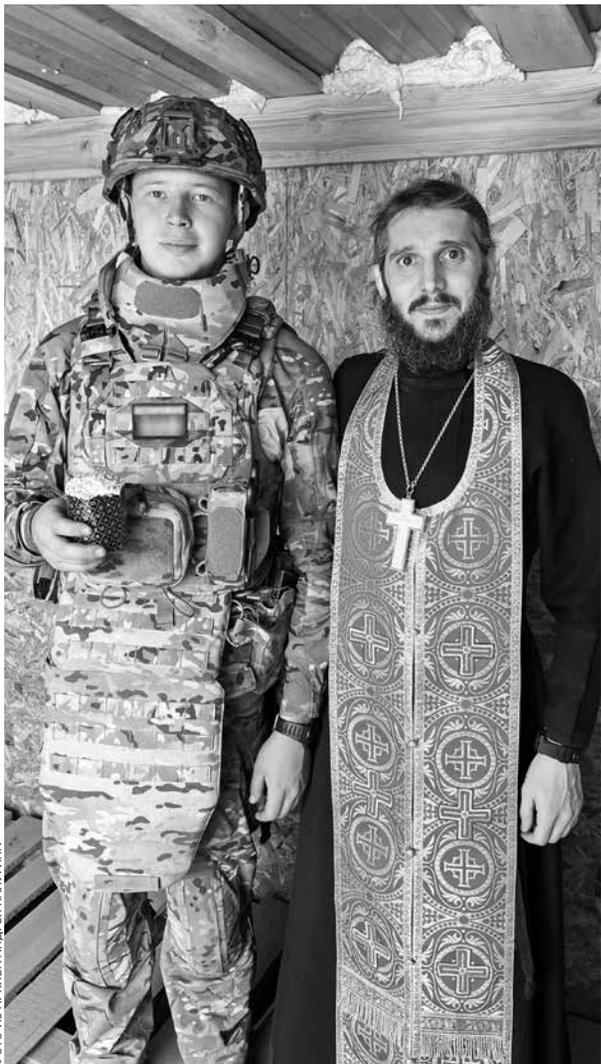

ФОТО ИЗ АРХИВА АНДРЕЯ КАЛУГИНА

В прошлую поездку с отцом Андреем пообщались две тысячи бойцов

батюшка, – они двоякие. Сначала ты полон оптимизма, потом настаёт время уныния от вида раненых, стонущих от боли ребят. Ты встаёшь на их место и чувствуешь эту боль... Идёт наступление, и ты тоже переживаешь, вливаешься в масштабные события, видишь себя на поле боя. Тогда начинаешь верить, что даже слово может повлиять на исход сражения, изменить его. Ведь правильно напутствуя, ободряя солдат перед боем, священник повышает их морально-психологические качества, а значит, и увеличивает шанс на победу.

По словам нашего собеседника, порой это бывает очень-очень сложно, особенно когда штурмовики идут на невыполнимую задачу, практически в один конец. Но сильные духом берут неприступные крепости.

– Так получилось, что в предыдущей поездке около 90 процентов моей паствы были штурмовиками, – вспоминает батюшка. – Конечно, они несут потери и знают, что каждый очередной выход может стать последним. А встреча со мной – это возможность в чём-то раскаяться напоследок. Ведь среди них хватает и бывших заключённых, искренне желающих искупить свою вину, доказать себе и другим, что они изменились, стали лучше. Ничто иное не может заставить человека добровольно идти на смерть. Ради сокращения лагерного срока подвиги не совершают. Я встречал их уже здесь, в мирной жизни. Это герои.

«Для панихиды берём и позывные»

– Когда бойцов чему-то учишь, и сам у них какого-то опыта набираешься. В первую очередь учишься у них искренности, – признаётся батюшка. – На фронте нет лжи, там всё видно. Если здесь можно перекреститься на бегу, даже не задумавшись о Боге, то там к Всевышнему обращаются сосредоточенно, прямо. Ребята просят у Бога не деньги и хорошую машину, а то, что действительно важно в жизни.

Приходилось иерею Андрею Калугину проводить и групповые молебны, но не такие, как показано в некоторых роликах, где целые батальоны молятся перед боем. Столь массовые мероприятия вблизи передовой немислимы – опасно. Неспроста священнослужители последнее время стараются «уйти под землю» как ранние христиане – организуют походные храмы и молебные комнаты в блиндажах и подвалах. Дроны, дроны...

– Самый многолюдный из моих фронтовых молебнов собрал 120 человек, сотня из которых тут же крестилась, – признаётся отец Андрей. – Всё же единение и духовная общность сплачивают. За «ленточкой» это особенно важно. Кроме того, групповые молебны вдохновляют бойцов, это действительно так. Часто проводим панихиды: ребята просят помолиться за погибших товарищей, хотя порою даже имен их не знают, только позывные. Ничего, берем и позывные, Господь разберётся...

У каждого солдата есть своя история о произошедшем с ним чуде. Наверное, потому что жизнь под шквалом мин и пуль – уже само по себе чудо.

Один боец рассказывал, что ему с товарищем нужно было проскочить небольшое пространство, простреливаемое из вражеского дзота. Все, кто раньше пытался, погибли. А эти собрались, прочли молитву и пошли. И как будто пелена опустилась: они идут – а вокруг тишина... Другой поведал, что на минном поле молились: после этого появились маленькие огоньки, по которым они и вышли...

Ещё один солдат пять суток провёл в поле с одной конфеткой. Рассказывал: пососу её, помолюсь и усну. Всё это время по его сектору били миномёты, но не попадали. Только через пять суток парень пополз, в ночной темноте натываясь на кресты, – оказалось, что попал на деревенское кладбище. Взмолился Божьей Матери и услышал голос – пополз на него и оказался у своих, которые бойца уже «похоронили».

– Многие подтверждают, что молитвы помогают от обстрелов, особенно Божьей Матери, – говорит отец Андрей, – ведь Ей и в

Великую Отечественную большинство солдат молилось.

На передовой ведь как: кто-то из бойцов помолился святому – помогло, рассказал остальным, и начинается «мода» на иконку Казанской или Владимирской Богоматери. Кому-то Матрона или Николай Чудотворец помогли – и другие начинают им молиться. Отец Андрей привозит на линию соприкосновения тысячами иконки, крестики, пояпочки «Живой помощи» – ничего не остаётся, всё разбирают...

Не братоубийственная бойня, а борьба за Веру

– Я часто спрашиваю ребят, зачем они пошли на СВО, и если раньше слышал стандартные ответы: защищать семью, Родину, то сейчас, что удивительно, они начинают рассказывать о семейных ценностях, о Вере, – говорит отец Андрей. – Ребята понимают, что воюют не с украинцами, а с самим злом.

Да, солдаты на передовой внимательно следят за событиями, происходящими с той стороны линии боевого соприкосновения,

ФОТО: ИВАН БЫЧКОВ

ДЕЛА ДУХОВНЫЕ | НАШЕ ДЕЛО ПРАВОЕ!

и всё сильнее утверждаются в собственной правоте. Избиение монахов Киево-Печорской лавры и игра в настольный футбол святыми мощами возмутили представителей всех конфессий в рядах российской армии.

– Ребята говорят: мы дойдём, чтобы защитить наши святыни. Я сам порою удивляюсь: что должно было произойти в сознании человека, чтобы начать рассуждать о таких вещах, – восхищается батюшка. – А эти ребята понимают лучше нас, потому что мы на происходящие события смотрим издали взглядом обывателя, а там всё воспринимается напрямую душой, сердцем и собственной кровью.

– Оказавшись там, я изменил свое мировоззрение и взгляд на происходящие события. Ведь там идет не только убийство наших братьев, там идет гонение на Церковь! Это очень важно! Если ребята берут в плен бойца с той стороны, а он ненавистью пышет, это их только укрепляет в осознании необходимости доведения СВО до логического завершения.

Конечно, на той стороне есть много таких, кто прославляет Гитлера и люто ненавидит

русских, после чего их трудно считать братьями. И об этом батюшка тоже говорит с нашими бойцами, но...

– Но мы говорим и о том, что на той стороне много вообще безыдейных, насильно отправленных на убой, – поясняет отец Андрей. – Поэтому я говорю ребятам: если вы видите старичка или мальчишку молодого, которые тянут руки вверх, попытайтесь сохранить им жизнь. Попробуйте... Тогда и вы останетесь человеком.

Конечно, это очень сложный вопрос, и как бы мы над ним не размышляли, ответа не получим. И всё же...

– Меняется ли что-то во мне после каждой поездки? Да, меняется, и очень сильно, – признаётся наш земляк иерей Андрей Калугин. – Меняются убеждения и отношение к вооруженному противостоянию как к явлению. Но то, что происходит в Новороссии, – необходимая мера, и нужно идти до конца. Всё равно мы будем считать украинцев братьями. Главное, в каждом враге нужно видеть человека. Оступившегося, но человека...

«Любите врагов ваших»

Евангелие от Матфея, глава 5, стих 44

Андрей Калугин: «Им сегодня очень нужна моя помощь. И хотя раньше мне не приходилось бегать под пулями, жизнь и долг заставили»

В БОЮ АТЕИСТОВ НЕ БЫВАЕТ

Владимир ЗАВОДОВСКИЙ

г. Заводоуковск, Тюменская область

Решение поехать к землякам-мусульманам, принимающим участие в специальной военной операции, у имама надымской мечети Исмагил-хазрата созрело сразу после начала СВО: «Во-первых, чтобы поддержать ребят, во-вторых, показать, что мы едины. Мусульмане Ямала так же, как наши бабушки и дедушки во время Великой Отечественной войны, сегодня вместе со своей страной».

Молодой Исмагил свою жизненную дорогу искал недолго. Бабушка с дедушкой, глубоко верующие люди, с детства приучали внука к вере, и после школы он поступил в Октябрьское медресе «Нуруль Ислам». После учёбы начал служение в мечети татарстанской деревушки Тумбарла. И уже оттуда в 2006 году вполне опытным священнослужителем приехал в северный город Надым, где за два года до этого построили мечеть.

В Надым многие приезжают в поисках лучшей доли, а о духовном задумываются лишь в преклонном возрасте, когда приходит пора возвращаться на Большую землю. Такова специфика северных городов.

– И всё же люди в Татарстане и на Крайнем Севере ничем друг от друга не отличаются, – уверен Исмагил-хазрат. – Есть верующие и есть неверующие. Чтобы быть верующим, нужны убеждения. Человек сам должен прийти к вере. Мы ведь не заставляем, а убеждаем и объясняем.

Имам учит и наставляет на путь истинный – в этом его задача. Конечно, в 1990-х и в начале нулевых годов было трудно – после семидесяти лет гонений на веру. Но справились. Спасибо предкам, сохранившим в душе ислам, а вместе с ним и сам народ, говорит собеседник, ведь это основа национальной культуры и традиций. Народы, отказавшиеся от веры предков, исчезли или растворились в других нациях, свою веру сохранивших.

– Когда приехал, народу мало в мечеть ходило, – вспоминает имам. – А сей-

ФОТО ИЗ АРХИВА ИСМАГИЛА ХАЗРАТА

Исмагил-хазрат почти двадцать лет живёт в Надyme. За эти годы количество прихожан мечети увеличилось

час мест не хватает на пятничной молитве. Молодёжи много. Сегодня своих детей приводят те, что пятнадцать лет назад мальчишками в мечеть ходили. Семьями приходят.

Исмагил-хазрат очень рад этому.

«Всегда рады ямальскому»

– В зону СВО я съездил уже четыре раза, – говорит имам. – Там часть моих прихожан, о которых я обязан помнить. Бываю в «Кедре», «Ямале», у сапёров и танкистов, в других под-

ФОТО ИЗ АРХИВА ИСМАГИЛА ГАЗИЗОВА

Посылки для бойцов собирали всем городом

разделениях, где служат ямальцы. Мы не можем только «своих» посетить, а мимо других проехать. Сегодня ямальцы по всему фронту. Надымчане, уренгойцы, губкинцы... Стараюсь сначала попасть в Мариуполь, потом отправляюсь в сторону Мелитополя, оттуда в Волноваху и в Донецк, где служат ребята из «Росомахи». Из Донецка еду домой.

Получается большой круг вдоль всей линии боевого соприкосновения.

А ведь первый раз поехали наугад, не зная дороги и обстановки, без уверенности, доедут ли и смогут ли вернуться обратно. Но Всевышний сберёт в пути.

– Ребята очень рады и всегда с нетерпением ждут нашего приезда, – признаётся имам. – Стараемся лично развезти все посылки. Уже если проехал пять тысяч километров, то лишняя сотня по Донбассу не помеха. Правда, самих парней не всегда удаётся застать на ме-

сте, они много времени проводят на передке. Нас туда не пускают – опасно.

Бог говорит: «Оберегай себя, а я оберегу тебя». Вот только не всегда эту заповедь удаётся исполнять. В Донецке до сих пор тяжело, хотя наши войска и оттесняют вражескую артиллерию дальше от города. В стороне Херсона и Запорожья тоже местами «шумно».

– Но, если ты едешь, должен понимать, что везёшь помощь, которую ждут, – объясняет Исмагил-хазрат. – Иногда ребята говорят: «Зачем приехали в такую даль, передали бы с кем-нибудь!» Но мы ведь не просто приехали, мы хотим повидаться с ними, узнать, как дела, спросить, в чём нуждаются. У них сейчас вещевое и продовольственное снабжение отменное, но, если привезёшь что-нибудь ямальское, очень рады. Потом, оказывается, нужны дизель-электростанции,

потому что электричества часто не бывает. Сбросимся с прихожанами, купим...

С каждой поездкой ребят, ждущих надымского имама на передовой, становится больше. Ямальцев даже не нужно искать – они сами находят Исмагил-хазрата, бывая в отпуске, пишут ему в Телеграм, передают приглашения и просьбы через знакомых бойцов. Так список подразделений, которые необходимо обязательно посетить за короткую поездку, становится всё длиннее. А времени не хватает.

– В следующий раз, если муфтият благословит и Министерство обороны даст разрешение, хочу поехать на два-три месяца, – говорит Исмагил-хазрат. – Сейчас собираем необходимый груз. Но главное – своим приездом мы поддерживаем ребят, поднимаем их дух, показываем, что мы вместе с ними, переживаем за них.

По дороге закупили краску, кисти и другое необходимое оборудование для обновления памятников Волновахского района, посвящённых Великой Отечественной войне

Души у всех человеческие

В мечети идёт постоянный сбор средств в помощь бойцам. В Великую Отечественную войну в тылу активно собирали деньги на строительство боевой техники. Мусульмане Ямала продолжают эту традицию. Их очередной вклад – УАЗик, перегнанный своими силами к линии боевого соприкосновения.

– Это же не просто приехал, выгрузил гуманитарку – и обратно. Я стараюсь побыть с ребятами, пообщаться, что очень-очень важно!

Имам рассуждает: приезжаешь в расположение, а ребята только вышли с передка, где провели 12 суток. Возвращались оттуда несколько километров пешком в сумерках. В ночь предстоит идти на штурм вражеского укрепления. О чём в эту минуту можно говорить с бойцом, как заинтересовать, чем тронуть уставшую душу? Ох, как трудно бывает начать разговор.

– Просто сидишь и смотришь на них молча, – говорит имам. – И они молчат. Потом начинают понемногу разговариваться: вспоминают родные улицы, город, дороги. Конечно, молитвы читаем вместе, но это потом. А пока шутку за шуткой. Один чуть-чуть улыбнулся, другой. Пока поговоришь одного, он уже встал и на выход – на пост или по своим солдатским делам. Вместо него другой зашёл.

Ребята в блиндаже постоянно меняются. И даже неважно, кто ты – мусульманин, православный или буддист. Души у всех одинаковые, человеческие.

– Когда смотришь в глаза ребят, слёзы наворачиваются, – признаётся Исмагил-хазрат. – Потом очень долго и тяжело переживаешь эти встречи.

Иногда боль бывает невыносимая. Только вчера сидели с ребятами, общались, шутили, молитву на прощание вместе прочитали, а сегодня тебе пишут: во время штурма один «двухсотый» и один «трёхсотый»... И этот погибший парень перед глазами как живой стоит – вот с ним разговаривали, шутили.

– Это невозможно словами передать.

Мусульмане и христиане – братья

– За время моих поездок в зону СВО бойцы, с которыми я общаюсь, сильно изменились, – говорит собеседник. – На передовой – хоть там и не ведётся постоянная религиозная работа, атеистов не бывает. Каждый военнослужащий осознаёт, что в любой момент может умереть, и старается верить в лучшее. В итоге у него меняется менталитет, мировоззрение и жизненные приоритеты. Соответственно меняются и темы наших бесед. То, о чём доводится поговорить с новичком и бывалым воином, – совершенно разные вещи.

Но главное, там все – и мусульмане, и христиане – братья. Они вместе идут в бой и прикрывают друг другу спины. Без этого на передке нельзя.

Ребята всегда очень ждут священнослужителей. Любых. Все нуждаются в душевных беседах – в терапии человеческого тепла и понимания, иначе наступает духовное выгорание и апатия. Души людские не бездонные.

– Человек духовный, с нравственным стержнем внутри начинает верить в Бога, даже если раньше об этом не задумывался. А верующий ещё сильнее укрепляется в своей вере, – объясняет Исмагил-хазрат. – Люди в таких экстремальных обстоятельствах взрослеют душой. И я меняюсь вместе с ними.

По словам собеседника, с каждой поездкой на фронт его убеждённости в праведности СВО только крепнет. Хотя священнослужитель и должен в первую очередь думать о мире и согласии...

Когда долгое время проводишь с ребятами, они оттаивают, расслабляются и начинают рассказывать фронтовые истории о себе, о товарищах, о службе и о том, что там творилось до их прихода.

– Один парень из Донецка сопровождал нас в дороге и потом спросил разрешения зайти в мечеть, – вспоминает Исмагил-хазрат. – Сам он православный, но ему интересно стало, как в мечети всё устроено. Потом рассказал, что был в плену у «азовцев». Как они над ним издевались. Всего переломали. Он уже не надеялся живым остаться. А потом добавил: «Раз я выжил, значит Бог есть!» 🌍

ФОТО ИЗ АРХИВА ИСМАГИЛА ГАЗИЗОВА

ЛИТЕРАТУРНАЯ СТРАНИЦА

ИЛЛЮСТРАЦИЯ: ЛЮБОВЬ БУТУЗОВА

АСХАТ ИЗ ЕШАИРА

Вячеслав СОФРОНОВ,

профессор, доктор исторических наук, член Союза писателей РФ

г. Тобольск

Кто кого выбирает – судьба человека или человек судьбу? И если кому-то уготовано быть её творцом, а не баловнем, это ведь тоже чей-то выбор – свыше? В качестве примера того, как Провидение играет с человеком (или человек с ним заигрывается?), расскажу историю Асхата из Ешаира – одного из самых удивительных моих знакомцев. Судьба уверенно вложила ему в руку хвост Жар-птицы, одарила талантом, прозорливостью и отправила по жизни в предначертанный путь. В какой момент и зачем он с него свернул? И была ли на то его воля?

Казалось бы, по всем статьям Асхат, как и все его односельчане, должен был стать рядовым колхозником – сеять, пахать, собирать урожай. А ещё он должен был непременно жениться и нарожать детей – мал мала меньше – и жить счастливо, как и прочие таёжники. Но с ним всё было не так, не как у людей. Хотя, почему не так? Тихая людская слава и уважение жили подле него. Вся округа знала: Асхат – собиратель и хранитель древних татарских легенд.

Зачем палатка в доме?

Асхат говорил мне, что дар его, а это именно дар, привнесённый откуда-то сверху от древних и никем не виданных сил тихого и работающего народа, получен по линии деда, слывшего колдуном и целителем. Поди сейчас разберись, где правда, а где вымысел: ходил ли его дед по воде в специальных сандалиях; забирал ли прямо из суда уже осуждённых за известные «три колоска» малолетних ребятшек; сам ли предсказал себе смерть от копыя недруга, или уже потом, через много лет, народ сочинил всё, что с ним происходило?

Рассказывали мне о том с неохотой, полущёпотом, словно до сих пор боялись, что привлекут их за всё сказанное к какому-нибудь следствию или начнут презрительно крутить пальцем у виска. Да и кто я для них? Заезжий бородатый чудак, который зачем-то вопрошит то, что давно быльём поросло. А вдруг возьму да и посмеюсь над сокровенным, что

даже в самой деревеньке, называемой Ешаир, далеко не каждому знать дано?

Ешаир этот находится глубоко в лесах между Омском и Тобольском, забрести туда может далеко не каждый, потому как взять там нечего и никаких чудес давно не наблюдалось. Так, обычная лесная деревушка, затерянная между брусничных и клюквенных болот, с тихой речкой, текущей вдоль околицы, и название её, если дословно переводить, звучит как «лесные люди».

Вот там Асхат и родился, учился в школе, сходил, как положено, в армию и обосновался в родительском доме. Только вот, зайдя к нему в гости, я несказанно удивился – жильём в доме не пахнет: в сенях ни полена, на огороде вместо картошки метровый бурьян, а рядом с кроватью стоит поставленная на пустые пивные ящики рваная палатка.

– Зачем палатка? – спрашиваю.

– Комары больно кусаются, – отвечает с улыбкой, – спать не получается.

Глянул на окна, а они где фанерой забиты, где подушками заткнуты. Всё понятно – нет в доме хозяина. Дом есть, а хозяин отдельно живёт.

И точно, как он сам признался, дома бывает редко. Всё ездит по соседним деревням, разговаривает со стариками, выспрашивает у них, как раньше жили. За разговорами обязательно всплывают легенды: о кузнеце-богатыре, который взялся с нечистым бороться, или о таинственном холме, где оборону держали вольные девушки, сбежавшие от жестокого хана, забравшего их в свой гарем.

ИЛЛЮСТРАЦИЯ: ОЛЬГА ЛАМНО

Напитавшись былинным духом, Асхат ехал на то место, где всё описанное случилось, и уже там обдумывал и представлял с привязкой к местности. При этом он никаких записей не вёл, да и вряд ли смог бы – писал он с большими, мягко говоря, ошибками. Зато неплохо укладывал всю информацию в памяти – будто знал, что явится кто-то, кому можно её передать, а потом – раз, и на бумаге увидеть. Вот тем человеком и выпало быть мне. После долгих бесед я облёк всё собранное Асхатом в литературный формат и опубликовал в одном из изданий. Неизбежность? Или каждый творец своей судьбы?

«Звал, однако...»

Как бы там ни было – случилось так, и слава Богу! Уговорил Асхата ехать в Тобольск, там как раз открылся центр татарской культуры, куда его по моим настойчивым просьбам приняли на ставку собирателя легенд. Не знаю, есть ли где ещё такая должность, но Асхат состоял при ней долгие годы. Может, и сейчас был бы работником того центра, если бы вдруг не обнаружил в себе другой дар – исцелять людей.

В Тобольске Асхат поселился сперва у кого-то из знакомых в пустовавшей квартире, потом ему подарили насыпной домик близ Иртыша в районе, называемом ЦРМ.

Как-то, заглянув ко мне в гости, он проговорился, что лечит людей от разных напастей старинным дедовским методом – с помощью солнца. Мне и до этого приходилось сталкиваться со всякими знахарями, ясно-видцами, травниками и прочими, поэтому рассказы его встретил скептически, даже предложил продемонстрировать целительство на мне прямо сейчас. Асхат согласился, но предупредил, что месяц не вошёл в нужную силу и результата он не гарантирует. Я чего-то подобного и ожидал, но сел на стул и терпеливо выдержал все его манипуляции.

Асхат направил левую руку с растопыренными пальцами в сторону окна, другой стал делать пасы над моей головой. У меня тогда действительно болела голова. Через каких-то двадцать минут всяческое недомогание отступило. Я вынужден был признать, что его лечение помогло. Но недоверие, как у всякого здравомыслящего человека, осталось. Уж чересчур легко всё произошло, и, как известно, любой результат необходимо подтвердить, причём не один раз.

Проговорился о способностях Асхата кому-то из друзей. Они тут же пожелали проверить это на себе. С тех пор череда желающих возросла до десятков человек. Мало того, некоторые из высокопоставленных местных начальников узнали об этом феномене и на-

чали под разными предлогами зазывать его к себе: лечить жену, тещу, себя. Мне находиться при этих сеансах было как-то неловко, да и времени жалко. Так что на какое-то время потерял Асхата из вида, и он зажил собственной жизнью. Не знаю, как у него шло собирание легенд, но время от времени он ездил в отдалённые татарские поселения.

Как-то меня посреди лета прихватила жестокая простуда с высокой температурой и невыносимой головной болью. Врач прописал таблетки и был таков. Я попросил супругу, чтобы по телефону разыскала Асхата,

надеясь на его помощь. Но в центре культуры его не оказалось, а секретарь заявил, что он уехал в очередную командировку и, когда вернётся, ей неизвестно. Ночь я провёл без сна, температура не спадала.

Каково же было моё удивление, когда в семь утра раздался осторожный стук в дверь. Открыл – на пороге Асхат. Спросил у него, откуда узнал о моём недомогании, кто сообщил. Он робко пожал плечами и односложно ответил:

– Звал, однако. Вот я и приехал с Карагая...

А это где-то 170 км от города! Как же он услышал? В голове не укладывалось... Асхат быстро поставил меня на ноги и опять исчез надолго.

Переделался в малиновый пиджак

Как-то встретил его в магазине и спросил, где найти в случае крайней надобности. Но он не помнил свой адрес, сказал лишь, что домик его возле Иртыша – если захочу, то обязательно найду. Вот и весь ответ.

Через какое-то время решил его разыскать. Была ранняя весна. Со своими малолетними детьми я спустился на машине в подгорную часть и проехал в район ЦРМ. Оставил там машину и начал спрашивать у прохожих адрес Асхата – надеялся, кто-нибудь из местных жителей подскажет. Увы, никто даже не слышал о нём.

Походив безрезультатно по какой-то тупиковой улице, остановился передохнуть, прислонившись к ветхому палисаднику. Вдруг слышу сзади голос:

– Пришёл, так чего не заходишь? Ждал тебя...

Оглянулся. Асхат прямо позади меня выглядывает в небольшую форточку и загадочно улыбается.

– Я же говорил, что найдёшь. Заходи давай!

За прошедшие год или два городской жизни Асхат преобразился. В нём трудно было узнать того скромного сельского жителя, который поначалу и не знал, в какую дверь в

ИЛЛЮСТРАЦИЯ: ОЛЬГА ЛАМДГО

ИЛЛЮСТРАЦИЯ: ОЛЬГА ПАМЛО

ИЛЛЮСТРАЦИЯ: ОЛЬГА ЛАМЛО

автобусе заходить. Первое, что он сделал на подношения излеченных им людей, – приобрёл себе малиновый пиджак, солидный «дипломат» (тогда это считалось большим шиком) и, конечно, видеомаягнитофон. Но самое печальное – он начал крепко выпивать. И когда в иные разы я заглядывал к нему, то тот, потупив глаза, просил дать денег на опохмелку. Пробовал как-то увещевать его, говорил, что плохо кончит, живя один и пьянствуя, но ответ у него был один: «Дедушка меня защитит».

Он не один раз рассказывал о своём прославленном деде, который якобы во сне являлся к нему, что-то подсказывал, ругал за алкоголь. Вот на его заступничество он и надеялся.

Гадалка сказала правду

Как-то Асхат предложил съездить в одну татарскую деревню, где жила известная в

тех краях предсказательница, гадавшая на камешках. Мне приходилось встречать в этнографической литературе очерки о распространённом среди тюркских народов обычае гадать на мелких камнях, бросая их на стол или просто на землю как игральные кости. Но самому сталкиваться с чем-то подобным не случалось. Потому не раздумывая согласился.

Гадалка оказалась женщиной в годах. Денег за ритуал, в отличие от Асхата, не брала. Единственное, что она принимала, – дешёвые конфеты-подушечки или печенье. По-русски она не говорила, и мы долго ждали в качестве переводчицы её дочь, женщину лет сорока. Когда та появилась, мать начала её за что-то отчитывать. Я поинтересовался, за что гадалка сердится на неё. Та со смехом ответила, что зашла к подружке, а мать, бросив свои камешки, тут же определила, где она задержалась.

– Вот и замуж из-за неё выйти не могу, про любого мужика или парня все наперёд знает. Они её и боятся, – добавила она.

Мне, естественно, хотелось узнать, что гадалка расскажет обо мне. И она начала говорить о таких деталях из моей жизни, что даже неловко стало.

Асхат находился здесь же и внимательно слушал. Когда предсказательница сказала, что у меня четверо детей, он решил поймать её на ошибке и поправил, мол, детей только трое. Пришлось разочаровать его – о моём старшем сыне от первого брака, живущем в Тюмени, он не знал.

Вернувшись в город, уговорил местных тележурналистов съездить со мной и заснять эту удивительную женщину. Они не возражали. Она и про них выложила разные жизненные подробности. Те, покраснев из-за того, что кто-то посторонний может всё услышать, убежали во двор. А старушка смеялась и шуточно грозила им пальцем. Эффект был неизгладимый.

Уже перед отъездом кинооператор Миша Куричка задал ей вопрос, что называется, «на засыпку»:

– Бабушка, скажи, когда уйдёт в отставку Борис Ельцин?

Не раздумывая, она назвала число: 1 января 2000 года. Естественно, мы тогда приняли это известие с большим недоверием. Откуда ей такие тонкости большой политики известны? Но 1 января, когда первый президент России уже заявил о своём уходе с поста, Миша позвонил мне и срывающимся голосом прокричал:

– Помнишь, что бабушка сказала? Ведь не соврала... Всё точно!

Что я мог ответить? Что это случайность? Совпадение? Никакого разумного объяснения этому я придумать не смог. Материализм, пустивший в нас корни чуть ли не с детских лет, прочно жил в моём поколении, и всё, что так или иначе не вписывалось в наше представление о материальном мире, мы просто отрицали. Оно и понятно, сказать «не верю» всегда проще, чем поверить. Так уж мы устроены.

Где ты, Асхат?

Не знаю, что прорицательница говорила в тот раз Асхату, но мне показалось,

что-то не совсем приятное. Не зная татарского языка, я мог судить об их разговоре только по его эмоциям. Попробовал узнать, но он лишь отмахнулся. Потом всё же ответил:

– Говорила, что денег с людей брать нельзя. Дескать, не на пользу они мне пойдут. И ещё ругала, что вино пью, – чуть помолчав, Асхат заявил, что его дедушка был сильнее, чем эта гадалка, и добавил: – Он меня в обиду не даст.

До сих пор не знаю, что случилось с Асхатом, но в один из дней, приехав к его избушке, обнаружил, что вся она заметена снегом, к дверям нет даже тропинки. Поинтересовался у соседей, давно ли они его встречали. Ответили, что не обращали внимания, своих забот хватает. Отправился в милицию, написал, как положено, заявление об его исчезновении. Ответа из органов правопорядка так и не получил.

Принялся расспрашивать сослуживцев. Одна женщина намекнула, что несколько раз видела его с «крутыми» ребятами, якобы он обещал кому-то найти дорогую угнанную иномарку. Другие от моих настойчивых вопросов просто отмахивались, мол, уехал куда-нибудь, нашёл себе хозяйку и прижился.

Через несколько лет случайно встретил родного племянника Асхата. Спросил, не появлялся ли он на родине. Ответил, что нет. Никто не знает, куда он делся. Может, умер, может, уехал куда.

Когда вспоминаю о нём, то, конечно, жалею, что ничем не смог ему помочь. Может, зря сманил в город. Глядишь, жил бы он и сейчас в своём Ешаире. Земляки наверняка бы его в обиду не дали. Но захотел известности, решил жить как все, сытно и благополучно. И не выдержал. Видно, судьба так распорядилась. И дедушка не помог... Теперь только и остаётся, что со вздохом вспоминать об этом самобытном целителе, который приносил людям если не полное исцеление, то хотя бы облегчение страданий.

И всё же, когда раздаётся осторожный стук в дверь, я вскакиваю и бегу в надежде, что на пороге будет стоять Асхат и, робко улыбаясь, спросит: «Звал, однако?»

ЧУДО

Анастасия ЛАПСУЙ

г. Салехард

«Что такое чудо?» – спросили меня. «У каждого свои чудеса, – чуть помедлив, ответила я. – Ненцы моего поколения – это люди, преимущественно рождённые в тундре. Живя на природе, мы принимали жизнь такой, какой она виделась нам в своём естестве. И сказки были частью повседневной жизни. Птицы в них говорили на ненэ́й вада – языке настоящих людей. Боги одевались в меха и ездили, как и мы, на оленях. Не только мы, малышня, но и многие бабульки верили, что большие и малые божества, даже сам великий Нум, наиглавнейший и единственный, спускаются на землю...»

Вечерами, когда в тундре ложились спать, всезнающие бабушки нащёптывали своим внукам старинные сказки и сами же верили в них:

– Разве не знаешь, откуда детки берутся? Быстроногие женщины ловят их для себя в волшебном лесу! Да-да, и птицы там дружат с такими же, как ты, малышами; а добрые волчицы выкармливают зайчат и оленят...

Однажды летом в нашем стойбище появился повод для долгих перегадываний и бесед. Женщины с почтением в голосе зашептались о девушке из крайнего чума:

– Едя ниня мэ – она перед особой святой болезнью.

Говорили они это с улыбкой, по-доброму, будто пытаюсь сберечь чужую тайну.

– Едя ниня мэ... Что за болезнь такая? – ломала я свою детскую головку. – Ещё и особая, святая!

ФОТО: АНДРЕЙ ТКАЧЕВ / «ЯМАЛ-МЕДИА»

В поисках ответа я принялась украдкой разглядывать ту тундровичку, всё пыталась различить в ней немощ. Но широкополая суконная ягушка скрывала все происходящие с ней перемены. А вот от взрослых ничего не утаишь. Вижу, даже старики уступают ей дорогу. С чего бы? Да и суровые мужчины вдруг стали улыбки и весьма доброжелательны с ней.

А та со святым заболеванием то ли гордится, то ли очень хочет выделиться своим особым положением. Замечаю, идёт, будто к себе прислушивается, а ещё нет-нет да улыбнётся. Оглядываюсь по сторонам – ну ничего нет, что могло бы её развеселить. Тот же песчаный берег, и за ночь там ничего не изменилось. Я тоже пытаюсь улыбнуться, но нет повода.

Шли дни, а я всё не сдавалась. Наблюдая за той, которая перед святой болезнью, я заметила, что она стала необычно держать голову. Как-то гордо что ли. Как будто она не такая, как я или моя мама. А ещё мне разонравилась её походка. Некогда быстроногая, с туго затянутым пояском, с гладко прибранными на прямой пробор волосами, она будто стала тяжелее. Ступает осторожно, чуть переваливается. И без пояса. С чего пояс-то сняла? Что о ней подумают люди?

А бабки, глядя ей вслед, улыбаются, шушукаются как девчонки. О чём-то весёлом говорят, будто сами перед святостью.

Через некоторое время семья привезла по воде одну бабушку.

– Знающая, – уважительно охарактеризовали её наши стойбищенские бабулечки. – Через её руки чуть ли не все в нашем роду прошли. Опытная.

После таких слов мне стало совсем невтерпёж. Должна же я, в конце концов, разобратся, что тут происходит! Выбрала тактику: как старухи соберутся на солнышке поболтать, я тут как тут, кручусь под ногами, грею уши. На меня никто особого внимания не обращает, все думают, маленькая, глупый ребёнок.

– Хорошо, что самые близкие – свекровь и мать – пришли со своими Мяд' пухуця¹, которые присутствовали на многих родах. Да и та, что перед святой болезнью, родилась с их помощью, – шепчутся они.

Теперь открылась для меня ещё одна тайна: святая болезнь любит, когда рядом самые любящие, родные.

Как-то днём забегая в чум к объекту наблюдения. Там вся семья пьёт чай, меня усаживают за стол, угощают кусочком сахара. А я во все глаза разглядываю её. Она сидит на обычном месте, и нет в ней никаких изменений, но все вокруг к ней относятся с нескрываемой нежностью. И огонь в чуме горит без дыма. И входной полог чума распахнут во всю ширину, каждый может зайти, и его, как и меня, напоят чаем.

– Дух огня обещает завтрашний день, – говорит вдруг знающая, приезжая. Думаю, наши бабулечки ей слегка завидуют, не к ним ведь за помощью обратились, а специально за этой ездили. Ей даже вещички от лодки до чума донесли, сама она не утруждалась.

– Огонь твоего чума с тобой. Душа твоего чума витает над нами, защищает от всего злого, чужеродного. Мяд' пухуця – богиня, покровительница рожениц, доброе ухо открыла, нашим словам внимлет. Ласковым взглядом глядит, – продолжает приезжая.

Я тут же задрала голову: что там наверху? А ничего. Даже дыма нет от костра. И нет у Мяд' пухуця никакого открытого уха. Так что же там, наверху, узрела престарелая гостья? Странно всё это.

Присмотревшись к больной, я вдруг поняла, насколько рыхлой и жирной стала эта некогда тонкая и стройная девушка – сидит как расплывшийся, распоротый налим. В чуме журчит оживлённая беседа, и никто не замечает в ней этих неприятных изменений. Мне даже подумалось: стать жирной, рыхлой, наверное, и есть святая немощь.

С того дня всё мое внимание было приковано к дальнему чуму. Как ни пойду куда – ноги сами туда несут. А мама моя ничего о странной девушке не говорит, видимо, не было у неё никогда такой болезни.

Однажды днём входной полог соседского чума оказался плотно закрыт. Летом средь бела дня такого не бывает. Кручусь возле входа, хочу и боюсь притронуться к пологу – раз закрыт, значит, нельзя. Даже собаки все на улице, кормят мошку. Обошла чум вокруг, оглянулась, поблизости никого нет. Собравшись с духом, я распласта-

¹ Мяд' пухуця – родовая кукла, «хозяйка чума», хранительница домашнего очага и семейного благополучия. Размер Мяд' пухуця зависит от того, сколько на ней ягушек (национальная женская одежда). При рождении детей «хозяйке чума» дарят украшения, платки, пояса и ювелирные изделия.

лась на земле, прижалась ухом к нюку – вдруг услышу что-нибудь важное.

Детский слух восприимчив, хоть и не всё понимаю, но слова запоминаю. В чуме, кажется, кто-то постанывает. Не пойму, с чего бы кому-то так хворать. А может, что-то случилось с той, которая перед святой болезнью? Испугалась, до слёз жалко девушку, хочу хоть в щёлочку заглянуть, хоть маленькую дырочку найти, но входной полог чума плотно закрыт. Плотней, чем ночью. Это значит, что здесь никого не ждут.

– Земля и Небо – наши главные родители, – слышу голос приезжей.

Хоть и не всё понимаю, но запоминаю слова:

– Ты сейчас ещё в чреве матери-женщины.

Пора! К свету! Подтолкнуло место, где сотворился.

К солнцу!

Луна уже отсчитала месяцы,

в положенное время сейчас идёшь к свету.

Тут под бабушкино бормотанье возник ещё какой-то незнакомый звук.

– Открываешь рот для первого вдоха, вместе с твоим первым вздохом на небосклоне рождается новая, твоя звезда.

Она увидела тебя, её голос радуется,

Светом своим осветила, невидимой нитью, Нитью жизни связала тебя с собой.

Проникая через рот, выходя через родничок, Нить жизни прирастает к тебе.

И так становишься связанным с верховным миром,

другой конец Нити жизни

в руках богини Я' Мюня², всеобщий миропорядок создавшей.

В этот самый момент до моих чутких ушей донёлся как будто крик ребёнка...

Минули годы – беспризорные дети вечно-го времени; многое я в жизни узнала, поняла, но до сих пор остаётся глубокой загадкой чудо природы – рождение.

– Пора! К свету! Подтолкнуло место, где сотворился. К солнцу!

Откуда силы у этого беспомощного «сырого» пробиться сквозь крошечную темноту, через недружелюбные узкие проходы, которые давят со всех сторон, угрожают жизни, пытаются измять, перемолоть, стереть его? Пробился!

Это непонятно, ЧУДО для меня. Чудо из чудес! Чудо – рождение, перед которым до сих пор благоговеею как маленькая девочка. Не могу объяснить. 🙏

ФОТО: АЛЕКСАНДР РОМАНОВ

² Я' Мюня – богиня, покровительница женщин.

ЗАПОЗДАЛЫЙ ПОКЛОН АСТАФЬЕВУ

Наш автор Сергей Волков
побывал на родине великого писателя

Татьяна МУШТАЕВА

г. Салехард

Он планировал это давно, задолго до празднования столетия Виктора Петровича. «Не смог пропустить такое событие, – говорит 84-летний ветеран журналистики. – Ведь был знаком с ним лично. Астафьев приезжал в Салехард в 1970 году».

На одной вечеринке с писателем

В те времена Сергей Волков уже несколько лет работал на окружном радио. Однажды ему дали задание рассказать о подготовке к навигации. Героя он нашёл быстро – Вадим Летов, выпускник Ленинградского института инженеров водного транспорта, трудился на техучастке. Он был прекрасным рассказчиком, а радийщику именно это и нужно. Вскоре

Летов устроился работать в окружную газету «Красный Север», его тянуло в литературу.

– Мы с ним часто виделись, хорошо общались, – вспоминает Сергей Павлович, – а примерно через полтора года он пригласил меня и моего коллегу Анатолия Омельчука в гости со словами: «Ко мне Виктор Астафьев приехал. Будет вечеринка». Мы, конечно, пошли. Туда же был приглашён Сергей Москвин из Рыбнадзора.

Летов жил в 16-квартирном доме на улице Матросова. Сейчас на этом месте стоит здание окружного управления МВД России.

– Виктор Петрович был с женой Марией Семёновной. Она оказалась очень хозяйственной женщиной. Как только что-то заканчивалось на столе, тут же приносила. Сам писатель много и интересно говорил, упоминал поэта Николая Рубцова. У него с собой была маленькая записная книжка, которую он всё время вынимал из кармана, – рассказывает собеседник. – Вместе с ними приехали художник, имени не помню, и молодая мотогощица.

Воспоминания писателя о Салехарде сохранились и даже были опубликованы в книге «Виктор Астафьев. Нет мне ответа...», вышедшей в свет в 2012 году. В письме молодому писателю Ивану Степанову он пишет: «... Затем ездил в Салехард, где с женой и одним другом-художником на рыбнадзорском катере совершил «кругосветку» по малой и большой Оби.

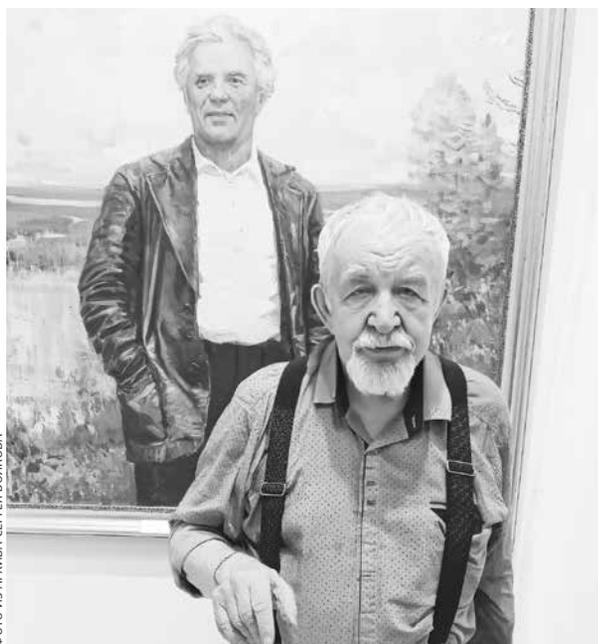

ФОТО ИЗ АРХИВА СЕРГЕЯ ВОЛКОВА

Сергей Волков: «Меня мучает вопрос, почему не навестил его, когда он был жив? В моей памяти Астафьев остался 46-летним. Худой, не очень высокий. Разговорчивый. Душа компании»

Обстановка в доме соответствует тому времени, когда в нём жил писатель. На вешалке висят его куртки, лежит кепка

Удивительная получилась поездка! Край этот не тронут ещё. Поел осетрины, муксуна, чира и пр. Настрелялся, насмотрелся, шишек кедровых побил, брусники поел и ровно бы очистился душой, и такая меня охватила жажда к работе, что, вернувшись, я тут же сел и начал давно задуманный роман об инвалиде войны...» Дата – 23 октября 1970 года.

Кстати, в этой же книге есть и письма Астафьева к Летову, в которых он обращается к нему не иначе как «дорогой Вадим».

– Летов стал собкором газеты «Известия», а потом журнала «Огонёк». Его произведения публиковались в «Юности». Он был очень внимателен к деталям. Помню, как однажды рассказывал ему про то, как увидел выброс газа на буровой – в вагончике тряслось всё, даже иконка на столе. Ему так понравился этот момент, что он попросил использовать его в своей кни-

ге, – продолжает собеседник. – Тогда за столом Виктор Петрович подарил Вадиму свою книгу с автографом. В девяностые, когда он уезжал в Израиль, отдал её мне, а я передал в фонд МВК имени И. С. Шемановского.

Дальняя дорога

В конце апреля ветеран журналистики вылетел из Салехарда в Москву, а оттуда – в Красноярск. Нужно было успеть к 1 мая – день рождения Виктора Астафьева. Но вовсе не праздничные мероприятия интересовали путешественника, ему хотелось посетить село Овсянку, где прошло детство писателя и где он создал свои знаковые произведения.

– До места добирался на электричке. И, представляете, познакомился в ней с Сергеем Ошаровым. Он лично знал Виктора Пе-

Сергей Павлович с Сергеем Ошаровым, с. Овсянка

У Национального центра В. П. Астафьева. Его открыли 1 мая 2024 года в честь 100-летия писателя

тровича и был одним из инициаторов публикации сборника «Пролётный гусь», – улыбается Сергей Павлович.

В Овсянке столетие Астафьева отпраздновали с размахом. Было очень много людей, шёл концерт, работала ярмарка – продавали книги, значки, открытки.

– Но меня больше интересовал дом, в котором писатель жил с 1980 года. Он стоит на улице Щетинкина напротив избы его бабушки Екатерины Петровны. Небольшой, по-настоящему деревенский, уютный. Наверное, он напоминал ему о детстве.

Погоуляв по астафьевским местам, северянин отправился искать могилу писателя.

– Зашёл в церковь у кладбища, спрашиваю у батюшки: «А где Виктор Петрович?», он отвечает: «На кладбище. Которое в 10 километрах отсюда. Туда автобус ходит, выходить нужно на остановке «Сады». Добрался, стал у людей спрашивать, куда именно идти, – никто не знает. Наконец, одна женщина помогла – практически за руку довела. Могила Астафьева находится недалеко от Енисея. Его похоронили, как он и просил, возле дочери Ирины.

Сергей Павлович признаётся, что часто во время поездки думал о строках, написанных писателем незадолго до смерти: «Я пришёл в мир добрый, родной и любил его бесконечно. Я уйду из мира чужого, злобного, порочного. Мне нечего сказать вам на прощанье». Они навевали грусть.

– Поездка в Овсянку напомнила мне историю репрессированного Ивана Данько, знакомого из Лабытнанги. Он называл себя белой вороной, – вспоминает журналист. – В 1937 году Иван Яковлевич ездил на могилу Пушкина, привёз оттуда еловую ветку и шишку. Никто не понимал, зачем ему это нужно. А я понимаю. Только я вместо шишки привёз книгу, значок и программку праздника.

– Рад, что съездил. – Для многих это покажется чудачеством, но мне хотелось отдать дань памяти писателю и человеку, которого я знал. 🌐